

И. ШАСКОЛЬСКИЙ

ШВЕДСКАЯ
ИНТЕРВЕНЦИЯ
В КАРЕЛИИ
в начале XVII в.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР
ПЕТРОЗАВОДСК 1950

О Т А В Т О Р А

События начала XVII века являются узловым, переломным моментом в истории Карелии и карельского народа в феодальную эпоху. Об этих событиях писали неоднократно и ученые старой России и буржуазной Швеции, и финские буржуазные историки. Но значение и место этих событий в карельской истории смогла правильно установить только советская историческая наука.

Выдающийся советский ученый Д. В. Бубрих в своей работе «Происхождение карельского народа»¹ показал, что захват шведами в начале XVII века Карельского перешейка и северного Приладожья — древней племенной территории карел — привел к тому, что карельский народ, верный вековой дружбе с русским народом, за несколько десятилетий ушел с захваченной шведами территории в Россию, навсегда покинув свое старое «племенное гнездо», покинув землю, где в течение предшествовавших столетий находился политический и культурный центр Карелии.

Настоящая работа ставит своей целью подробно осветить те события, значение которых было показано Д. В. Бубрихом. Мы стремились показать, как в начале XVII столетия карельский народ совместно с русским народом боролся против шведской интервенции в Приладожье и в Беломорье, как русские и карелы мужественно отстаивали от интервентов древнее карельское «племенное гнездо» и лишь ввиду крайне тяжелого в тот момент политического положения России потерпели неудачу в своей борьбе. При этом мы старались выявить

в исторических материалах все факты, говорящие об активном участии в борьбе самих карел.

Дружба русского и карельского народов в далеком прошлом проявлялась неоднократно во время войн, часто вспыхивавших на русско-шведской границе. Но, может быть, наиболее ярким проявлением этой исторической дружбы в прошлом явилась совместная ожесточенная борьба русского и карельского народов против шведов за сохранение Корельского уезда в составе Русского государства. Борьба карельского и русского народов против шведской интервенции в Карелии в начале XVII века до сих пор не была подробно освещена в нашей исторической литературе. Важные и славные страницы карельской истории должны быть раскрыты перед советской общественностью.

Шведское вмешательство во внутренние дела России в начале XVII века проводилось под маской помощи попавшему в затруднительное положение московскому правительству. Предлагаемые вниманию читателя русские и шведские документы, которые мы даем в приложении, разоблачают подлинные цели шведских правящих кругов и весьма ярко показывают захватнический характер шведской политики в Карелии во время интервенции начала XVII столетия.

Считаем долгом выразить благодарность проф. С. Н. Валку, Р. Б. Мюллер, проф. Д. В. Бубриху, Е. С. Гардину, А. И. Попову, А. М. Линевскому, Н. И. Богданову, ценными указаниями которых мы пользовались при написании настоящей работы. Выражаем также благодарность дирекции Ленинградского отделения Института истории, разрешившей нам пользоваться материалами своей библиотеки и архива. Особенно мы должны отметить большую помощь, оказанную нам дирекцией Института истории, языка и литературы Карело-Финского филиала Академии наук СССР.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Иноземная интервенция в начале XVII века в той или иной мере затронула почти всю территорию Карелии. Но события, разыгравшиеся в разных районах Карелии, далеко не равны по своему значению.

Старая русская историческая наука не оставила общих работ по истории Карелии и, в частности, по периоду иноземной интервенции. Русские дореволюционные историки, касаясь событий в Карелии в этот период, рассматривали их как события общерусской истории эпохи «смутного времени». Значение политической борьбы, происходившей на территории Карелии в начале XVII века, в общем ходе истории карельского народа русских буржуазных авторов совершенно не интересовало.

Заслуга первого в советской исторической литературе освещения этих событий принадлежит безвременно погибшему молодому карельскому историку В. А. Пегову, написавшему в 1939 году брошюру «Польско-шведская интервенция в Карелии в начале XVII века». Но В. А. Пегов неправильно считал главным моментом среди событий начала XVII века в Карелии действия польско-литовских отрядов в 1613—1614 гг., названные им термином «польская интервенция», и именно им уделил основное внимание. Вслед за Пеговым и Р. Б. Мюллер в «Очерках по истории Карелии», в главе о событиях начала XVII века, наибольшее место тоже уделяет действиям отрядов поляко-литовцев (правда, в менее резко выраженной форме).²

В действительности же, как мы это покажем ниже, польско-литовские отряды действовали не самостоятельно, а по заданию шведского командования, и действия их не имели серьезных политических последствий в жизни карельского народа.

Главным, центральным событием периода ипоземной интервенции в Карелии была борьба за город Корелу и Корельский уезд, за территорию, где в течение многих столетий находился политический, экономический и культурный центр Карелии и где жило наиболее многочисленное и компактное карельское население; исход борьбы за Корельский уезд определил дальнейшие судьбы карельского народа.

Сравнительно с борьбой на Карельском перешейке развернувшаяся несколько позднее борьба за беломорскую Карелию играла второстепенную роль в ходе интервенции: и населения там было значительно меньше, и шведы там действовали менее активно. Второстепенное значение, как уже сказано, имели и действия польских отрядов в 1613—1614 гг., выполнявших задания шведского командования.

Финляндская буржуазная историческая литература события начала XVII века в Карелии затрагивала неоднократно и в общих работах по истории Финляндии, и в общих сочинениях по истории Карелии, и в специальных исследованиях, касающихся данного периода.³ Но место и значение этих событий в общем ходе карельской истории финские буржуазные историки определить не смогли, и совсем не потому, что они не знали исторических фактов. Напротив, в их распоряжении были и русские публикации, и неопубликованные материалы шведских архивов, недоступные для русских ученых, и потому, как можно полагать, финские авторы были достаточно хорошо знакомы с фактами. Но правильное изложение и освещение событий неизбежно привело бы к таким политическим выводам, которые финских буржуазных авторов совершенно не устраивали.

В работах финских ученых по истории Карелии (и по истории Финляндии) в изложении событий начала XVII века читатель не находит самого, казалось бы, главного — не находит самих карел, их активной роли в ходе борьбы. Финские историки нередко подробно излагают и захватнические планы шведского правительства, и дей-

ствия шведских войск на русской территории, и оборонительные действия русских, но умудряются (даже в работах, специально посвященных карельской истории) ни словом не упомянуть о самих карелах, о их роли в событиях.

Такой подход к изложению событий, разумеется, не является случайным. Он определяется общими политическими установками финской исторической литературы.

Финская буржуазная историческая литература издавна имеет антирусскую направленность; в произведениях финских историков в более или менее открытой форме обычно проводилась и проводится основная идея финского буржуазного национализма о якобы исконной враждебности финнов к России и к русскому народу и о якобы исконной дружбе финнов со шведами.

Финские буржуазные ученые, изучающие историю своей страны эпохи средневековья, выдвинули псевдонаучную теорию о якобы существовавшем в XIV—XVII веках государстве «Шведо-Финляндия» (Швеция — Финляндия).⁴ Вопреки хорошо известным фактам, финские историки считают, что в этом якобы двойном государстве обе составные части были равноправны (или почти равноправны); иными словами, Финляндия была, по их мнению, не колонией, а равноправной (или почти равноправной) частью двойного государства, правительство было не шведским, а шведо-финляндским, внешняя политика (в том числе и борьба против России) проводилась не только в интересах Швеции, но и в интересах Финляндии, и т. д. В частности, по мнению этих авторов, захватническая политика шведских королей Карла IX и Густава-Адольфа в начале XVII века в северо-западной России отражала не столько интересы феодальной Швеции, сколько государственные и национальные интересы Финляндии. С особым увлечением финские буржуазные авторы излагают захватническую программу-максимум Карла IX и Густава-Адольфа, называя ее «великой восточной программой».⁵ Эта программа, предполагавшая захват не только Корельского уезда (восточной части Карельского перешейка) и Ижорской земли, но и всего русского Севера, включая беломорскую Карелию, Кольский полуостров и Подвине, по мнению финских историков, отвечала национальным потребностям

финского народа, ибо должна была включить все карельские земли в состав «Шведо-финляндского» государства и отодвинуть границы «Шведо-Финляндии» чуть ли не до Уральских гор.*

Исходя из подобных установок, финские буржуазные ученые не могли правильно осветить события начала XVII века в Карелии, не могли подробно изучить и изложить действия самого населения Карелии — карельского народа. Конкретные факты должны были сразу же разрушить с таким трудом подготовленное «ученое» построение, показав, что весь карельский народ с исключительной энергией и мужеством боролся против всех попыток присоединения Карелии к «Шведо-Финляндии», рассматривая шведов как захватчиков и национальных врагов. Если подробно рассказать о борьбе против присоединения Корельского уезда к «Шведо-Финляндии», о героической обороне Корелы, о борьбе карельского населения против шведских интервентов на севере, уже никак не удастся доказать, что завоевательная политика шведских королей отвечала национальным интересам и стремлениям финнов и карел. Финские авторы, доказывая, что шведская программа объединения финнов и карел под властью «Шведо-Финляндии» отвечала национальным стремлениям обеих ветвей финского племени, никак не могли показать действительного хода событий, когда стремления карельского народа были направлены не *за*, а *против* присоединения к шведской Финляндии, против перехода под шведскую власть.

Отказавшись от правильного показа событий начала XVII века, замалчивая факты, показывающие борьбу карельского народа против шведской интервенции, финская буржуазная историческая литература не могла правильно осветить и результаты шведской интервенции и значение этих событий в истории Карелии. В финских буржуазных исторических сочинениях обычно не отмечается, что Корельский уезд, главный объект борьбы, был политическим и экономическим центром карельского

народа. Умалчивая о значении этой территории по сравнению с другими карельскими землями, финские историки скрывают тот факт, что в результате захвата Корельского уезда в руках шведов оказалась наибольшая часть карельского народа, то есть перед карельским народом возникла реальная перспектива дальнейшего существования в составе шведской Финляндии. Финские авторы вынуждены замалчивать эти обстоятельства потому, что им, исходя из их общей концепции, крайне нежелательно признавать главное последствие захвата Корельского уезда шведами — уход основной массы карельского народа с захваченной территории в русские земли. Финские ученые прошлого столетия все же еще кое-как, с большими оговорками, признавали этот важнейший факт карельской истории XVII века;⁶ современные же финские историки не хотят признавать этот факт, стараются его обойти или затушевать его значение, ибо этот факт может погубить всю их концепцию, показывая, что основная масса карельского народа тяготела не к «Шведо-Финляндии», а к русскому народу, к Русскому государству.

В результате, в работах финских буржуазных ученых по истории Карелии совсем не освещено одно из важнейших событий исторического прошлого карельского народа — народная борьба против шведских интервентов в начале XVII столетия, завершившаяся уходом карел с захваченной шведами древней карельской племенной территории в русские земли. Таким образом, история карельского народа не только фальсифицируется, но и обедняется. Карельский народ изображается как безвольный объект исторического процесса, не участвовавший в политических событиях, не участвовавший в решении своей собственной судьбы. Согласно трактовке финских авторов, судьба карельского народа в начале XVII века решалась без всякого участия самого народа, а зависела только от результата борьбы Швеции («Шведо-Финляндии») и России.

Шведские историки, описывающие события начала XVII века в Карелии, занимают позицию, в известной мере близкую к позиции финских авторов. Шведские историки шведской интервенции в России — Видекинд, писавший в 60-е гг. XVII века, Альмквист, писавший в начале XX века, и авторы капитального сочинения «Войны Шве-

* «Великая восточная программа» шведских королей, описываемая с такой любовью финскими авторами в книгах 1938—44 гг. издания, должна была у современного финского читателя вызвать прямую аналогию с выдвинутым финскими фашистами бредовым планом создания «Великой Финляндии» с включением в ее состав всего севера европейской России.

ции 1611—1632 гг.», работавшие в 30-х гг. нашего столетия, в отличие от финских историков дают довольно подробное изложение политической борьбы и военных действий, развернувшихся на территории Карелии в начале XVII века. Но все эти авторы, жившие в разные исторические эпохи, «не замечают» живущего на этой территории народа — карел. В работах упомянутых шведских историков слово «карелы» не упоминается ни разу. Эти авторы употребляют абстрактные географические понятия: «крестьяне Кексгольмского уезда» или «живущие у Бесого моря» и т. п. Видекинд, правда, мог не знать термина «карелы», ибо этот термин в XVII веке мало употребляется в шведских официальных документах и бумагах. Но Альмквист и авторы I тома «Войн Швеции» не могли не знать о существовании карельского народа, жившего как раз на территории, где происходили описываемые ими военные действия. Скорее всего, эти авторы просто не хотели признавать того факта, что крестьяне и горожане-карелы, ближайшие родичи подвластных шведам финнов, ожесточенно боролись против шведов за сохранение своей земли в составе Русского государства. Не указывая на национальность крестьян и горожан Корельского уезда, Альмквист и авторы «Войн Швеции», видимо, стремились создать у читателя впечатление, что в Корельском уезде жило (и боролось против шведов) просто русское крестьянское население, такое же, как и во всей новгородской земле.

Иными словами, несмотря на некоторые различия, общие установки финских и шведских историков в данном случае оказываются весьма близкими. И это не просто случайное совпадение. Если присмотреться к оценке событий начала XVII века финскими буржуазными авторами, то становится ясно, что финские авторы смотрят на события *шведскими* глазами, придерживаются не национально-финской (как они декларируют), а шведской точки зрения. При оценке событий начала XVII века в Карелии финские авторы берут за основу не национальные интересы финского и карельского народов, а интересы шведского феодального государства. Именно поэтому финские авторы в неменьшей (а даже нередко и в большей) мере, чем шведские историки, с увлечением расписывают захватническую политику шведских коро-

лей в России и полностью эту политику оправдывают. Имея общие политические установки, финские и шведские авторы одинаково изображают ход шведской интервенции начала XVII века в Карелии; и те, и другие не хотят «замечать» карельского народа, как активную силу, борющуюся за свою землю и свое будущее. Поэтому они не дали и не могли дать правильного изложения и освещения важнейших событий карельской истории XVII века. Задача эта может быть выполнена только советскими историками.

Настоящая работа является лишь первой попыткой широкого освещения борьбы карельского народа против иноземной интервенции начала XVII века. Изучение этих событий, отыскание новых материалов и документов должно продолжаться и дальше.

Для изучения событий начала XVII века в Карелии мы должны пользоваться и русскими, и шведскими источниками, причем далеко не все источники нам доступны; значительной частью источников мы можем пока пользоваться лишь «из вторых рук».

Центральные события — борьба за Корельский уезд и героическая оборона Корелы — известны нам в основном по шведским материалам; в русских архивах имеется лишь несколько документов, освещающих дипломатическую борьбу за Корелу, и совсем нет материалов об обороне Корелы в 1610—1611 гг. Причины этого станут ясны из дальнейшего изложения, где мы показываем, что Корела с 1608 г. не подчинялась правительству Шуйского, а с лета 1610 г. была совершенно отрезана шведскими войсками от России, и потому в московском и новгородском архивах до лета 1610 г. почти не могло, а с лета 1610 г. совсем не могло отложиться никаких документов, исходящих из Корелы.

Шведские материалы широко и весьма подробно освещают и подготовку шведского вторжения, и борьбу за Корельский уезд и за город Корелу; это, главным образом, многочисленные письменные донесения шведских должностных лиц королю и высшим правительственным чиновникам. В частности, сведения о героической обороне Корелы сохранились только в письменных донесениях шведских командиров, осаждавших город. Основная

масса этих письменных донесений хранится в Государственном архиве в Стокгольме; часть документов — переписка шведского главнокомандующего Делагарди — хранится в архиве Делагарди в библиотеке Тартусского государственного университета.

Шведская интервенция на севере Карелии освещается в равной мере и русскими, и шведскими источниками, взаимно дополняющими друг друга.

Из русских материалов наибольшее значение имеет хранившаяся в архиве Соловецкого монастыря переписка между соловецким игуменом (являвшимся в начале XVII века фактическим главой политической власти в северной Карелии) и шведскими губернаторами северной Финляндии.⁷ Ряд материалов сохранился также в московских архивах. Шведские материалы губернаторов и командиров военных отрядов из северной Финляндии, хранящиеся в Государственном архиве в Стокгольме, дают ценные сведения о подготовке и осуществлении шведской интервенции в северной Карелии и на Кольском полуострове, *показывая (это особенно важно), что нападения отдельных отрядов на русские рубежи были лишь звеньями широко задуманного плана завоевания всего русского Севера.*

Действия польско-литовских отрядов в северной Карелии освещаются лишь в очень небольшой мере шведскими, а в основном — русскими источниками, хранящимися в московских архивах.

Русские источники, касающиеся всех этапов иноземной интервенции в Карелии в начале XVII века, в своей основной массе (за немногими исключениями) опубликованы; по авторитетному мнению специалистов, неопубликованных документов, касающихся этих событий, в русских архивах почти уже не осталось.*

Иное дело шведские источники. Они опубликованы лишь в очень небольшой части финским историком Ваараненом, издавшим лишь документы, связанные с историей Финляндии.⁸ Основная масса шведских материалов, освещающих шведскую интервенцию в России, еще

не опубликована и советским исследователям недоступна.

Тем большее значение получают поэтому сочинения тех историков, которые могли изучить Стокгольмский архив и писали на основании его документации. Ввиду недоступности для нас самих документов, нам приходится пользоваться сочинениями, написанными на основе документов и излагающими их содержание.

За три с лишним столетия, прошедшие со времени шведской интервенции, документы Стокгольмского архива по этому вопросу изучались только четыре раза: Видекиндом (60-е гг. XVII в.), Форстеном (90-е гг. XIX в.), Альмквистом (900-е гг.) и авторами I тома «Войн Швеции 1611—1632 гг.» (30-е гг. XX в.). При этом Г. В. Форстен, профессор Петербургского университета и крупнейший исследователь «балтийского вопроса», интересовался только историей дипломатических сношений; военные действия, вызванные вооруженным вмешательством шведов во внутренние дела России в начале XVII века, его не интересовали, и он их совсем не касается. Поэтому капитальная работа Форстена «Балтийский вопрос»⁹ могла для нашей темы дать лишь материал о дипломатической подготовке шведской интервенции. Для освещения основных событий мы можем брать материал только у Видекинда, Альмквиста и в I томе «Войн Швеции».

Шведский историк Видекинд писал свою «Историю шведско-московитской войны» в 60-х гг. XVII столетия, когда в Швеции была еще жива память об описываемых им событиях. В основу труда были положены документы Стокгольмского архива; автор обычно попросту пересказывает содержание этих документов, стараясь (причем не всегда удачно) дать на их основе более или менее связанное изложение событий. Видекинд пересказывает материалы архива довольно подробно — в этом большое достоинство его книги. Кроме того, он располагал некоторыми материалами, которые в дальнейшем были утрачены и теперь в шведских архивах не сохранились, а также в отдельных случаях мог пользоваться личными воспоминаниями современников. Поэтому, хотя изложение Видекинда тенденциозно, хотя автор довольно открыто проводит шведскую великодержавную политическую линию и старается дать соответствующее освеще-

* Сошлюсь здесь на мнение таких знатоков архивных материалов по Карелии XVII века, как Р. Б. Мюллер и В. Г. Гейман; аналогичное мнение высказал еще 40 лет назад просмотревший московские архивы шведский историк Альмквист.

щение фактам, обилие фактического материала сделало книгу Видекинда на протяжении двух с лишним столетий основным и важнейшим источником сведений о шведской интервенции в России начала XVII века. К книге Видекинда обращались, в частности, и многие русские авторы, касавшиеся этих событий: Карамзин, Соловьев, Костомаров и др.

Книга Видекинда была издана лишь дважды, на шведском (1671)¹⁰ и латинском (1672)¹¹ языках, и теперь стала библиографической редкостью. Поэтому Ленинградское отделение Института истории Академии наук СССР накануне Великой Отечественной войны готовило к печати выполненный С. А. Аннинским русский перевод Видекинда. Рукописью перевода, хранящейся в архиве Ленинградского отделения института, мы пользовались при написании настоящей работы. Интересовавшие нас места перевода сверены с печатным текстом Видекинда, и ссылки мы даем по печатному шведскому изданию.

Видекинд писал свою книгу тогда, когда европейская историческая наука находилась еще в младенческом состоянии, и потому он не мог дать научного изложения и освещения описываемых событий. Последнюю задачу взял на себя спустя 240 лет шведский ученый Альмквист. Альмквист изучил шведские и русские архивы, публикации и научную литературу и собрал весьма большое количество материалов, освещающих русско-шведскую борьбу конца XVI и первого десятилетия XVII века. В своей книге «Швеция и Россия (1595—1611)»¹² Альмквист освещает ход событий гораздо шире, глубже и точнее, чем Видекинд, дает вполне цельную картину подготовки и начала шведской интервенции в Московском государстве. Разумеется, Альмквист также тенденциозен, но у него шведская великодержавная тенденция проводится более тонко, более завуалированно. И для нас важно было не общее построение Альмквиста, а собранные им и изложенные в его книге ценные материалы, касающиеся шведской интервенции в Карелии.

Хотя Альмквист изучал с помощью более совершенных научных приемов тот же фонд Стокгольмского государственного архива, что и Видекинд, и, следовательно, изложил в основном те же материалы на более серьезном уровне, после выхода книги Альмквиста труд Виде-

кинда все же сохранил свое значение для исследователей. Прежде всего, Альмквист доводит свое изложение лишь до середины 1611 г.; таким образом, его книга охватила лишь начало шведской интервенции. Для изучения шведской интервенции с середины 1611 г. и по 1617 г. попрежнему приходится обращаться к Видекинду. Но и в описании событий 1608—1611 гг. некоторые материалы изложены только у Видекинда, а Альмквистом опущены.

Авторы первого тома «Войн Швеции 1611—1632 гг.» заново пересмотрели в 30-х гг. XX века шведские архивы, и их работа дает некоторые новые сведения о событиях шведской интервенции начала XVII века в России и, в частности, в Карелии. Правда, в этой книге основное внимание уделено чисто военным вопросам, но освещаются и основные моменты политической истории, излагается содержание всех наиболее важных документов внешнеполитического характера, исходящих от шведского правительства. Разумеется, что эта книга глубоко тенденциозна, написана в духе оправдания захватнической политики Швеции начала XVII столетия.

Ввиду антирусской направленности и методологической порочности всех названных нами шведских работ, рассуждения и выводы их авторов большей частью не имеют для нас научной ценности. Ссылки на эти сочинения мы даем лишь в тех случаях, когда в них излагается содержание недоступных нам шведских архивных источников.

Имеющиеся в нашем распоряжении русские и шведские материалы в своей совокупности позволяют нам довольно полно осветить подготовку и ход шведской интервенции на территории Карелии и борьбу русского и карельского народов против шведских захватчиков в начале XVII столетия.

1. КАРЕЛИЯ К НАЧАЛУ XVII ВЕКА

К началу XVII века Карелия имела уже свою длительную и богатую историю.¹³

Местом первоначального формирования карельского племени был Карельский перешеек и соседние земли северо-западного Приладожья. На этой территории, примерно в XI—XII веках, сформировалось племя карел, как определенная этническая общность, со своим языком, материальной и духовной культурой. Карельский перешеек к тому времени уже давно принадлежал древнерусскому государству. Карельское племя образовалось внутри русских владений, под огромным воздействием русской государственности. Экономическая жизнь карельских земель стала с тех пор развиваться в тесной связи с русской экономикой; карельская культура стала развиваться под влиянием русской культуры.

Вскоре после формирования карельского племени карелы из северо-западного Приладожья стали распространяться на запад, север, восток, заселяя и осваивая все новые и новые территории. На западе карелы освоили приморскую половину Карельского перешейка и земли между озером Сайма и Финским заливом — Саволаксом. На востоке карелы распространяются на Олонецком перешейке, в сторону Онежского озера, и сливаются с живущей там весью (предками современных вепсов). На севере карелами были освоены огромные лесные пространства между северной частью Ботнического залива и Белым морем; жившее здесь саамское население было частично оттеснено в тундру крайнего севера, частично осталось на месте и постепенно слилось с карелами. Не-

сколько позднее, в XIII веке, карелы проникают еще дальше на север, в саамскую тундру, и здесь, в западной части страны саамов, вступают в борьбу с норвежцами.

Освоение карелами больших территорий на севере и, частично, на востоке, приводит к оформлению трех основных районов средневековой Карелии:

- 1) Карельский перешеек и северо-западное Приладожье,
- 2) Обонежье,
- 3) Северная Карелия (первоначально — от Белого моря до Ботнического залива).

Из этих трех районов основным на протяжении ряда столетий продолжал оставаться район Карельского перешейка (точнее — его восточная часть, прилегающая к Ладожскому озеру). Здесь, на территории древнего «племенного гнезда» карел, вплоть до начала XVII века находился центр политической и экономической жизни Карелии, центр карельской национальной культуры. Здесь было наиболее густое и многочисленное оседлое карельское население; уровень экономического развития был выше, чем в других карельских землях. Как явствует из археологических раскопок конца прошлого века, эта территория уже с XII столетия была районом развитого земледельческого хозяйства. Древние промыслы, охота и рыболовство, хотя и существовали, но отошли уже на второй план. Земледелие привело к прочной оседлости, к появлению длительно существующих селений, к развитию торговли и ремесла и, наконец, к началу отделения ремесла от сельского хозяйства. В XIII веке на Карельском перешейке появляется первый карельский город Корела* — вблизи устья Вуоксы. Видимо, одновременно возникает и второе поселение городского типа — Тиверский городок (Тиуринлиина). Быстро развивающаяся торговля связывает северо-западное Приладожье через Ладожское озеро с Новгородом, через Вуоксу (до XVII века впадавшую одним своим рукавом в Ладожское озеро, другим — в Финский залив у Выборга) — с морем и заморскими землями: Готландом, Швецией и др. Торговля в основном находилась в руках новгород-

* По-шведски Кексгольм, ныне — г. Приозерск Ленинградской области.

ских и иноземных купцов (из Швеции, с Готланда, из северной Германии). Но в торговле участвовали и сами карелы. На небольших судах они часто отправлялись в путешествия по северным речным путям с целью торговли и пушного промысла, а также нередко совершали вооруженные набеги за море, в Финляндию, на Готланд, в Швецию.

Обонежье и северная Карелия в своем развитии заметно отставали от района Карельского перешейка. В Обонежье переход к земледельческому хозяйству совершился позднее. Здесь долго еще, наряду с земледелием, не менее важную роль играли охота и рыболовство, а в связи с этим и оседлость была менее прочной, так как насаждение в периоды охоты и рыбной ловли надолго покидало свои деревни. Население было здесь более редким; торговля была развита значительно слабее и связывала Обонежье только с Новгородом. Заморской торговли обонежские карелы не вели и никаких связей с заморскими землями не имели.

Население северной Карелии в XII—XIII веках земледелия еще не знало, занималось только рыболовством и охотой на пушного зверя; прочной оседлости здесь также не было. Население было очень редким и в культурном отношении отставало от населения карельского Приладожья и Обонежья. Но связи между северной Карелией и ее метрополией — Карельским перешейком — сохранялись непрерывно. Поддержанию и укреплению этих связей способствовала торговля: пушнину, добываемую в северных лесах, карелы везли на Карельский перешеек, а оттуда — в Новгород.

Прочные и тесные экономические связи карел с Новгородом являлись первоначальной почвой для создания прочных политических связей. Карельское племя, как уже говорилось выше, возникло на русской территории, развивалось и крепло, как составная часть Новгородского государства. Как и жители других окраин Новгородского государства, карелы несли обязанности защиты государства от нападений внешних врагов. Совместно с русскими, а часто и самостоятельно, карелы в XII—XIII веках активно боролись со шведами, защищая интересы Новгородского государства на берегах Финского залива и Балтийского моря, а также в глубинных районах Финляндии. Под овеванными славой знаменами Александра

Невского ходили в 1256 г. на шведов вместе с русскими и карельские воины.

Уже в XII—XIII веках прочно складывается скрепленная кровью боевая дружба русских и карел.

В середине XIII века шведы, заняв центральные области Финляндии, вплотную подошли к карельским землям. С тех пор на много столетий Карелия стала пограничной территорией. Началась длительная и упорная борьба между Россией и Швецией за карельские земли.

Первый удар шведы направили на западные районы Карелии.

Западные карельские земли, прежде всего Карельский перешеек, имели большое стратегическое значение. Карельский перешеек был ближайшим подступом к устью Невы, являвшемуся единственным для древней Руси выходом к морю, был ближайшим подступом к Неве — важнейшей артерии русской внешней торговли. Захват Карельского перешейка мог предрешить захват шведами Невы, тем самым лишить Русь всех связей с внешним миром и, следовательно, возможности вести внешнюю торговлю. С другой стороны, в случае захвата Карельского перешейка шведами русским военным силам преграждался бы доступ в Финляндию, без чего шведские завоеватели не могли считать свое положение в недавно покоренной Финляндии вполне прочным.

В 1293 г. шведские войска высадились на северо-западном берегу Карельского перешейка и в важнейшем стратегическом пункте перешейка, при впадении Вуоксы в Финский залив, основали мощную каменную крепость Выборг. Таким образом, западные карельские земли — западная часть Карельского перешейка, Саволак и морское побережье от Выборга до реки Кюммене — оказались в руках шведов. Жившее здесь немногочисленное карельское население было покорено и насильственно крещено в католическую веру.

Началась война за обладание Карельским перешейком, затянувшаяся на тридцать лет. Шведы, стараясь овладеть всей территорией перешейка, дошли до Ладожского озера и временно захватили стратегический центр восточной части перешейка — Корелу. Но новгородцы

* Имеется в виду старое русло Вуоксы.

при поддержке карельского населения быстро вернули Корелу и оттеснили шведов обратно на запад. Стремясь изгнать шведов с Карельского перешейка, новгородцы, в свою очередь, дважды осаждали Выборг, но неудачно. В результате тридцатилетней борьбы на Карельском перешейке установилось временное равновесие сил: ни та, ни другая сторона не могла одержать верх и полностью овладеть этой стратегически важной территорией перешейка. Обеим сторонам пришлось согласиться на заключение мира.

Ореховецкий мир 1323 г. являлся компромиссным решением спора. Граница, прошедшая по реке Состре и далее на север, разделила Карельский перешеек на две части — восточную, оставшуюся в составе русской государственности, и западную, отошедшую к Швеции.

Ореховецкий мир явился важной исторической датой в истории карельского народа. Западные карельские земли были отделены от Карелии, местное карельское население постепенно подпало под финское влияние и, утратив свои старые племенные отличия, слилось с финнами. Основная часть Карелии (восточная, приладожская часть Карельского перешейка) стала с этого момента территорией, расположенной у самой границы, что наложило свою печать на всю дальнейшую жизнь этой наиболее важной из карельских земель.

Граница, установленная Ореховецким миром, с самого начала была вынужденной, компромиссной; она не удовлетворяла ни одну из борющихся сторон. Борьба России и Швеции за овладение всем Карельским перешейком продолжалась с более или менее длительными перерывами в течение XIV, XV и XVI веков. И во время шведской интервенции начала XVII века шведы прежде всего стремились захватить восточную половину перешейка с городом Корелой.

Упорная трехвековая борьба России и Швеции на Карельском перешейке не привела к изменению границы, установленной Ореховецким миром. Русское государство прочно держало в своих руках все это время (кроме нескольких лет в конце XVI века) восточную половину перешейка. Объясняется это, прежде всего, причинами не военного, а политического характера. Во время войн со шведами оборона этой территории опиралась не столько на укрепления и гарнизоны (русские имели на этой

территории только две, а с конца XV века — даже одну крепость — Корелу*), сколько на силы самого населения — карельского народа. Сопротивление карельского народа шведским захватчикам обеспечило сохранение древней карельской земли в составе Русского государства. Во время нападений шведов сам карельский народ принимался на борьбу против захватчиков и совместно с русскими отстаивал родную землю.

Вторым объектом спора Русского государства и Швеции с конца XIV века стала северная Карелия. Здесь борьба разгорелась вначале из-за карельских земель у Ботнического залива. Эти земли, населенные русскими подданными — карелами, входили первоначально в состав Новгородского государства. Водный путь, проходивший через озеро Пиэлис-ярви, связывал восточную Приботнию с Ладожским озером и Белым морем. С XIV века в восточную Приботнию (по-шведски — Эстерботнию) стали проникать шведы и финны: первые — с юга и запада, вторые — с юга. Стремясь к господству на этой территории, шведы и финны начали теснить карел. В течение XV века борьба шла с переменным успехом, но ввиду отдаленности Приботнии от русских земель и, наоборот, близости к Швеции и шведским владениям в Финляндии, соотношение сил здесь складывалось в пользу шведов. В XVI веке шведы постепенно завершают захват приботнических земель и закрепляют их под своей властью. Местное карельское население частью уходит в русские пределы — к Белому морю, частью сливается с финскими переселенцами из центральной Финляндии. Овладев Приботнией, шведы обращают свое внимание дальше на восток, на основные районы северной Карелии, прилегающие к Белому морю. Борьба за эти земли развернулась во второй половине XVI и в начале XVII столетия; но об этом подробнее будет говориться ниже.

Таким образом, в XIV—XV веках почти на всей территории Карелии создается напряженное положение. Карельский народ на протяжении трех столетий жил под постоянной угрозой агрессии.

* Вторая крепость — Тиверский городок — в XV веке утратила военное значение и была заброшена.

Карелы привыкли видеть в шведах врагов, разоряющих их селения и деревни, несущих смерть и опустошение в их земли. Русское государство для карел всегда было той силой, которая защищала их от шведских войн и набегов, спасала от опасности шведского завоевания. Все это вызывало большую сплоченность населения, приверженность широких масс карельского народа к Русскому государству и великому русскому народу.

Внутреннее развитие Карелии шло также под большим воздействием Руси. В новгородское время (в XIV—XV веках) на территории Карелии постепенно устанавливается феодальный строй.¹⁴ Карельское крестьянство в основной своей части оказалось в зависимости от новгородских крупных феодалов — бояр и монастырей. В северную Карелию, на берега Белого моря, с XV века начинают проникать русские переселенцы, поселявшиеся рядом с карелами и также попадавшие в зависимость от новгородских феодалов. В начале XV века был основан Соловецкий монастырь, быстро превратившийся в крупнейшего феодального владельца на всем побережье Белого моря. В XVI веке Соловецкому монастырю принадлежала на беломорском побережье и в прилегающих карельских землях значительная часть промыслов и рыболовных угодий.

В конце XV столетия Карелия была затронута великими историческими событиями, происшедшими в русских землях. В результате победы объединительной политики московских князей, подготовленной всем ходом социально-экономического развития страны, была ликвидирована феодальная раздробленность, и все русские земли слились в единое Русское централизованное государство. Новгородская «боярская республика» прекратила свое существование, и все ее владения, в том числе и Карелия, перешли под власть Москвы.

Включение Карелии в состав Русского централизованного государства сопровождалось серьезными изменениями в положении карельского крестьянства.¹⁵ Новгородское боярство, как социальный слой, враждебный Москве, было подвергнуто суровым репрессиям. Главные противники Москвы были казнены, к остальным был применен «выбод», то есть выселение во внутренние области Московского государства. Огромные земельные владения бояр по всей новгородской территории, в том числе и

в Карелии, были конфискованы и перешли в собственность государства. В государственную собственность перешли также и многие монастырские земли. В результате в Карелии не осталось крупных светских феодалов; сохранилось лишь небольшое количество мелких феодалов — «своеземцев», владевших незначительными земельными участками; частично сохранилось крупное монастырское землевладение. Основная масса земель оказалась в собственности самого крупного феодала — государства.

Карельские крестьяне не были в результате этих изменений освобождены от феодальной зависимости; феодальная зависимость в полной мере сохранилась, приняв только новую форму: карельские крестьяне работали теперь не на боярина или на монастырь, а на феодальное государство (по тогдашней терминологии они стали называться «черносошными» крестьянами).

Новый феодальный владелец изменил характер повинностей, выполняемых крестьянами. Вместо многочисленных мелких сборов натурой, существовавших раньше во владениях светских и духовных феодалов, вводятся общий для всех крестьян оброк — хлебный и, частично, денежный. Крестьяне должны были, кроме того, платить налоги нескольких видов, причем размер и количество налогов в течение XVI века непрерывно возрастали. Оброк и налоги, вместе взятые, составляли «государево тягло». Сбор оброка и налогов стал производиться государственными чиновниками.

Хотя карельские крестьяне в конце XV века стали нести на своих плечах всю тяжесть «государева тягла», их положение стало все же несколько легче, чем положение частновладельческих крестьян центральных областей Московского государства. Карельские крестьяне не испытывали непосредственной эксплуатации со стороны феодала; выражаясь фигурально, они не видели непосредственно над своей головой помещичьего кнута. Это обстоятельство объяснит нам в дальнейшем, почему крестьянская война, охватившая основные территории государства, не затронула карельские земли.

В XVI веке на территории Карелии по экономическим и административным признакам прослеживается четыре района.¹⁶ Восточная часть Карельского перешейка и северное Приладожье — древнее карельское «пле-

менное гнездо» — составили теперь Корельский уезд с центром в городе Корела. Между Ладожским и Онежским озерами и вокруг Онежского озера, на старой территории Обонежья, находился второй административный район — Заонежские погосты. Северная Карелия в экономическом и административном отношении делилась на два района: поморские волости — прибрежные земли вдоль восточного берега Белого моря, и Лопские погосты — внутренняя часть северной Карелии, граничившая на юге с Корельским уездом, на западе — с Приботинией, на севере — с Кольским полуостровом, на востоке — с Поморьем. Поскольку оба северных района географически составляли одно целое, поскольку для обоих районов политическим центром к началу XVII века был Соловецкий монастырь и оборона от шведов велась совместными усилиями, мы в дальнейшем будем называть оба района прежним общим термином «северная Карелия».

Хотя заселение северных районов Карелии переселенцами с Карельского перешейка шло в XIV—XV веках довольно интенсивно и численность населения и в северных районах и в Заонежских погостах значительно возросла, Корельский уезд не утратил и в XVI веке своего первенствующего положения среди других карельских земель. Попрежнему в его пределах сосредоточивалась наибольшая часть карельского народа; попрежнему это был наиболее развитый экономический район Карелии, в котором сельское хозяйство сочеталось с интенсивной торговлей и развитым ремеслом. Здесь же находился и центр политической жизни карельского народа, и центр карельской культуры; наконец, здесь был и единственный карельский город — Корела.

Первенствующая роль Корельского уезда в политической жизни Карелии особенно ярко проявилась в ходе событий начала XVII века, когда Корельский уезд стал центром народной борьбы против шведской интервенции.

Основой экономической жизни Корельского уезда было развитое пашенное земледелие с трехпольной системой обработки земли. Почва была неплодородна и давала низкие урожаи; поэтому крестьянам приходилось возделывать и засевать довольно значительные земельные площади.¹⁷ Подсобную роль в хозяйстве играла рыбная ловля в Ладожском озере, а также в мелких озерах

и речках, столь многочисленных на Карельском перешейке. Преобладали маленькие деревни, состоящие из одного или нескольких дворов;¹⁸ деревни располагались на сравнительно небольшом расстоянии друг от друга.

В большинстве своем крестьяне Корельского уезда были черносошными. Но здесь же были и частновладельческие крестьяне, жившие во владениях местных монастырей — Валаамского, Коневецкого и др. Помещиков в Корельском уезде почти не было, если не считать некоторого количества мелких помещиков — своеземцев.¹⁹

Торговля еще с новгородских времен развития была довольно значительно. Торговля продуктами местного производства велась, главным образом, через Ладожское озеро с Новгородом, а в мирные годы — и с зарубежными шведскими владениями: с Выборгом и внутренней Финляндией (через Карельский перешеек). О развитии торговли и ремесла говорит то обстоятельство, что на сравнительно небольшой территории Карельского перешейка были расположены два поселения городского типа: Корела и Волочек Сванский (лежавший в том месте, где был древний волок из озера Суванто в близко расположенное Ладожское озеро; теперь здесь проходит основное русло реки Вуоксы).

Единственный карельский город Корела уже в XV веке имел значительное посадское население. Город занимал два острова посреди реки Вуоксы и оба берега реки. Древнейшая часть города, расположенная на небольшом острове, долгое время играла роль городской цитадели или детинца; в русских документах эта часть Корелы называется просто «город», в шведских — «замок». Второй остров, имевший значительно большие размеры (в писцовых книгах он назван «Спасским островом»), составлял первоначальную территорию городского посада и был отделен от берега рукавом Вуоксы — «Федоровской рекой». К северу от Спасского острова на берегу «за Федоровской рекой» была расположена большая часть городского посада. Нам известно даже по писцовым книгам название проходившей через этот посад улицы — «Спасская улица за Федоровской рекой». На южном берегу реки лежала третья часть городского посада — «Ореховская сторона за Узервой рекой» (Узерва — русское название Вуоксы). В центре города, находившемся по всей вероятности на Спасском острове, жили высшие

слои городского населения, здесь же была городская соборная церковь св. Спаса. Воевода со своей канцелярией и епископ со своим двором помещались в городском детинце. Собственно «город» (детинец) и Спасский остров, а также Спасский остров и северный берег реки были связаны мостами.²⁰

Население города по национальному составу было смешанным: в городе жили и карелы, и русские (тогда как крестьянское население уезда состояло только из карел).

Социальный состав населения города известен нам по данным начала XVII столетия, из грамоты царя Василия Шуйского жителям города Корелы (прилож. 4). В грамоте перечислены все категории населения, начиная с высших ступеней феодальной иерархической лестницы и кончая ее низшими ступенями: епископ, воевода, игумены (настоятели городских монастырей), протопоп (настоятель городского собора св. Спаса), попы и дьяконы (обслуживающие собор св. Спаса и церкви в городских монастырях), головы (начальники частей стрелецкого войска, стоявших в Кореле), дворяне, дети боярские, земцы (то есть своеземцы, мелкие помещики), стрельцы, пушкары и посадские люди (торгово-ремесленное население города). Последняя категория по своей численности составляла основную массу населения Корелы. Вторым по численности слоем населения были стрельцы (вместе с пушкарями). Стрельцы и посадские люди — низы населения города — сыграли, как мы увидим, ведущую роль в организации отпора шведским интервентам в 1609—1611 гг.

Феодальные верхи города — воевода, духовенство, стрелецкие головы, дворяне, дети боярские и своеземцы — составляли численно весьма небольшую часть населения. Из них духовенство городских монастырей и своеземцы жили за счет эксплуатации феодально-зависимого крестьянства уезда. Дворяне, дети боярские, стрельцы и пушкары, составлявшие гарнизон города, а также епископ и воевода были присланы сюда на государственную службу из центральной России. Своих доходов в Кореле и Корельском уезде они, скорее всего, не имели и жили за счет царского жалованья.

По данным писцовых книг население города в XVI веке значительно возросло. По переписи 1500 г.

в городе было 188 дворов посадских людей, по переписи 1568 г. — 406 дворов. Те же данные говорят нам и о росте благосостояния жителей города: в 1500 году только 30 дворов принадлежало «лучшим» людям (зажиточным горожанам), остальные — «молодым» людям (бедным горожанам), тогда как в 1568 г. только 31 двор из 406 принадлежал «молодым», остальные дворы — «лучшим» (зажиточным) городским жителям. Писцовые книги свидетельствуют также о большом развитии городского ремесла и о большой его дифференциации. Среди жителей города упоминаются: 2 кожевника, 6 бочарников, 3 скорняка, 1 зелейник, 3 мясника, 1 хлебник, 1 красильник, 2 котельника, 4 плотника, 3 сапожника, 2 портных мастера, 2 горшечника, 4 кузнеца, 8 овчинников, 1 ведерник, 2 мечника, 1 стекольник, 2 смоляника, 1 мельничник. О развитии торговли говорит наличие в городе 35 амбаров и щербетей (складских построек).²¹

Второе городское поселение Корельского уезда, Волочек Сванский, имело значительно меньшие размеры. В 1500 г. здесь было всего 55 дворов, из которых 26 принадлежали торговым людям, 29 — «рыбным ловцам», занимавшимся рыболовством на Ладожском озере.²² Своим возникновением Волочек Сванский был обязан торговле. В этом месте река Вуокса, протекающая через озеро Суванто, близко подходила к берегу Ладожского озера и затем круто поворачивала на север, где впадала в Ладогу вблизи города Корелы. Для сокращения пути часть товаров, перевозимых по реке Вуоксе из внутренней части Корельского уезда, выгружалась здесь, вблизи Волочка Сванского, доставлялась по суше до берега Ладожского озера и там нагружалась на большие озерные суда для отправки в Новгород.

Среди сельского населения в Корельском уезде также находилось немало людей, занимавшихся торговлей и ремеслом. Так, в 13 деревнях Сердовольского погоста (вблизи нынешнего города Сортавала), по данным 1500 г., 17 дворов принадлежало купцам; в деревне Санлолакша жили кузнецы, платившие «тягло» вместе и наравне с горожанами города Корелы,²³ и т. д.

Все эти данные говорят о том, что Корельский уезд в XVI веке был одним из развитых сельскохозяйственных районов Московского государства, что его экономника

была тесно связана с экономикой соседних русских областей и имела все условия для дальнейшего внутреннего роста. Мешало этому лишь одно обстоятельство — нападения из-за рубежа, которые участились во второй половине века и привели к временному захвату Корельского уезда (в 1580—1597 гг.) шведами.

Второй земледельческий район Карелии — Заонежские погосты — был единственной частью Карельской территории, отдаленной от шведской границы и не знавшей до конца XVI века опасности внешних нападений. Это обстоятельство положительно влияло на развитие экономики. Но в то же время отдаленность от морей и важных торговых путей, а также обилие лесов, озер, болот и неплодородность земли оказывали на экономику сильное тормозящее действие. Заонежские погосты были, по сравнению с Корельским уездом, более отсталым сельскохозяйственным районом. Основная отрасль хозяйства — земледелие — находилась на низком уровне; оно было еще в значительной мере подсечным (подсечное земледелие сохранялось в этом районе в некоторых местах вплоть до XX века).

Одно земледелие не могло прокормить население. По-прежнему большую роль играли древние местные промыслы — рыболовство и охота. В некоторых местах, богатых болотной рудой, производилась добыча руды и изготовление сыродутного железа.

В Заонежских погостах также преобладали черносотенные крестьяне, но были и крестьяне, принадлежавшие мелким помещикам и нескольким небольшим местным монастырям. В отличие от Корельского уезда, крестьянское население состояло здесь не только из карел; довольно значительный процент составляли русские крестьяне, переселившиеся сюда из соседних русских земель.

В Заонежских погостах не было крупных поселений, но имелось несколько торговых пунктов, так называемых «торговых рядков». Наиболее значительным был торговый рядок в устье реки Повенчанки, на месте будущего города Повенец. В Повенецком рядке имелись соляные амбары, сальницы (склады сала), амбары, в которых содержался зерновой хлеб, и др. Торговые рядки аналогичного типа имелись также в Вытегре, в Шуйском и Шалском погостах.²⁴ Владельцы амбаров и сальниц скупали продукты крестьянского производства для даль-

нейшей перепродажи или вывоза в соседние области страны, а сюда, в свою очередь, привозили из более южных местностей и продавали крестьянам хлеб, которого здесь постоянно недоставало.

Для Заонежских погостов (по сравнению с Корельским уездом) характерно слабое развитие ремесла. Торговые рядки были не торгово-ремесленными, а только торговыми поселениями; так, например, писцовые книги 1582—1583 гг. на весь Заонежский район зафиксировали в торговых рядках лишь четырех ремесленников.²⁵

Итак, в целом район Заонежских погостов отставал в своем развитии от Корельского уезда. Здесь, вдали от границ и больших торговых путей, жизнь текла более медленно и спокойно.

Третий район — Поморские волости — имел совсем иной экономический профиль. Здесь земледелие играло очень небольшую роль; земледелием занимались лишь в южной части беломорского побережья (сеяли ячмень и в небольших количествах рожь), причем и здесь своего хлеба хватало лишь на несколько месяцев. Основой хозяйства были морские промыслы — рыболовство, охота на морского зверя, солеварение. Обилие рыбы в море и впадающих в него реках, обилие морского зверя создавали для развития промыслов самые широкие возможности. Продукты промыслов в основном шли на продажу, а на вырученные средства население покупало хлеб.

Рыболовные угодья, соляные варницы и другие промыслы принадлежали уже с XV века светским и духовным феодалам. В течение XVI века большинство промыслов прибирает к своим рукам наиболее крупный феодальный владетель севера — Соловецкий монастырь. По словам исследователя, «к началу XVII века Соловецкий монастырь стал фактическим хозяином почти всего западного Поморского берега».²⁶ Большинство крестьянского населения Поморских волостей оказалось в феодальной зависимости от монастыря: крестьяне уплачивали монастырю оброк и обслуживали монастырские промыслы. Соловецкий монастырь имел огромное по тому времени, хорошо налаженное хозяйство, на его промыслах добывались большие количества соли, рыбы, тюленьего жира и т. п. По добыче соли хозяйство Соловецкого монастыря стояло, вероятно, на первом месте в России.²⁷

Ведущая роль Соловецкого монастыря в социально-экономической жизни Поморских волостей обуславливала и его политическое значение в этом районе. В XVI и в начале XVII века Соловецкий монастырь был политическим центром поморских волостей и всей северной Карелии, а главой политической власти в северной Карелии был фактически соловецкий игумен (как мы дальше увидим, именно к нему обращались в случае надобности шведские губернаторы северной Финляндии).

Торговля в карельском Поморье была развита весьма широко; с торговлей было связано все население, не имевшее своего хлеба и вынужденное его покупать. Торговыми пунктами были Сумский посад, имевший несколько лавок, амбаров и садниц, Шуя, Кемь. Торговые люди в этих пунктах скупали у крестьян-поморов продукты промыслов для отправки внутрь страны или для продажи иностранным купцам. Первые иностранные торговые корабли появились в карельском Поморье в 60-х гг. XVI века. Но заморская торговля не получила в этот период в самой Карелии большого развития. Продукты промыслов западного и восточного Поморья для продажи иностранным купцам доставлялись в XVI веке в два главных порта русского Севера, через которые шла внешняя торговля — в устье Сев. Двины (где в 1585 г. возник город Архангельск) и в Колу.

Первоначальными жителями карельского Поморья были саамы. Но к XV веку саамское население частично было отсюда уже вытеснено карелами на север и на запад, в леса, а частично слилось с карелами. Кроме того, в Поморских волостях в XVI веке жило уже и довольно большое количество русских крестьян — поморов; можно полагать даже, что русские крестьяне составляли в Поморье половину или более половины населения. Приток русских переселенцев в Поморье в XVI веке непрерывно продолжался.

Последним по политическому и экономическому значению и по численности населения был район Лопских погостов — западная половина северной Карелии. Первоначального лопарского (саамского) населения к XVII веку здесь почти уже не существовало; оно (как указывалось выше) частично было оттеснено на север, частично слилось с заселившимися в XII—XV веках эту территорию карелами. Русское крестьянское население, в отличие от

соседнего Поморья, здесь отсутствовало. Таким образом, в Лопских погостах в XVI веке население было в основном карельским по своему составу, и «лопскими» эти погосты были больше по названию.

Здесь, как и в соседнем Поморье, земледелие, в силу неплодородия почвы и суровости климата, играло лишь весьма скромную подсобную роль. Основой хозяйства в Лопских погостах были рыболовство и охота. В некоторых местах производилась также добыча железа. Население было редкое, деревни были расположены по водным путям, на берегах рек и озер, сравнительно далеко одна от другой. Торговля и здесь имела некоторое развитие: не имея своего хлеба, крестьяне должны были продавать продукты своих промыслов и покупать хлеб. Торговля в основном велась с Поморьем и через его посредство с центральными русскими областями; велась торговля и с западом. Торговый путь от Кемь по реке Кемь и нескольким озерам вел в бассейн реки Улео; по этому пути шла в небольших размерах торговля с захваченной шведами Приботнией.

Население Лопских погостов в культурном отношении отставало от других карельских земель. Еще в начале XVII века часть жителей не была крещена,²⁸ и население здесь меньше ощущало воздействие русской культуры. Но политические связи населения Лопских погостов с Русским государством были не менее прочны, чем у жителей всех остальных карельских земель. Карельские крестьяне, жившие в лесах северной Карелии, так же как и крестьяне других карельских земель, привыкли видеть в Русском государстве друга и защитника от нападений национальных врагов — шведов.

Таково было положение основных районов Карелии к началу XVII века. Давно установившиеся экономические связи с соседними русскими областями прочно включили Карелию в состав русского народнохозяйственного организма. Давние и прочные политические связи карел с Россией, основанные на общности политических и экономических интересов, превратили Карелию к XVI веку в неотъемлемую часть Русского государства. В XVI веке Карелия переживала период экономического подъема и имела все условия для дальнейшего развития своего хозяйства и культуры. Но этому помешали обрушив-

шиеся на карельский народ национальные бедствия: нападения шведов, шведские войны и интервенции конца XVI и начала XVII столетия.

В первой половине XVI столетия обстановка на русско-шведском рубеже была относительно спокойной. Лишь изредка происходили мелкие пограничные столкновения, не имевшие серьезных последствий. С середины столетия положение существенно меняется.

Швеция в 1521 г. освободилась от сдерживавшей в XV веке ее развитие власти датских королей и в течение нескольких десятилетий превратилась в прочное и сильное государство, переживающее во второй половине XVI и в начале XVII столетия период большого внутреннего подъема. Восстановив военную мощь страны, опираясь на поддержку широких слоев феодального класса, шведские короли, стремясь превратить Швецию в сильнейшую державу Балтики и всей северной Европы, начали вести активную внешнюю политику, политику больших территориальных захватов. Началась серия почти непрерывно сменяющих друг друга, а зачастую и ведущихся одновременно войн Швеции с тремя главными государствами северной Европы — Данией, Польшей и Россией. Каждая война имела свои конкретные, ограниченные цели и задачи, но все они, вместе взятые, ставили одну общую цель — установление господства Швеции на Балтике и на всем европейском Севере.

Первая после длительного перерыва русско-шведская война 1554—1557 гг. носила характер прощупывания сил России. Военные действия охватили лишь пограничные районы Карельского перешейка и восточной Финляндии. В ходе войны быстро выявилось военное превосходство России, и после того как русские отряды разорили шведские владения в восточной Финляндии вплоть до Вильманстранда, шведское правительство запросило мира. Граница между Россией и Швецией осталась без изменений.

В 1558 г. началась 25-летняя война Ивана Грозного за овладение восточной Прибалтикой — Ливонией. В эту войну, от исхода которой зависело господство на Балтийском море, втянулись вскоре Швеция, Дания, Польша. С 1570 г. Швеция начала военные действия против Русского государства.

В течение двадцати лет военные действия шли с перевесом на стороне России. В ответ на пограничные набеги шведов на Карельский перешеек русские войска совершили поход вглубь Финляндии до самого Або. Но огромное напряжение, вызванное длительной войной, приводит к истощению всех людских, материальных и финансовых ресурсов Русского государства. Соотношение сил к концу 70-х гг. складывается уже не в пользу России.²⁹

Главный противник России — Польско-Литовское государство — переходит в наступление. Польско-литовские войска короля Стефана Батория вторглись вглубь русской территории. Второй противник — Швеция — также решает воспользоваться удачно складывающейся обстановкой, чтобы начать широкое наступление на русские владения.

В этот, казалось, такой благоприятный момент шведское правительство впервые вырабатывает свою большую программу завоеваний на Востоке, «программу-максимум» (которую финляндские фашистские историки, воспевающие шведскими захватническими планами, называют «Великой восточной программой»³⁰).

Внимание шведского правительства привлекала прежде всего территория Корельского уезда с городом Корелой. Составлявшая Корельский уезд восточная половина Карельского перешейка, остававшаяся в русских руках со времен Ореховского мира, имела большое стратегическое значение. Между восточной и западной частями Карельского перешейка, то есть между русскими и шведскими владениями, не было сколько-нибудь серьезных естественных преград; Корельский уезд имел с запада границу, открытую в сторону шведской Финляндии. Обладая восточной половиной Карельского перешейка, Русское государство имело возможность во время войны со Швецией сразу начинать наступление вглубь финляндской территории.

Шведские захватнические планы простирались также и на три русских города вблизи Финского залива и ливонской границы — Ивангород, Ям и Копорье, и на русский город на Неве — Орешек. Орешек, Ям, Ивангород и Копорье были крепостями, охранявшими важнейший для Московского государства выход к морю — к Финскому заливу и к Балтике. Стремясь к захвату

этих четырех городов и окружавшей их территории* побережья Финского залива и берегов Невы, шведские власти рассчитывали отрезать Русское государство от Балтийского моря, устранить Русь от участия в борьбе за Балтику и прибалтийские страны.

Захватнические планы шведского правительства распространялись и на русский Север.

На крайнем Севере Швеция владела южной частью страны саамов — так называемым шведским Лаппмарком (лежавшим между северной оконечностью Ботнического залива и скандинавским горным хребтом). Из трех частей страны саамов — русской, норвежской и шведской — шведский Лаппмарк был наиболее бедной и пустынной территорией. Напротив, расположенные севернее и прилежавшие к Ледовитому океану русские и норвежские владения в стране саамов обладали огромными природными богатствами: внутренние районы страны изобиловали пушным зверем, на побережье и в прибрежных водах океана находились богатейшие промыслы рыбы и морского зверя. Как раз в середине и второй половине XVI века незамерзающее побережье океана переживает большой экономический подъем. Раньше пустынное побережье, не имевшее постоянного населения, теперь быстро заселяется норвежскими (в западной части, до Варангер-фьорда) и русскими (в восточной части, от Варангера) рыбаками — поморами. На русской половине побережья появляется целый ряд рыбацких становищ, крупное селение Печенга с Печенгским монастырем и первый русский город — Кола. Быстро растет добыча рыбы и морского зверя, сбывавшихся и во внутренние районы России, и за границу. Для торговли с русскими и норвежскими поморами, для скупки продуктов морского промысла в полярные воды приходят торговые корабли из Англии, Нидерландов, Франции, Германии. Одновременно экономический подъем (хотя и не в столь быстром темпе) переживает и побережье Белого моря, в частности западное, карельское побережье, о котором мы уже говорили выше. Через Белое море и устье Северной Двины устанавливается с 50-х

годов XVI века важный морской торговый путь, связывающий Россию с Западной Европой.

Экономический подъем, охвативший побережье крайнего севера Европы, привлекает к этому району внимание правящих кругов Швеции. Важной составной частью захватнической программы шведского правительства становится проект овладения берегами Ледовитого океана и Белого моря. Стремление овладеть полярным побережьем и выйти к океанским торговым путям с начала 80-х годов XVI века прописывает внешнюю политику Швеции. Для осуществления этого проекта Швеция в последней четверти XVI и в начале XVII века неоднократно вступала в борьбу с Данией, владевшей норвежским побережьем страны саамов, и с Россией, владевшей Кольским полуостровом и северной Карелией.

Шведские правящие круги впервые сформулировали свою большую программу завоеваний на Востоке в 1580 г., когда (как мы уже говорили) значительно ухудшилось внутреннее и международное положение Русского государства, когда соотношение сил сложилось уже решительно не в пользу России, и Швеция готовится к переходу в наступление вглубь русских владений. В завоевательной программе, разработанной шведским королем Иоанном III, планировался захват Кексгольмского (Корельского) уезда, Ижорской земли с ее городами-крепостями (Ивангород, Ям, Копорье и Орешек), Холмогорского острога у устья Сев. Двины и всей территории между Кексгольмом (Корелой) и Варангер-фьордом.³¹ Иными словами, Иоанн III, стремившийся воспользоваться трудным положением Русского государства, выдвинул программу завоевания почти всего севера России, предполагая захватить Ижорскую землю и берега Невы, почти всю территорию Карелии (Корельский уезд, северную Карелию — карельское Поморье — и Лопские погосты), Кольский полуостров и даже восточное побережье Белого моря с устьем Северной Двины. Как мы видим, захватническая программа Иоанна III предполагала полностью отрезать Русское государство от выхода к морям и почти всей Карелии (кроме Заонежских погостов) сулила национальное порабощение.

Захватническая программа Иоанна III была в ближайшие десятилетия положена в основу всех последующих завоевательных планов шведского правительства.

* Эта территория носила в то время общее название — «Ижорская земля».

И в конце XVI и в начале XVII века, планируя территориальные захваты на Востоке за счет России, шведские правители обычно целиком или в основном воспроизводили программу Иоанна III.

В соответствии со своей программой Иоанн III в том же 1580 г. приступил к практическим действиям. Одновременно были намечены и зимой 1580—1581 гг. совершены три похода из шведских владений вглубь русской Карелии: из Выборга в направлении на Корелу (Кексгольм), из Нюшлота на Олонецкий перешеек и из Улеаборга на Кемь.³²

Отряды, вышедшие из Нюшлота и Улеаборга, были немногочисленны и в своих действиях ограничились набегами. Главный удар был направлен на центр русской Карелии — город Корелу. На Корелу было брошено значительное войско во главе с лучшим шведским полководцем Понтусом Делагарди. Пользуясь значительным превосходством сил и неожиданностью нападения, Делагарди удалось после непродолжительной осады взять город; вслед за тем и весь Корельский уезд оказался в шведских руках.

Карельское крестьянство не примирилось с шведским захватом. Уже в начале следующего, 1581 года на занятой шведами территории началась партизанская война против захватчиков. Во главе карельских партизан встал Кирилл Рогозин, уроженец с. Сортавала, живший в одной из деревень Соломенского погоста (в восточной части захваченного шведами Корельского уезда). С группой карельских крестьян Рогозин ушел из оккупированной шведами территории в район Олонца и там стал организовывать из местных и из бежавших из Корельского уезда карел партизанские отряды для борьбы против шведов. Партизаны Рогозина в течение 1581—1583 гг. 17 раз ходили из Олонца вглубь Корельского уезда, нанося своими набегами серьезный урон шведским захватчикам. Для нас особенно интересно, что партизанские отряды Рогозина преследовали своими набегами не только военные, но и политические цели. Рогозин и его партизаны во время набегов вели агитацию среди крестьян Корельского уезда, призывая их уходить с захваченной шведами территории в Россию, в оставшиеся под русской властью земли восточной Карелии. На крестьян, перешедших на сторону Швеции и желавших остаться под

шведской властью, Рогозин и его партизаны смотрели как на изменников родины и безжалостно расправлялись с ними. В результате действий отрядов Рогозина немало карельских крестьян примкнуло к партизанам, а главное — значительная часть населения Корельского уезда под влиянием агитации Рогозина ушла с оккупированной шведами территории в карельские земли, находившиеся под русской властью.³³

Действия карельских партизан в 80-х гг. XVI века и уход значительной части карельского крестьянства на время оккупации Корельского уезда в русские владения были ярким проявлением исторической дружбы русского и карельского народов. Эти факты во многом предопределили действия карельского народа в более сложных условиях начала XVII века.

Действия карельских партизанских отрядов в 1581—1583 гг. сыграли немалую роль в общем ходе военных операций в районе Ладожского озера. Деятельность карельских партизан безусловно помешала шведским войскам распространить оккупацию на восточные земли Карелии — на Заонежские погосты.

На других направлениях шведские войска продолжали активные действия. В 1582 г. Делагарди захватил города Ям, Копорье и Ивангород. Лишь изменение международной обстановки в связи с окончанием Ливонской войны заставило шведские власти пойти на мирные переговоры.

Во время мирных переговоров в 1583 г. на реке Плюссе король Иоанн III дал задание своим послам настаивать на требовании, чтобы с присоединением Корельского уезда и Корельский берег Белого моря считался бы также завоеванным и юридически принадлежащим Швеции.³⁴ Поскольку русские послы отказались признать наглые притязания шведов, договориться о заключении постоянного мирного договора не удалось, пришлось ограничиться заключением перемирия на три года (спустя три года перемирие было возобновлено еще на четыре года).

Плюсское перемирие со Швецией, заключенное после неудачной для России Ливонской войны, имело тяжелые последствия для Карелии: Корельский уезд с городом Корелой и основной массой карельского народа остался в руках Швеции. Осталась в руках Швеции и западная

часть Ижорской земли с городами Ямом, Копорьем, Ивангородом. На захваченной территории шведы стали устанавливать свои порядки, свою местную администрацию, свою податную систему. Одновременно обновлялись и значительно усиливались укрепления Кексгольма (Корелы) в предвидении неизбежных в будущем новых военных действий.³⁵

Русское государство не могло примириться с утратой своих исконных владений на Карельском перешейке и в Ижорской земле. С другой стороны, и шведские власти лишь на время отказались от осуществления своих больших захватнических планов. Поэтому обе стороны продолжали готовиться к военным действиям. Таким образом, обстановка на всей русско-шведской границе продолжала оставаться весьма напряженной. В 1584 г. (как мы узнаем из жалованной грамоты царя Федора Ивановича) строится соловецкий «каменный город» (каменная крепость) и на Карельском берегу Белого моря — Сумский острожек «от приходу свитцких* людей».³⁶

Шведы в то же время строят в Приботнии в устье реки Улсо Улеаборгскую крепость,³⁷ которая с самого начала должна была служить не только для обороны приботнических земель, но и как опорный пункт для захватнических походов к Белому морю.

В 1589 г. в результате все усиливающейся напряженности политической обстановки на северных границах России вновь начались вооруженные столкновения. Шведские отряды, поддержанные улеаборгскими крестьянами, совершили набег на Кандалакшу и Печенгский монастырь. В ответ партизанский отряд карельских крестьян совершил набег на побережье Ботнического залива. Вновь вспыхивает партизанское движение и на границе захваченного шведами Корельского уезда. Во главе карельских партизан вновь становится Кирилл Рогозин. Вместе со своим новым помощником, партизаном Микитой, Рогозин собрал несколько сот вооруженных крестьян и с ними стал совершать нападения на северную часть Корельского уезда. Другой партизанский отряд был организован в тех же местах карелом Лукой Рясайненом и также начал борьбу против шведов.³⁸

* Шведских.

В начале следующего года уже официально начались военные действия.

Основные военные действия развернулись в Ижорской земле и привели к возвращению Русскому государству приморских городов — Яма, Ивангорода и Копорья. В то же время развернулась вооруженная борьба в северных порубежных землях, где шведское правительство вновь пытается осуществить свои планы территориальных захватов. Отряд Педера Багге получил приказ занять беломорское побережье Карелии и захватить Сумский острог;³⁹ отряд Ханса Ларссона получил приказ занять Колу. Оба похода, вследствие сопротивления русского и карельского населения и русских воинских людей, кончились неудачей: Ларссон потерпел поражение под стенами Колы, а фактически командовавший другим отрядом сын Багге, Свен, хотя и взял Суму, но не смог в ней удержаться и ограничился грабительским набегом на весь Корельский берег Белого моря. В свою очередь, русские войска в 1592 г., совместно с отрядами добровольцев из карельских крестьян, ходили в поход под Улеаборг.⁴⁰ В 1593 г. было заключено перемирие, затем в с. Тязьине начались переговоры о мире.

Шведское правительство в начале переговоров поручило своим послам добиваться передачи Швеции (кроме уже захваченной ранее Корелы) городов Ижорской земли и побережья северных морей от Сумы до Варангер-фьорда,⁴¹ то есть всей северной Карелии и Кольского полуострова. Но эти требования не могли быть подкреплены реальной силой и были выставлены лишь «для запроса»; в целом война шведами была проиграна. Поэтому шведским послам на завершающем этапе переговоров пришлось принять основное русское требование о возвращении города Корелы и Корельского уезда Русскому государству (Тязьинский мирный договор 1595 г.).

Шведы не торопились выполнять условия договора и всячески тянули со сдачей города. Но все же два года спустя, в 1597 г., шведские власти вынуждены были выполнить свои обязательства.⁴² Корела и Корельский уезд были возвращены России.

Корельский уезд был сильно разорен в результате двух последних войн и вследствие сильных поборов со стороны шведских властей. Поэтому Московское прав-

тельство вынуждено было принять чрезвычайные меры, чтобы способствовать экономическому восстановлению возвращенной от шведов территории. Жалованной грамотой царя Бориса Годунова⁴³ все население Корельского уезда было освобождено на 10 лет от податей, оброков и пошлин; жителям Корелы было предоставлено на это время право беспошлинной торговли на территории уезда, в Новгороде, Пскове и даже в Москве; корельским горожанам были бесплатно переданы в собственность дома, построенные в городе в 1580—1597 гг. шведами. Таким образом, условия для хозяйственного восстановления города и уезда были созданы.

В последние годы XVI и в первые годы XVII века Корельский уезд стал быстро восстанавливаться после разорения, причиненного войнами и шведской оккупацией. Карельские крестьяне, бежавшие от шведов в годы оккупации, возвращаются в свои родные места. Восстанавливается хозяйственная жизнь и в карельском Поморье, и в Лопских погостах, и в Заонежье.

С заключением Тязинского мира карельский народ получил возможности для мирного хозяйственного и культурного развития в составе Русского государства. Но это мирное развитие Карелии было опять прервано начавшейся в конце первого десятилетия XVII века новой иноземной интервенцией.

II. НАЧАЛО ПОЛЬСКОЙ И ШВЕДСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ В РОССИИ

В начале XVII века Московское государство переживает глубокий внутренний кризис и вооруженную интервенцию со стороны двух соседних государств — Польши и Швеции. События начала XVII века в Московском государстве сыграли большую роль в исторических судьбах Карелии и карельского народа.

Внутренний кризис в Московском государстве назревал уже давно, еще с последних лет царствования Ивана Грозного. Основной предпосылкой этого кризиса было происшедшее незадолго до смерти Грозного крупное изменение в социальных отношениях страны — фактическое установление крепостного права. Рост феодальной

эксплуатации крестьянства в течение XV и XVI веков нашел свое логическое завершение в 1580 г. в отмене «Юрьева дня» и в указах о заповедных годах, фактически уничтоживших право крестьянского выхода. С 1581 г. феодально-зависимые крестьяне на Руси оказались прикрепленными к земле, стали крепостными. Установление крепостного права резко ухудшало положение крестьян, значительно усиливало феодальный гнет, и в широких массах крестьянства зрело недовольство существующим строем, что создавало чрезвычайно напряженную обстановку в стране.

В последние годы XVI века происходит обострение политической обстановки и внутри московского Кремля. Старое московское боярство, хотя и претерпело тяжелые удары в годы опричнины, но все же сохранило в известной мере свое политическое значение и продолжало борьбу за власть. В 1598 г. со смертью сына Ивана Грозного царя Федора Ивановича прекратилась династия Рюриковичей, семь столетий правившая Русским государством. Младший сын Грозного царевич Дмитрий, который должен был наследовать своему бездетному брату Федору, еще ранне, в 1591 г., погиб при таинственных обстоятельствах в Угличе. После смерти царя Федора Земский собор в 1598 г. избрал русским царем Бориса Годунова, близкого родственника царя, уже давно фактически управлявшего страной и проявившего большие государственные способности. Но Борис принадлежал к неродовитому дворянству, в среде же боярства было немало представителей знатных фамилий, потомков Рюрика, имевших по своему происхождению гораздо больше прав на царский престол. Бояре были недовольны воцарением Бориса и лелеяли планы его свержения.

В первые годы XVII века на Русь обрушиваются стихийное бедствие — голод. В течение трех лет подряд в 1601, 1602 и 1603 гг., в центральных областях страны был неурожай. Голод принял чудовищные размеры, голодали миллионы людей.

Обострение политической обстановки в Московском государстве создавало исключительно выгодные условия для вооруженного вмешательства в русские дела со стороны враждебных соседних держав, давно стремившихся к захвату русских территорий. Прежде всего этими условиями решили воспользоваться правящие круги Польши.

Польские магнаты и шляхта с XIV века владели значительной частью территории древней Руси — украинскими, белорусскими и западнорусскими землями. И уже давно у польских феодалов возникли планы захвата и подчинения своей власти всех остальных русских земель, то есть всей территории Московского государства. В начале XVII века создались условия, при которых эти захватнические планы могли, казалось, легко осуществиться. Польские правящие классы начали готовить интервенцию с целью завоевания русских земель.

Затруднительное положение Русского государства рассчитывало использовать в своих интересах и второе большое государство, граничившее на западе с Россией — Швеция. Ее планы и стремления, распространявшиеся на весь северо-запад Русского государства, представляли непосредственную опасность для Карелии, и прежде всего для Корельского уезда. Шведские власти, вынужденные по Таврическому договору после победоносной для русских войны 1590—1595 гг. возвратить временно захваченные Корелу и Корельский уезд, сразу же стали думать о реванше, о новом захвате Корелы, как только представится к этому возможность.

В отличие от центральных территорий России, политическая обстановка на русском Севере, и в частности в Карелии, была значительно более спокойной. В Карелии основная масса крестьянства находилась в феодальной зависимости не у отдельных феодалов, а у государства; здесь преобладали черносошные крестьяне; в руках феодалов — помещиков и монастырей — находилась лишь небольшая часть земель.⁴⁴ Поэтому установление крепостного права лишь в весьма малой степени затронуло Карелию, и здесь не было предпосылок для крестьянской войны. Кроме того, пограничное положение Карелии, постоянная угроза нападения шведов способствовали большой сплоченности населения, приверженности широких масс карельского крестьянства к Русскому государству, как к единственной силе, способной защитить их от опасности шведского завоевания.

Вся хозяйственная и культурная жизнь Карелии была неразрывно связана с соседними русскими областями; традиции вековой дружбы объединяли издавна карельский и русский народы. Все эти обстоятельства объясняют нам, почему в событиях начала XVII века, в годы

шведской интервенции на севере, карельский народ в своей массе решительно выступил на борьбу против интервентов, поддерживая русские вооруженные силы, находившиеся на карельской территории.

Шведское правительство уже во время царствования Бориса Годунова интересовалось внутренней обстановкой в России, радуясь усиливающейся напряженности политической атмосферы. Показательно в этом отношении то, как реагировал шведский король Карл IX на известия о страшном голоде в русских землях. Понимая, что любое ослабление Русского государства выгодно Швеции, Карл IX под страхом смертной казни запретил нарвским купцам продавать на Русь хлеб.⁴⁵

Шведские правящие круги, не менее чем правящие круги Польши, стремились к осуществлению своих захватнических планов в отношении России, и лишь обстоятельства внешнего порядка помешали шведам выступить в первые годы польской интервенции (в 1604—1608 гг.). Швеция в это время вела ожесточенную борьбу с Польшей за обладание Ливонией. Война с Польшей, начавшаяся в 1600 г., привлекала главное внимание шведской внешней политики и основные силы шведской армии. Лишь к концу первого десятилетия XVII века позиции шведов в Ливонии достаточно упрочились, и шведы смогли начать вооруженное вмешательство в русские дела.

Итак, резкое обострение политической обстановки в Русском государстве создавало благоприятные условия для иноземной интервенции. Польские правящие круги решили, что настало время для осуществления их экспансионистских планов.

Интервенцию решено было организовать под предлогом поддержки «законных» прав кетати появившегося в этот момент в польских землях самозванца, объявившего себя царевичем Дмитрием, якобы спасшимся от убийц в Угличе. Осенью 1604 г. польско-шляхетское войско выступило в поход на русские земли. Началась первая польская интервенция.

Первые известия о появлении самозванца и о готовящейся польской интервенции вызвали немедленную реакцию в Стокгольме. Карл IX в письмах к губернаторам Финляндии постоянно требует немедленно доставлять ему все вновь поступающие сведения о событиях на

Руси.¹⁶ Шведский король почувствовал, что и для Швеции теперь будет возможность вмешаться в русские дела и добиться крупных территориальных приобретений за счет ослабшего Русского государства. Повод для этого был также найден довольно быстро: вмешательство решено было произвести под видом вооруженной помощи оказавшемуся в бедственном положении русскому правительству. И не успели еще польские магнаты и шляхта начать интервенцию, еще к границе не подошли войска Лжедмитрия и не началась вооруженная борьба на юго-западе Руси, как Карл IX уже стал предлагать (в начале 1604 г.) большое войско в помощь русскому царю.¹⁷

В феврале 1605 г. из Стокгольма к царю Борису было отправлено посольство со специальной целью предложить вооруженную помощь в борьбе против поляков. В инструкции, данной этому посольству, впервые была указана и цена предлагаемой «дружеской помощи» — Ивангород, Ям, Копорье и Кексгольм,¹⁸ то есть западная часть Ижорской земли и Корельский уезд, две исконные территории Русского государства, захваченные шведами при Иване Грозном и всего десять лет тому назад возвращенные Руси. В другой инструкции тому же посольству, написанной два месяца спустя, было предложено, в случае если русские откажутся столь дорогой ценой спланировать шведскую помощь, требовать одного лишь Кексгольма (Корелы) с уездом.¹⁹

Обе инструкции весьма показательны в том отношении, что здесь сформулирована программа, с которой шведское правительство начинало свое вмешательство во внутренние дела России. Причина вмешательства совершенно ясна — стремление захватить часть русской территории. Крайний минимум программы территориальных захватов — Корельский уезд, как район особенно желательный шведам ввиду его большого стратегического значения. В первой инструкции изложена более широкая программа, но и она не была, разумеется, «программой-максимум». Западная часть Ижорской земли с крепостями Ивангородом, Ямом и Копорьем, являвшаяся созданным еще в XV веке русским укрепленным плацдармом для наступления на Ливонию, была нужна шведам, чтобы закрепить недавно приобретенные прибалтийские владения в своих руках. Но вместе взятые эти две пограничные территории (Корельский уезд и за-

падная часть Ижорской земли) давали Швеции сравнительно скромное территориальное приращение. «Планы-максимум» шведского правительства шли, как мы скоро увидим, гораздо дальше.

Намечавшиеся переговоры не состоялись, ибо правительство Годунова, к которому были направлены послы, перестало существовать. Первая польская интервенция увенчалась победой: Лжедмитрий I занял Москву и вступил на московский престол.

Правление самозванца продолжалось меньше года. Весной 1606 г. Лжедмитрий был свергнут в результате заговора бояр и восстания народа. Первая польская интервенция бесславно закончилась.

Власть захватил в свои руки Василий Шуйский, князь Рюрикович, видный московский боярин, главный организатор заговора против самозванца. Началось четырехлетнее правление «боярского царя» (1606—1610), протекавшее в обстановке все углублявшегося политического кризиса, крестьянской войны и новых нашествий иноземных войск.

Василий Шуйский не был популярен в стране. Вскоре после его воцарения во многих южных городах начиналось движение против «боярского царя», преследовавшего в своей политике прежде всего узкие интересы боярства. Уже летом 1606 г. начинается массовое крестьянское восстание, вылившееся в грандиозную крестьянскую войну под руководством Ивана Болотникова. Крестьянская война явилась ответом русского крестьянства на установление крепостного права. Движение охватило огромные территории юга и центра страны — районы, где был всего сильнее крепостнический гнет. Север, в частности Карелия, по указанным нами выше причинам, в крестьянской войне участия не принял.

Больше года бушевала крестьянская война. Лишь осенью 1607 г. правительству Шуйского, путем крайнего напряжения всех сил государства, удалось взять последний оплот Болотникова — Тулу и раздавить крестьянское движение.

Карл IX, который все время находился в курсе событий, происходивших в Москве (сведения о продолжающейся польской интервенции и крестьянской войне непрерывно поступают в Швецию), все больше увлекается идеей вмешательства в русские дела. «Надо пользо-

ваться временем смут в России», — пишет он в письме к своим пограничным комиссарам в декабре 1606 г.⁵⁰

Тогда же, в конце 1606 г., у Карла IX впервые появилась мысль открытого вооруженного нападения на русские пограничные земли. Карл задумал было отозвать свои войска из южной Ливонии и направить их для захвата Кексгольма (Корелы) или Орешка.⁵¹ В мае 1608 г. в письме к одному из шведских командиров в Прибалтике Карл снова говорит, что хорошо бы было неожиданно напасть на Кексгольм (Корелу) и захватить город.⁵² Но продолжающаяся борьба с Польшей в Ливонии помешала Карлу осуществить этот план.

Не имея в тот момент возможности начать открытое завоевание, король стремится использовать все прочие доступные средства для достижения своих целей. В письме к Выборгскому губернатору Арведу Тённессону летом 1607 г. Карл предписывает склонить на сторону Швеции путем подкупа русских воевод Кексгольма (Корелы), Орешка и Ивангорода, обещая наградить восвод за их измену так щедро, что «будут иметь повод благодарить шведского короля и они, и дети их, и дети детей их». ⁵³ Но этот замысел, видимо, не удался, ибо источники о нем больше ничего не упоминают.

Не получая, несмотря на все настоящие попытки, желаемого ответа от правительства Шуйского и от властей пограничных русских городов, Карл решил через голову властей обратиться прямо к населению с предложением своей великодушной помощи. В мае 1607 года король отправил письмо крестьянам Корельского уезда с предложением перейти на сторону Швеции.⁵⁴ Обращаясь к крестьянам уезда (но не к жителям города Корелы), король стремился настроить карельское крестьянское население против их уездного города, в котором жили и карелы, и русские, и соблазнить карельских крестьян перспективой объединения с финско-карельским населением западной Карелии, подвластным Швеции. Но королевское письмо не встретило никакого отклика; карельский народ и до начала шведской интервенции, и в тяжелые годы интервенции оставался верен России.

Зная, что положение Шуйского непрерывно ухудшалось, шведский король проявлял все большее нетерпение. Об этом говорит его распоряжение пограничным властям: «Если русские запросят нашей помощи, то при-

шлите к нам нарочного, и пусть он и днем, и ночью, без отдыха, совершает путь, чтобы только скорее известить нас об этом».⁵⁵

Летом 1608 г. положение правительства Шуйского становится критическим. Осенью предшествовавшего года вблизи польской границы появился новый самозванец — Лжедмитрий II. Под его знамена быстро собрались отряды польской шляхты, которые ждали только повода для нового вмешательства во все осложняющиеся русские дела. Началась вторая польская интервенция. Собрав в течение зимы крупные силы за счет польских отрядов и русских «воровских людей», в начале лета 1608 г. Лжедмитрий II подошел к Москве. Правда, войску интервентов не удалось взять «с хода» русскую столицу, окруженную несколькими поясами мощных укреплений и имевшую сильный гарнизон; тогда Лжедмитрий и его польские военачальники решили стать лагерем под Москвой, в селе Тушино, и начать осаду Москвы. Из Тушинского лагеря по всей стране рассылаются письма с призывом признать власть «истинного» царя Дмитрия. Из Тушина расходятся по стране польские отряды, силой заставляя города и уезды подчиняться власти самозванца.

В стране все возрастало недовольство правлением «боярского царя». Недовольные Шуйским города один за другим начинают переходить на сторону Лжедмитрия; даже в Москве происходит брожение, часть бояр и дворян уходит от Шуйского в Тушинский лагерь, воины московского гарнизона начинают расходиться по домам. В создавшейся обстановке Шуйский не мог рассчитывать собрать внутри страны войско, достаточное для освобождения Москвы от осады, не мог рассчитывать своими силами справиться с польскими интервентами. «Уже никаких ему надежд несть ниоткуда», пишет о положении Шуйского в этот момент один современник (князь Катырев-Ростовский).⁵⁶

Теперь, когда иного выхода не оставалось, Шуйский решил, наконец, принять давно предлагавшуюся шведскую помощь. 10 августа 1608 г. царь отправил письмо к шведскому королю с просьбой о незамедлительной присылке вспомогательных войск.⁵⁷ В Новгород для ведения переговоров со шведами и для сбора там рус-

ских ратных людей был послан племянник царя, князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский.

Радостное возбуждение охватило шведские власти: желанный момент, наконец, наступил. В письме к своим комиссарам на границе Карл IX выразил свое настроение словами: «Настал такой удобный случай воспользоваться смутами России для территориального обогащения шведской короны, что упускать его невозможно; это значило бы сделать политическую оплошность, от которой не оправдаться ни перед богом, ни перед людьми».⁵⁸

Как только долгожданное письмо русского царя с просьбой о военной помощи было получено, главнокомандующий шведскими войсками в Прибалтике граф Мансфельд направил в Новгород своего офицера Монса Мортенссона для ведения переговоров с русскими властями. Монс Мортенссон вступил в переговоры со Скопиным-Шуйским, окончившиеся в ноябре 1608 г. заключением соглашения о военной помощи. Швеция по этому соглашению обязывалась «как можно скорее» выслать в Россию вспомогательное войско в 5000 воинов, а московское правительство, со своей стороны, взяло на себя обязательство платить шведским воинам крупное денежное жалованье.⁵⁹ Соглашение носило предварительный характер; для заключения окончательного соглашения потребовалась посылка русского посольства в шведские владения.

О начале переговоров со шведами и о готовящемся прибытии шведских войск скоро стало известно в русских пограничных городах. Население этих городов сразу же расценило готовящийся приход шведских войск как интервенцию. Жители Корелы, Орешка, Ивангорода, Яма и Копорья привыкли видеть в лице Швеции национального врага, против которого издавна велись войны. Кроме того, названные города (кроме Орешка) в конце XVI века, в течение более чем десяти лет, несли все тяготы шведской оккупации, память о которой была еще жива.

Так же враждебно были настроены к шведам и жители Пскова. При известии о приближении «немцев» (свейских шведов), то есть шведов) псковичи кричали: «Немцев не хотим и за то помрем!»⁶⁰

В пограничных городах и среди сельского населения быстро зреет недовольство правительством Шуйского,

призвавшего на русскую территорию войско исконных врагов — шведов. В глазах населения пограничных земель Шуйский становится изменником русскому национальному делу. Тогда пограничные города один за другим принимают решение перейти на сторону противника Шуйского, «царя Дмитрия Ивановича» (Лжедмитрия II). Сначала на сторону Лжедмитрия переходит Псков (сентябрь 1608 г.)⁶¹, затем, в конце ноября 1608 г., — Корела с уездом и Орешек.⁶²

Признание пограничными городами в 1608 году власти Лжедмитрия нельзя рассматривать как их переход на сторону польских интервентов. Польские отряды, распространившиеся в то время по всем центральным областям страны, не доходили до северо-западных пограничных местностей (вообще на территории новгородской земли появлялись лишь небольшие тушинские отряды, и то лишь временами и на юге). Таким образом, польская интервенция, проходившая в центральных областях Руси, для северо-западного пограничья не была в тот момент реальной опасностью, а весьма далекий тушинский «царь» представлялся не польским ставленником, а просто претендентом на русский трон, главой одной из двух русских сил, борющихся за власть в стране. Поэтому, когда стало известно, что Шуйский призвал себе на помощь национальных врагов, шведов, пограничные города отказываются подчиняться Шуйскому и переходят на сторону той силы, которая борется против Шуйского — на сторону Лжедмитрия. Переход под власть Лжедмитрия в условиях северо-западных пограничных земель был актом патристизма, выражал стремление пограничных городов решительно бороться против надвигающейся на них интервенции — интервенции шведов. Реальной помощи пограничным городам тушинский «царь» оказать не мог, признание его власти лишь символизировало решимость бороться против Шуйского и призванных им интервентов. Жители Корелы и Корельского уезда, карелы и русские, переходом на сторону противника Шуйского показывали свое стремление отстаивать от вражеских притязаний родную землю.

В начале февраля 1609 года в сохранившемся до сих пор здании «Белой башни» в Выборге начались переговоры. Ход переговоров хорошо освещен в сочинении

Видекинда, где содержатся весьма интересные для нас подробности.⁶³

На первом же заседании шведские послы, сенатор Йоран Бойе и Выборгский губернатор Арвед Тённессон, открыли свои карты. До сих пор при обмене письмами по поводу военной помощи и при заключении предварительного соглашения в Новгороде шведы ни одним словом не упоминали о вознаграждении (кроме жалованья воинам); до сих пор речь шла о якобы бескорыстном стремлении шведского короля помочь попавшему в бедственное положение соседу. Теперь же шведские представители спросили в упор: «Но чего надо ждать в качестве вознаграждения? Солдатам должно быть уплачено жалованье, согласно договору с Мансфельдом, а что же получит король за свою услугу и за посылку стольких тысяч наемных воинов?»⁶⁴ Смысл этого вопроса не мог вызывать сомнений: за свою «помощь» шведы домогались от правительства Шуйского уступки русских территорий, и именно расчет на приобретение русских территорий побуждал шведов идти на вооруженное вмешательство во внутренние дела России.

Правительство Шуйского, разумеется, предвидело, что за шведскую «помощь» придется платить, и платить недешево. Русские послы — бояре Семен Васильевич Головин (шурин князя Скопина-Шуйского) и дьяк Сыдавный Зиновьев — имели на этот счет соответствующие полномочия, сообщенные лишь им двоим. Когда шведские представители прямо поставили вопрос о вознаграждении, произошел любопытный эпизод: русские послы ответили шведам, что определенные полномочия по этому вопросу они имеют, но, ввиду ненадежности настроения народа (подразумевалось население северо-западных русских областей), дальнейшие переговоры в этом направлении должны носить совершенно секретный характер. Всем членам русского посольства послы предложили выйти из помещения и затем, взяв с шведских представителей клятвенное обещание хранить дальнейшие переговоры в глубокой тайне, предложили «в благодарность» за шведскую военную помощь передать город Корелу с Корельским уездом в постоянное владение Шведского государства.⁶⁵

Почему Шуйский решил отдать Швеции именно Корелу и Корельский уезд?

В ходе сношений со шведами в предшествующие годы в Москве стало совершенно ясно, что именно на эту территорию больше всего претендуют шведские власти, что задача овладения этой территорией стояла на первом месте во всех шведских захватнических планах.

Географическое положение Корельского уезда было крайне невыгодно для обороны от шведов — граница со шведскими владениями, как уже указывалось выше, не имела ни естественных преград, ни укреплений. Правительству Шуйского, изнемогавшему в борьбе против польских интервентов, было очевидно, что Корельский уезд все равно не удержать, и, если не пойти на добровольную уступку, шведы вооруженным путем отнимут эту территорию. Но, наряду с этим, учитывалось, вероятно, и другое обстоятельство: в тот момент, как мы знаем, Корела и Корельский уезд Шуйскому уже не принадлежали, перейдя с конца ноября предшествующего года на сторону Лжедмитрия. Таким образом, Шуйский «уступал» шведскому государству территорию, которой он фактически уже не владел.

И все же, дав своим послам полномочия предложить шведам Корелу, Шуйский потребовал сохранить этот акт до поры до времени в глубокой тайне. Боярское правительство Шуйского для своего спасения шло на уступку части территории Русского государства, но стремилось сделать это в тайне от народных масс, боясь усиления народного недовольства, особенно усиления недовольства в северо-западных уездах страны.

Шведы приняли русское предложение, и 28 февраля 1609 года был заключен договор о военной помощи.⁶⁶

По Выборгскому договору шведы давали пятитысячное войско в «помощь» правительству Шуйского; русские обязались платить жалованье этому войску, а также передать Швеции в вечное владение Корельский уезд с городом Корелой. Согласно условиям договора, спустя три недели с того дня, как Деслагарди со своим войском перейдет русскую границу для движения «ко государю на помощь к Москве», шведам должна быть вручена грамота царского воеводы М. В. Скопина-Шуйского на передачу Корелы с уездом, а спустя 11 недель с того же дня шведам должна быть вручена утвержденная царем грамота на передачу Корелы и тогда же должна быть произведена фактическая передача города и уезда швед-

скими властям. Из города Корелы и Корельского уезда русские имели право, по условиям договора, вывезти церковную утварь, а также пушки, запасы пороха и ядер; разрешалось вывести тех жителей города и уезда, русских и карел, которые захотят уйти на Русь, со всем имуществом (прилож. 1).

На основе договора в Выборге для похода на Русь было собрано пятитысячное шведское войско, состоявшее из наемных солдат чуть ли не всех национальностей Европы; преобладали в составе войска немцы. Командование войском Карл IX поручил Якову Делагарди, сыну Понтуса Делагарди, возглавлявшего шведские войска во время Ливонской войны тридцать лет тому назад.

III. БОРЬБА ЗА ГОРОД КОРЕЛУ И КОРЕЛЬСКИЙ УЕЗД

11 марта 1609 года Яков Делагарди выступил из Выборга к русской границе.

Перейдя рубеж, шведское войско двинулось к Новгороду, где Делагарди был торжественно принят Скопиным-Шуйским. В начале мая русские войска, набранные Скопиным в новгородской земле, совместно со шведскими войсками Делагарди выступили из Новгорода по направлению к Москве, отбрасывая по пути русские города и уезды от поляков.

В это же время, хотя срок сдачи Корелы еще не наступил, выборгский губернатор Арвед Тённессон вступил в дипломатические сношения с корельским воеводой по вопросу о предстоящей сдаче города и уезда шведским властям. Воевода в своем ответном послании (насколько мы можем судить по изложению содержания этого письма) не дал прямого ответа на вопрос, интересующий шведов, и лишь жаловался, что крестьяне в Корельском уезде стали непокорны властям (прилож. 2). Как мы знаем, население города Корелы и уезда еще осенью предшествующего года вышло из повиновения Шуйскому, предвидя неизбежность решения царя сдать город и уезд шведам в уплату за военную «помощь» и желая сохранить свою землю в составе Русского государства. В дальнейшем события 1609—1610 гг. покажут нам, что и корельские власти — воевода и епи-

скоп — придерживались той же точки зрения на вопрос о сдаче города, что и население, и также решили бороться против притязаний шведов. Но, не желая до наступления срока сдачи города писать об отказе выполнить условия Выборгского договора и тем заранее возбудить недобольство шведов, воевода решил уклониться от прямого ответа на поставленный вопрос, сославшись на непокорность крестьянского населения уезда.

Хотя в данном случае указание на настроенность крестьян уезда является просто политическим ходом в сношениях корельского воеводы со шведами, это указание имеет для нас и свою самостоятельную ценность. Слова воеводы отражали действительные настроения широких масс карельского крестьянства. Правда, здесь необходимо оговориться: карельские крестьяне были непокорны не уездным властям, как писал воевода, а царю Василию Шуйскому, стремившемуся отдать Корельский уезд Швеции.

Получив письмо корельского воеводы, Арвед Тённессон (видимо, в конце мая или в начале июня) решил предложить воеводе, как представителю власти союзного государства, оказавшемуся в затруднительном положении, «дружескую» помощь: прислать шведские войска, которые принудили бы крестьянское население уезда к покорности. Войска смогут войти в город Корелу и «помогут» воеводе «защитить ее» (прилож. 2). Таким образом, выборгский губернатор под предлогом помощи решил попытаться занять Корелу еще до истечения официального срока передачи города. Карл IX, узнав о переписке Арведа Тённессона с корельскими властями, одобрил инициативу, проявленную в этом вопросе его верным слугой, и приказал, в случае, если предложение о «дружеской помощи» будет корельским воеводой принято, послать в Корелу достаточно сильный отряд, который сможет не только занять крепость, но и «ни в коем случае не выпустит ее из рук» (прилож. 2).

Воевода, разумеется, отказался принять столь «любезно» предложенную помощь, и переписка временно прекратилась.

Делагарди и Скопин двигались вперед очень медленно: их задерживали и военные действия, шедшие не-

редко с переменным успехом, и постоянные волнения в шведском наемном войске. Дойдя до Волги, в Калязине Скопин-Шуйский должен был надолго остановиться. Шведские наемники подняли бунт и, несмотря на уговоры Делагарди, большая часть его войска ушла обратно к Новгороду.

Делагарди вскоре сумел восстановить в войске порядок, но условием своего возвращения в Калязин для дальнейшего движения на Москву поставил немедленную передачу Корелы Швеции. Хотя срок передачи города, установленный Выборгским договором, к тому времени уже прошел, Корела еще не была сдана шведам (по той простой причине, что город и уезд, как мы знаем, не признавали власти Шуйского). Стремясь вернуть Делагарди и его войско для возобновления похода против поляков, Скопин-Шуйский заключил в августе с Делагарди новый договор, по которому обязался немедленно передать шведам Корелу и Корельский уезд⁶⁷ (прилож. 3). На этом условии Делагарди со своим войском вновь присоединился к Скопину-Шуйскому.

По мере продвижения шведских войск внутрь России росли и претензии правящих кругов Швеции. Узнав от Делагарди о предстоящем приезде послов от Шуйского, которые должны будут передать Корелу шведам, и считая поэтому, что вопрос о Кореле решен окончательно и остается только выполнить формальный акт сдачи — приемки города, Карл IX уже выдвигает новые, более значительные территориальные требования к России. В письме к Арведу Тённессону Карл IX требует, чтобы при принятии Корельского уезда под власть Швеции южная граница занимаемой территории была установлена по линии Невы (фактически граница уезда проходила через Карельский перешеек севернее Невы). Карл IX предлагает также сообщить русским властям, что шведское правительство не удовлетворится теперь одной лишь Корелой, а требует сверх того передачи Орешка, Ивангорода и Колы. В случае, если эти увеличенные требования не будут удовлетворены путем переговоров, король предлагал выборгскому губернатору попытаться захватить указанные им русские крепости «какой-нибудь хитростью» или с помощью вооруженной силы (прилож. 5).

Для выполнения нового договора М. В. Скопин-Шуйский отправил в Корелу дворянина Чулкова и дьяка Телепнева в сопровождении шведского чиновника Карла Олофсона⁶⁸ (прилож. 3). Чулков и Телепнев повезли с собой царскую грамоту (сохранившуюся до наших дней) к корельскому епископу Сильвестру, воеводе князю Мышенскому и всем жителям Корелы и уезда (прилож. 4). В грамоте царь Василий Шуйский разъясняет корелянам, что передача их города шведам имеет общегосударственное значение, что от этого зависит, будут ли шведы продолжать оказывать помощь в борьбе против польско-литовских войск, и решительно требует немедленной передачи города, причем приказывает вывести все население со всем имуществом.

Для того, чтобы жители города и уезда не боялись уезжать с насиженных мест, царь обещал обеспечить их на новых местах, где они поселятся, всем необходимым для жизни: дворянам, стрельцам и пушкарям царем будет предоставлена служба и жалованье, посадским людям и крестьянам — возможность завести хозяйство на новом месте, а также предоставлялись льготы по всем налогам и повинностям. Царь предоставлял «корелянам» право выбрать себе для жительства любой пункт в России и требовал заранее сообщить ему, «где кто похочет жити», чтобы своевременно подготовиться к устройству переселенцев из Корелы на новых местах.

Личное обращение царя к корелянам не поколебало их позиции в вопросе о передаче города. О результатах поездки Чулкова и Телепнева можно судить по любопытной приписке, сохранившейся на оборотной стороне подлинного экземпляра августовского соглашения: жители Корелы отказались разговаривать с царскими послами и даже не пустили их в город (прилож. 3). Для нас здесь особенно важно указание в тексте приписки, что отказались подчиниться приказу царя «корельские посадские и уездные люди», то есть не только жители города Корелы, но и население всего уезда, карельские крестьяне. Карелы и русские, жившие в городе Кореле и в Корельском уезде, категорически отказались подчиниться царскому приказу, твердо решив сохранить город и уезд в составе Русского государства.

Большую роль сыграл в событиях 1609—1611 гг. в Карелии епископ корельский, Сильвестр. Епископ Сильвестр,

как указывает шведский историк Видекинд и другие источники,⁶⁹ был главным вдохновителем борьбы русских и карельских людей против передачи города и уезда шведам. В своих проповедях он призывал жителей города и население всего уезда бороться за сохранение родной земли в составе Руси. В частности, именно епископ Сильвестр, по словам Видекинда, организовал сопротивление корельских горожан и крестьян выполнению нового царского приказа о сдаче Корелы, привезенного Чулковым, Телепневым и Олофсоном. «Когда кексгольмцы, — рассказывает Видекинд, — услышали... что едут бояре для передачи крепости Карлу Олофсону, то епископ Сильвестр и жители города, соединившись, запретили им въезд, для чего подняли местных крестьян».⁷⁰

Приводя этот текст, нельзя не отметить одного весьма ценного для нас обстоятельства. При сравнении русского и шведского источников (написанных представителями двух враждебных лагерей на двух разных языках) видим, что оба они, указывая на силы, воспрепятствовавшие въезду царских послов в Корелу, одинаково свидетельствуют, что в данном случае и горожане, и карельские крестьяне объединились в едином стремлении не допустить на свою землю царских послов, приехавших для того, чтобы передать эту землю национальным врагам — шведам. Из приведенного нами текста Видекинда можно даже заключить, что выступление карельских крестьян сыграло в данном случае наиболее важную роль.

Взаимоотношения города Корелы с центральной властью были в этот период весьма сложными. Признание Лжедмитрия II было чисто номинальным; никакой помощи от Тушина Корела не получала, хотя польско-тушинские отряды в это время бродили по всей стране и, в частности, были и на юге новгородской земли. И вообще ни о каких сношениях между Корелой и Тушиным нам из источников ничего неизвестно. Шведы, тщательно следившие за положением в Кореле, не преминули бы отметить в своей (дошедшей до нашего времени) переписке с Шуйским наличие сношений между Корелой и польско-тушинским лагерем, если бы такие сношения действительно имели место.

Признание Лжедмитрия было нужно властям и населению Корелы лишь для того, чтобы иметь законное

право не подчиняться распоряжениям Шуйского по основному вопросу — по вопросу о передаче города и уезда шведам. В этом отношении позиция патристически настроенной ведущей части корелян была непоколебима. Но в остальных вопросах политической жизни руководители и население города Корелы не имели принципиальных расхождений с Шуйским. Поэтому, не подчиняясь приказам о сдаче города, городские власти не прерывали полностью сношений с правительством Шуйского и с его воеводами в Новгороде. На все вопросы царя, на все царские грамоты корельские епископ и воевода давали письменные ответы, даже в том случае, когда они отказывались выполнять царские приказы. Так, в частности, на царскую грамоту, привезенную Чулковым и Телепневым, епископ Сильвестр и воевода Мышецкий отправили в Москву обстоятельный ответ, в котором, вероятно, объясняли, почему они не могут подчиниться приказу царя о сдаче города. Это письмо, к сожалению, не сохранилось (нам известен лишь самый факт отправки такого письма).⁷¹

Тем не менее, хотя открытой вражды не было, отношения между Корелой и Корельским уездом с одной стороны и царем Василием Шуйским и его властями в новгородской земле с другой были, по всей видимости, весьма напряженными. Торговые и иные связи между Корельским уездом и остальными областями Руси были, по всей вероятности, нарушены. Товары, необходимые для населения, а также боеприпасы для гарнизона не поступали в Корелу уже в течение года.

Хозяйственные трудности и напряженная политическая атмосфера в связи с постоянным ожиданием прихода шведских войск вызвали колебания среди неустойчивой части крестьянского населения уезда. Насколько можно заключить из единственного источника, указывающего на это обстоятельство (письмо шведского посла Петра Петрея, проезжавшего в начале 1610 г. через Корельский уезд),⁷² речь может идти лишь о небольшой группе карельского крестьянского населения, жившего на земле одного из четырех находившихся на территории уезда монастырей. Видимо, эти крестьяне страдали от феодальной эксплуатации со стороны монастыря, и недовольство против своих непосредственных эксплуататоров, православных монахов, перенесли на все русские власти

вообще. Антифеодальный прежде всего (а не политический) характер недовольства данной группы крестьян явствует из их намерений. По словам Петрея, крестьяне выражали желание разрушить новую мельницу, построенную монахами на соседней реке, а также послать несколько своих людей в Выборг, чтобы сообщить о своем добром расположении к шведским властям. Иными словами, активные действия эти крестьяне собирались предпринять только против своего феодала — монастыря; по отношению же к шведам эти крестьяне думали придерживаться лишь пассивной благожелательной тактики, не думая ставить вопроса о переходе под шведскую власть и, тем более, не собираясь присоединиться с оружием в руках к шведам.

В конце 1609 г. Делагарди по приказу своего короля вновь начинает настаивать на немедленной передаче Корелы. Василий Шуйский направляет в Корелу нового посла, Смирного Отрепьева, с новым приказом о передаче города. Смирной Отрепьев повез с собой царскую грамоту Карлу IX об уступке Швеции города Корелы с уездом.⁷³ Усилия нового царского посла увенчались столь же малым успехом, как и предыдущие распоряжения по этому поводу. Смирной Отрепьев, приехав в январе 1610 г. в Орешек, предложил корельским властям прислать к нему уполномоченных для переговоров.⁷⁴ Желая путем различных проволок затянуть на неопределенный срок сдачу города, корельский епископ и восвода на этот раз не отказались от переговоров и направили в Орешек своих уполномоченных. Представители Корелы, не возражая теперь в принципе против передачи города и уезда, просили отложить срок передачи до Троицына дня (до июня 1610 г.). Смирной Отрепьев не стал настаивать на немедленной передаче, и переговоры закончились тем, что вопрос постановлено было передать на решение царя.⁷⁵ Подозрительно мягкая позиция царского посла во время этих переговоров позволяет думать, что и сам Василий Шуйский не был особенно склонен сдавать Корелу шведам и, видимо, дал тайно соответствующие наставления своему послу, хотя в то же время продолжал обещать шведам немедленно передать город, возмущаясь неповиновением своих поданных.

Известие о результатах январских переговоров еще не успело дойти до Москвы, когда Шуйский, не надеясь

на успех миссии Смирного Отрепьева, отправил в Корелу новых послов, дворян И. М. Пушкина (впоследствии руководителя обороны Корелы) и Безобразова, все с тем же официальным заданием: добиться передачи города и уезда шведам. Прислав в Орешек в феврале 1610 г., Пушкин и Безобразов взяли на себя переговоры с Корелой, а Смирной Отрепьев, имевший дипломатические поручения к шведскому правительству, отправился в Швецию.⁷⁶

Получив известие о приезде полномочных послов от самого царя со специальным заданием — передать Корелу, Карл IX решил, что передача города теперь будет, наконец, осуществлена и счел необходимым срочно назначить специальное лицо, которое примет от царских послов город и уезд под власть шведского государства. От имени короля офицер Тённе Йоренссон получил полномочия стать наместником Кексгольма и принять от царских послов город и уезд под свое управление. В сохранившемся в Стокгольмском архиве королевском предписании, уполномочивающем Тённе Йоренссона на выполнение этих почетных и ответственных задач, подробно указывались права и обязанности наместника на вновь приобретаемой территории (прилож. 6). Но шведский король слишком поторопился начать распоряжаться в Корельском уезде. Корела и Корельский уезд еще на целый год были удержаны в составе России.

Миссия Пушкина и Безобразова была не более удачна, чем все попытки их предшественников, причем и в данном случае можно полагать, что царские представители не особенно-то и хотели добиться успеха (и, может быть, имели на этот счет указания от царя); иначе трудно было бы объяснить, каким образом Пушкин, посланный для передачи Корелы шведам, спустя несколько месяцев стал корельским воеводой и руководителем обороны города от тех же шведов. Узнав о соглашении, состоявшемся между Смирным Отрепьевым и корельскими властями по поводу отсрочки передачи города, Пушкин и Безобразов стали продолжать тактическую линию, намеченную их предшественником. Новые русские представители сообщили шведским властям в Выборге, что отсрочка в передаче города вызвана лишь необходимостью дожидаться весны и вскрытия рек, ибо имеющиеся в Кореле материальные ценности могут быть вывезены

только водным путем.⁷⁷ В это время шведами стали распространяться слухи, что, если русские не сдадут Корелу, город будет взят шведскими войсками с помощью артиллерии. Слухи эти имели основание: на границе уже был сосредоточен вооруженный отряд для посылки в Корельский уезд.⁷⁸ Пушкин и Безобразов заявили шведским властям в Выборге протест против подобных угроз и потребовали, чтобы шведский отряд был отведен от границы Корельского уезда.⁷⁹ Выборгские власти сначала объявили (в первом письме Пушкину и Безобразову) слухи о подготовке похода на Корелу ложными; но в следующем письме, написанном через несколько дней (в конце февраля), они уже прямо сообщали Пушкину и Безобразову, что, поскольку жители Корелы и уезда «своему прямому царю и великому князю чинятца исполнуны и повеления из совершают, что им от царского величества приказано», то есть не сдают город, из Выборга будет отправлен в Корельский уезд отряд из 1000 конных и пеших воинов.⁸⁰ Шведский отряд, как говорилось в письме, остановится в трех пограничных погостах «непослушным корелянам в грозу»; иными словами, шведы решили прибегнуть к вооруженной демонстрации, чтобы заставить корельские власти наконец сдать город. Правда, на открытые военные действия шведское командование все же не отважилось, ибо это слишком уж противоречило бы официально существующим союзным отношениям. И нам даже не вполне ясно, был ли упомянутый отряд действительно послан внутрь Корельского уезда. Поскольку источники об этом отряде в дальнейшем ни разу не упоминают, весьма возможно, что шведы ограничились одной только угрозой.

Царь Василий Шуйский делал вид, что забыл о присяге, приписанной Корелой Лжедмитрию немного больше года тому назад, и проводил эту политическую линию не только в своих распоряжениях по вопросу о сдаче города (здесь он продолжал говорить, как царь, приказывающий своим подданным). Очень характерен в этом отношении один жест царя по отношению к непокорному городу. Пушкин и Безобразов привезли стрельцам Корельского гарнизона деньги для раздачи царского жалованья за истекший год и грамоту от царя.⁸¹ Василий Шуйский этим подчеркивал, что он, несмотря на непокорность корелян, попрежнему считает город и уезд частью своего

государства, а городских стрельцов — состоящими у него на службе. Если принять во внимание, что (как сообщают некоторые источники) стрельцы составляли главную силу среди патристически настроенных слоев населения Корелы, упорно стоявших за сохранение города в составе Руси,⁸² то станет ясно, что, присылая стрельцам жалованье, царь как бы показывал, что не осуждает стрельцов за занятую ими патристическую позицию, хотя эта позиция и приводит к неподчинению официальным царским приказам.

У Видекинда имеется глухое указание на то, что какой-то аналогичный жест был сделан Василием Шуйским и по отношению к крестьянам Корельского уезда: приблизительно в это же время Василий Шуйский каким-то образом сообщал крестьянам Корельского уезда, что он «простил» им неповиновение царским приказам.⁸³

В конце марта (1640) царь прислал Пушкину и Безобразову, а также корельским властям новое распоряжение о немедленной передаче города и уезда.⁸⁴ В апреле со вскрытием рек и озер корельские власти лишились предлога, оправдывающего их промедление в деле передачи города. Шведское командование в Выборге назначило 1 мая крайним сроком для передачи. В ответном письме корельские власти упресли шведов, что те упустили возможность, путем строительства мостов и гатей на дорогах, облегчить предстоящую массовую эвакуацию города Корелы; теперь, как сообщалось в письме, русские люди в Кореле вынуждены ожидать судов, которые по распоряжению царя должны быть высланы из Новгорода для перевозки населения и имущества.⁸⁵ Ответ корельского воеводы не мог успокоить шведское командование, ибо одновременно в Выборг поступили сведения, что в Кореле и Корельском уезде проводится среди населения набор ратных людей, то есть корельские власти готовятся не к эвакуации, а к вооруженной борьбе, к обороне своей территории от нападения шведов.⁸⁶ Кроме того, были также получены сведения и о том, что русское духовенство и представители русских властей проводят среди карельского крестьянского населения агитацию за сохранение уезда в составе Русского государства.⁸⁷ Таким образом, шведы видели, что

решение о сдаче города и уезда корельские власти в действительности выполнять не собираются.

К этому времени политическая обстановка в России еще более усложнилась. Польский король Сигизмунд III в середине 1609 г. принял решение начать открытую интервенцию, поход коронных войск в Россию для прямого завоевания русских земель. На решение Сигизмунда III безусловно повлияло известие о приходе шведских войск: возникла угроза восстановления власти Шуйского на всей территории страны с помощью врага Польши — Швеции. Другой причиной, вызвавшей принятие этого решения, был уже обозначившийся провал второй польской интервенции. За протекшие два года силы Лжедмитрия II добились, правда, довольно крупных успехов, подчинили себе значительную часть городов и уездов страны. Но главной задачи — занятия Москвы, ликвидации правительства Шуйского и утверждения на московском троне — Лжедмитрию II и его польско-шляхетскому войску осуществить не удалось. Становилось ясно, что если «Тушинский вор» за два года так и не сумел взять Москву, то и дальше это сделать ему не удастся. Между тем, слабость другой стороны — правительства Шуйского, не имевшего сил справиться с войсками самозванца и вынужденного обратиться к иноземной помощи, давала польскому королю серьезные основания рассчитывать на успех повой, третьей по счету польской интервенции. Учитывая эти обстоятельства, в сентябре 1609 г. Сигизмунд начал открытую интервенцию. Большое польское войско перешло русскую границу и осадило крупнейший город на западной границе Руси — Смоленск, прикрывавший путь к Москве.

Мужественный гарнизон Смоленска в течение почти двух лет отстоял город. Оборона Смоленска сыграла большую роль в ходе борьбы русского народа против польской интервенции. Смоленск оттягивал на себя главные силы поляков, не позволяя Сигизмунду развернуть широкие завоевательные операции на русской территории. Героическая оборона Смоленска позволила выиграть время, использованное русскими людьми для начала сбора сил, для подготовки борьбы против польских захватчиков.

По призыву Сигизмунда значительная часть поляков уже в конце 1609 г. покидает Лжедмитрия II и уезжает

под Смоленск, под знамена своего короля; Лжедмитрий II бежит из Тушина, тушинский лагерь распадается.

Зимой 1609—1610 гг. Скопин-Шуйский и Делагарди разбили остатки польско-тушинских войск, сняли осаду Москвы и в марте 1610 г. торжественно вступили в русскую столицу. Казалось, наконец, создались условия для успешной борьбы против поляков. Но случилось иначе.

Талантливый полководец Скопин-Шуйский, пользовавшийся большой популярностью, вдруг скоропостижно умер. На Москву двинулось из-под Смоленска многотысячное польское войско. Выступившая навстречу московская рать вместе с войском Делагарди потерпела полное поражение в июне 1610 г. под с. Клушиным. Немецкие наемники Делагарди на поле боя перешли на сторону поляков и тем решили исход сражения. Путь на Москву полякам был открыт.

Понимая, что дело Шуйского безнадежно проиграно, московские бояре и дворяне свергли Шуйского и пригласили на московский трон польского королевича Владислава (сына Сигизмунда). Москва присягнула Владиславу (оставшемуся в Польше). Боясь народных волнений, бояре впустили в Москву польский отряд. Московское правительство из семи бояр («семибоярщина») стало игрушкой в руках поляков.

Наступил самый тяжелый момент в жизни Московского государства. Польские войска осаждали Смоленск, занимали Москву и ряд других городов, всюду бродили польско-шляхетские отряды. Московское правительство семи бояр не пользовалось авторитетом. Страна временно лишилась государственной власти.

Этим моментом решил воспользоваться Делагарди, с остатками своих войск бежавший к Новгороду.

Свержение Шуйского сразу же привело к изменению шведской политики по отношению к России. Шведские войска пришли в Россию для поддержки правительства Шуйского. Теперь правительства Шуйского более не существовало, и тем самым не было основания для дальнейшего пребывания шведских войск на русской территории. Шведы, разумеется, не ушли обратно за рубеж; начавшееся междоусобице и упадок государственной власти в стране создавали исключительно благо-

приятные условия для перехода к открытой интервенции, для начала открытого завоевания территорий Русского государства. Шведское правительство приняло решение приступить к завоеванию северо-западных русских земель.

К этому времени положение в пограничных землях на северо-западе оставалось без изменений. Весной и летом 1610 г., когда все сроки для передачи Корелы уже давно прошли, корельскими властями был найден новый предлог для отсрочки. Получив известие о смерти Скопина-Шуйского и сославшись на слухи о смерти шведского короля, корельские епископ и воевода сообщили Выборгскому губернатору, что обязательство передать Корелу шведам, принятое Скопиным-Шуйским, теперь уже не имеет силы, поскольку и Скопина, лично заключавшего Выборгский договор, и короля Карла IX, от имени которого заключала договор другая сторона, уже нет в живых; поэтому епископ и воевода заявили, что они теперь будут ждать новых распоряжений из Москвы.⁸⁸ В Москву был отправлен гонец, который по возвращении (в июне 1610 г.) сообщил, что царь Василий не разрешил передавать город шведам.⁸⁹ Было ли действительно дано Шуйским подобное указание корельским властям, нам неизвестно. В обстановке, создавшейся в июне 1610 г. (движение польских войск на Москву), Шуйский вряд ли мог открыто дать такое распоряжение, ибо оно могло привести к разрыву со шведами в тот момент, когда шведские вспомогательные войска были особенно нужны. С другой стороны, мы уже приводили факты, позволяющие предполагать, что Василий Шуйский в глубине души одобрял упорство корельских властей. Сюда же надо добавить и записанное шведами со слов одного русского купца (на берегах Незы) сообщение, что Василий Шуйский недавно (запись сделана в июле) прислал письма во все пограничные крепости, предлагая остерегаться Делагарди, чтобы тот не мог захватить какую-либо из крепостей.⁹⁰ Таким образом, возможно, что царь Василий дал и теперь корелянам тайное указание не сдавать город, а корельские власти не стали соблюдать тайну и открыто оповестили народ о новом указании царя.

В середине лета (1610 г.) со свержением Шуйского кончился первый, мирный этап пребывания шведских

войск на русской территории. Пока все выгоды из этого извлекала русская сторона: шведские вспомогательные войска в течение целого года воевали против поляков, способствуя очищению от польских отрядов значительной части русских земель; вместе с тем, русские сумели удержать за собой тот участок своей территории, который был обещан Швеции в уплату за военную помощь — Корельский уезд. Честь удержания Корелы и уезда в русских руках, несмотря на все распоряжения царя, несмотря на настоятельные требования и угрозы шведов, принадлежит не столько руководителям города, епископу Сильвестру и воеводе Мышецкому, сколько русским и карельским людям, патристически настроенному населению города и уезда, упорно стоявшему за сохранение своей территории в составе Русского государства.

Теперь, решив начать открытую интервенцию, Делагарди ставит своей первой задачей овладение Корелой. По словам Видекинда, Делагарди решил осаждать Корелу «с тем расчетом, чтобы вероломные и упорные люди еще более не укрепились в дерзком стремлении удержать замок*, и не подали этим примера другим, если понадобится двинуться дальше».⁹¹ Таким образом, видно, что уже тогда Делагарди рассматривал овладение Корелой лишь как первый шаг на пути к более широким завоеваниям, стремясь захватить этот город, чтобы его сопротивление не послужило вдохновляющим примером для населения других северо-западных русских городов. Другое соображение Делагарди, вынуждавшее его начинать именно с Корелы, по словам Видекинда, «предполагало скорейшее получение помощи и провианта из Финляндии и возможность вызвать оттуда при надобности войска как для подавления крестьянских сил по соседству, так и для набегов на неприятеля. Наконец, думал он**, если этот город удастся взять военной хитростью, голодом или внезапным приступом, то, опираясь на него, удобнее будет следить за военной обстановкой и вести войну под Новгородом».⁹² Действительно, близость Корелы к Финляндии и наличие удобных водных и сухопутных путей, связывающих этот город с Выборгом и Новгородом, создавали для шведов возможность,

* То есть город — крепость Корелу.

** Делагарди.

в случае захвата Корелы, превратить ее в базу для дальнейших завоевательных операций на русской территории. Как явствует из слов Видекинда, уже тогда, начиная осуществлять свои захватнические планы, шведы имели в виду в будущем овладеть центром северо-западной Руси — Новгородом.

В создавшейся обстановке оборона Корелы приобретала, таким образом, особо важное значение. Пока Корела находилась в руках русских и могла угрожать основным коммуникациям, связывающим войска Делагарди с Финляндией, шведы не могли начать широких завоевательных операций в новгородской земле. И чем дольше можно будет удерживать Корелу, тем дольше шведы не смогут начать завоевания основных русских земель, тем дольше они не смогут подступить к центру северо-западной Руси — к Новгороду. Городу Кореле в начальный период открытой шведской интервенции суждено было сыграть (хотя, разумеется, в меньшем масштабе) ту же историческую роль, которую сыграл в эти годы Смоленск в борьбе против открытой интервенции шляхетской Польши.

Как указывается в латинском издании книги Видекинда, Делагарди имел в виду с овладением Корелой получить удобную возможность вызвать из Финляндии в этот город войска «для подавления крестьянских сил по соседству».⁹³ Это указание представляет для нас особый интерес. В издании книги Видекинда на шведском языке, несколько отличающемся от вышедшего в то же время латинского издания, вместо приведенных выше слов стоит предложение с несколько иным смыслом: «для того, чтобы оттеснить крестьян от границы».⁹⁴ На русско-шведской границе, «по соседству» с городом Корелой, жили крестьяне пограничного Корельского уезда. Делагарди, готовя захват Корелы и уезда, заранее должен был планировать приглашение новых войск из Финляндии «для подавления крестьянских сил», ибо ему было известно, что не только город Корела, но и карельское крестьянское население уезда было резко враждебно настроено по отношению к шведам, и Делагарди ожидал, что после захвата города Корелы ему придется еще подавлять сопротивление карельского крестьянства.

Эти спасения не были лишены основания. Как сообщал Арвед Тённессон в своем письме от 19 августа,

карельские крестьяне с оружием в руках выступили против шведских войск, вошедших на территорию их уезда.⁹⁵ Партизанские отряды карельских крестьян явились первой вооруженной силой, с которой столкнулись шведские войска, вступившие летом 1610 г. из Финляндии на территорию России.

Организатором выступления карельских крестьян явился, по сведениям шведского правительства, все тот же епископ Сильвестр (прилож. 7). Получив, вероятно, сообщение о готовящемся походе шведов на Корелу, епископ Сильвестр (и сам лично, и через приходских священников) известил карельских крестьян о приближении врагов и призвал их к вооруженной борьбе против интервентов. Но не агитация Сильвестра была основной причиной возникновения партизанской борьбы карел против шведских захватчиков. Никакая агитация не смогла бы всколыхнуть в то время широкие массы населения (особенно в условиях явного превосходства сил врага), если бы идея сопротивления не созрела уже давно в сознании масс. Карельский народ был подготовлен к выступлению и своей многовековой борьбой против национальных врагов — шведов и, особенно, событиями последних полутора лет, когда карелы совместно с русскими отстаивали сохранение своей земли в составе Русского государства. Угроза вооруженного нападения шведов уже полтора года висела над уездом, и население успело к этой угрозе подготовиться. Призыв Сильвестра и его священников явился лишь искрой, вызвавшей давно подготовленный взрыв.

По сведениям шведских властей общая численность карельских партизан достигала двух тысяч человек (прилож. 7) — цифра весьма значительная по тому времени. Но и эта цифра могла быть преуменьшенной, ибо никаких точных подсчетов ни шведами, ни русскими не проводилось и в тогдашних условиях проводиться не могло. И в данном случае важны не цифры, а сам факт, что карельский народ при приближении шведских войск грудью встал на защиту родной земли.

Шведское вторжение началось в конце июня 1610 г. Первыми перешли границу передовые шведские части, состоявшие из 2 эскадронов конницы, 2 или 3 рот пехоты и из 4 вспомогательных отрядов, набранных на время войны из населения Выборгской губернии и Саволакса.

Во главе наступающих войск стоял ротмистр Ларс Андерссон. На первое время передовые шведские части имели лишь ограниченные задачи — задачи наблюдения за крепостью Корела, пока к ним не подойдут главные силы. 24 июня небольшой отряд шведов уже показался в виду города.⁹⁶

На первых же порах своего движения по русской территории шведские интервенты встретили мужественное сопротивление карельских партизан. Слабыми сторонами карельских партизан были (как можно полагать) недостаток оружия и недостаточное знакомство с военным делом. Вероятно поэтому объединившимся карельским партизанским отрядам было вскоре прислано из города Корелы сильное подкрепление — хорошо вооруженный отряд из 200 стрельцов.

4 июля карельские партизаны и городские стрельцы встретились с наступающими шведскими войсками в открытом поле. Произошло кровопролитное сражение, кончившееся победой превосходящих сил интервентов. Карельские отряды ушли в леса, где стали продолжать партизанскую борьбу; стрельцы отступили за стены города. Северная часть городского посада, лежавшая на берегу «за Федоровской рекой», была сожжена жителями при приближении шведских войск; южную часть посада — «Ореховскую сторону за Узервой рекой», сжечь не успели, ибо ее заняли передовые отряды шведов. Жители городского посада с семьями и имуществом, бросив свои дома, укрылись внутри городских укреплений. Шведские войска подступили к городу и начали готовиться к осаде.⁹⁷

Июль и август прошли в приготовлениях. Лишь в первых числах сентября (1610 г.), когда под стены Корелы прибыл с новыми силами сам Делагарди, началась осада города.

Героическая оборона Корелы — важнейшее событие в ходе борьбы русского и карельского народов против шведской интервенции в Карелии начала XVII века. В этом событии нашла особенно яркое выражение многовековая дружба русского и карельского народов.

Каково было юридическое положение Корелы к началу осады?

Теперь не существовало более ни царя Лжедмитрия II, которому кореляне два года назад целовали крест,

ни царя Василия Шуйского, с которым кореляне в течение всего времени тоже окончательно не порывали. Существовало лишь боярское правительство в Москве, не имевшее почти никакой реальной силы и державшееся с помощью поляков.

Корельские власти понимали, что ввиду близящейся осады необходимо определить юридическое положение города по отношению к основным русским землям, дабы иметь хоть слабую надежду получить из центра страны помощь против надвигающихся вражеских войск. Выбора в этот момент не было. Боярское правительство в Москве, правившее от имени «царя» Владислава (находившегося в Польше и пока не собиравшегося прислать в Россию), было единственным в то время в стране всероссийским органом власти. Вслед за Москвой, столицей России, Владислава формально признали несколько провинциальных городов, в частности Новгород. Вслед за Новгородом целовал крест «царю» Владиславу и город Корела.⁹⁸ Для Москвы присяга польскому королевичу Владиславу на виду у приближающихся польских войск означала шаг по пути подчинения полякам. Для Корелы, лежавшей вдали от районов действия польских интервентов, присяга Владиславу была чисто номинальной. О марионеточном характере правительства «семибоярщины» в далской Кореле не было ничего известно (или было известно очень мало). Присяга Владиславу означала подчинение единственной в то время всероссийской власти и должна была показать, что кореляне попрежнему стремятся сохранить свой город в составе Русского государства.

Что представляла собой в это время Корела как крепость?

Город Корела, как мы уже знаем, имел укрепленную цитадель — детинец («замок»), расположенный на острове посреди реки Вуоксы, и три части городского посада. Старейшая часть посада была расположена на соседнем с детинцем Спасском острове; более новые части городского посада занимали северный и южный берега Вуоксы.

Первоначально все три части городского посада укреплений не имели; укреплен был только детинец, служивший убежищем для всего населения города во время вражеских нападений. Но в XVI веке, повидимому

в годы Ливонской войны, был окружен укреплениями и Спасский остров. В находящемся в Финляндии архиве Кексгольмского лена (так назывался Корельский уезд, когда он находился под властью шведов)⁹⁹ сохранились сведения о крупных работах, произведенных шведами для ремонта и усиления городских укреплений в 80—90-х гг. XVI века. Эти сведения (запись финансовых расчетов за строительные работы и за привоз строительных материалов в 1588—1594 гг.), а также современный вид городских укреплений позволяют нам в общих чертах представить себе, каковы были укрепления города в начале XVII века.

Судя по данным архива, укрепления Корелы начала XVII века по своей конструкции были такими же, какими они (несмотря на неоднократные ремонты и частичные перестройки в последующие два столетия) сохранились до наших дней внутри современного города Приозерска.

Существующие в наши дни укрепления детинца состоят из мощных земляных валов, обложенных по наружной стороне диким камнем, и каменной воротной башни с казематами. Валы детинца более архаичны, чем укрепления Спасского острова, и несколько напоминают по конструкции стены Староладожской крепости; возможно поэтому, что донные сохранившийся «замок» в своей основе является русской постройкой XVI века (или еще более раннего времени). Но, по сведениям архива, кладка каменных стен (точнее обкладка валов) производилась и шведами в 80-х гг. XVI столетия.¹⁰⁰ Возможно, что шведы увеличили высоту валов и поэтому должны были дополнить каменную обкладку. Одна из башен детинца, по данным архива, построена шведами в 1582 г.¹⁰¹

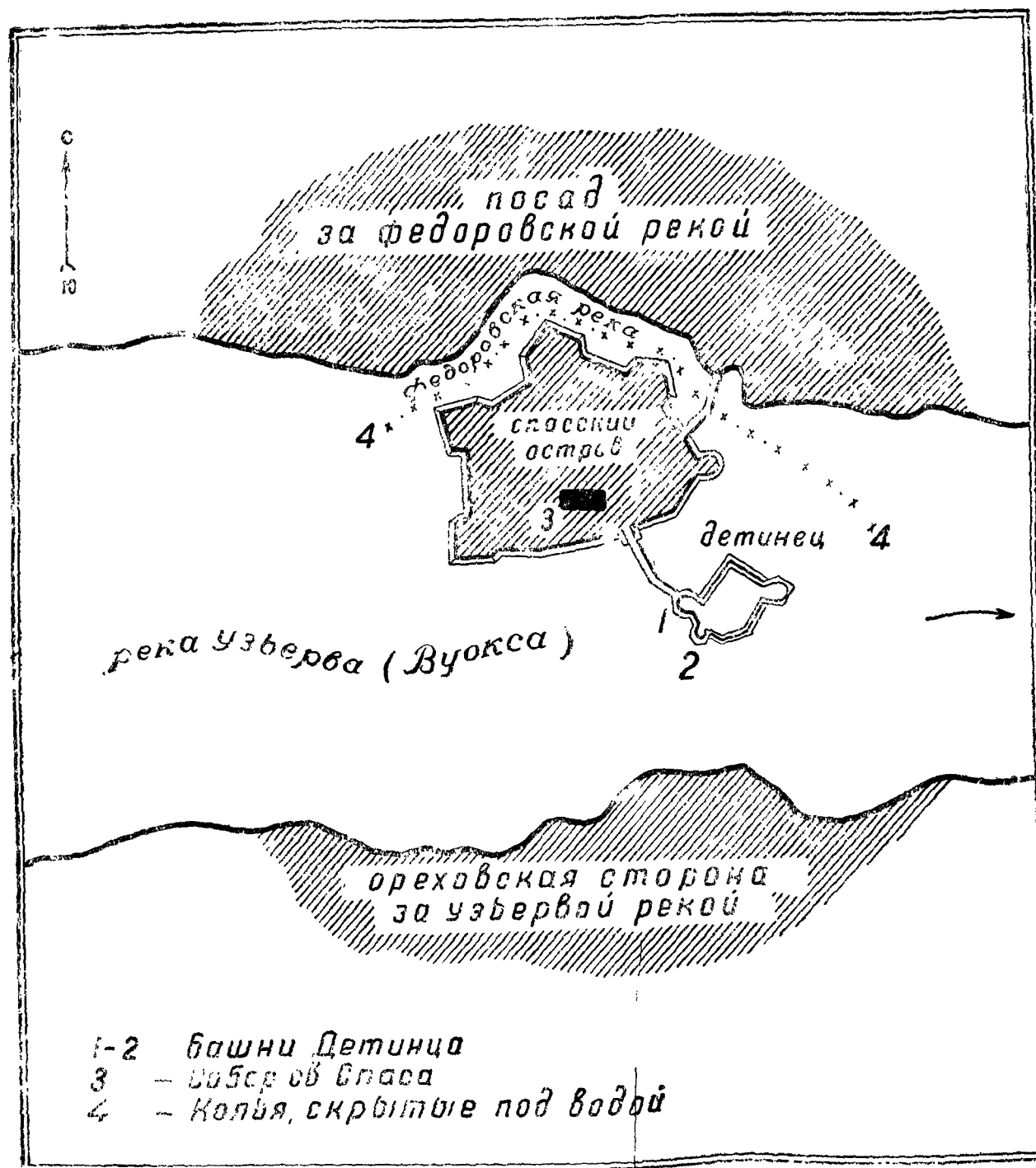
Бывший Спасский остров окружен теперь* высокими земляными валами, имеющими каменный фундамент. Эти валы в конце XVI века уже существовали; шведское командование в 80-х гг. проводило их ремонт.¹⁰²

По верху валов детинца и Спасского острова шла стена из бревен (прим, обычный в крепостном строительстве древней Руси в тех случаях, когда крепость не имела

* Теперь это уже не остров, а часть берега сильно обмелевшей реки Вуоксы внутри современного города Приозерска; также на берегу расположен теперь и старый корельский детинец.

ГОРОД КОРЕЛА В НАЧАЛЕ XVII ВЕКА

(схематический план)

каменных стен); для строительства деревянных стен в течение нескольких лет шведы привозили бревна из окрестностей города.¹⁰³

По словам Видекинда, «замок стоит посредине реки, окружен быстро текущей водой и укреплен лучше, чем ожидалось [шведским командованием], а стены его сколочены из дубовых, плотно скрепленных бревен, и для большей прочности засыпаны землей. Кроме того, доступ затрудняют колья, скрытые в воде, так что невозможно было воспользоваться силой пистолетов». ¹⁰⁴

В XVII веке, когда уровень воды в Вуоксе был на 2—3 метра выше, чем сейчас, крепостные валы обоих островов опускались почти отвесно в воду. Поэтому взять городские укрепления штурмом было почти невозможно: взбираться на валы пришлось бы прямо из лодок, а лодки не могли ни подойти к укрепленным островам (мешали скрытые под водой колья), ни остановиться у берегов этих островов (мешало стремительное течение реки). Выгодные условия для обороны сохранялись и на зимнее время: течение реки Вуоксы, имевшей несколько водопадов и порогов, было настолько быстрым, что река зимой почти не замерзала или покрывалась лишь тонким слоем льда, не выдерживавшим вооруженных людей.

В Кореле находился к началу осады довольно сильный (сравнительно с небольшой площадью городских укреплений) гарнизон, состоявший из служилых дворян, детей боярских, своеземцев, стрельцов, пушкарей (прилож. 4) и ратных людей, набранных среди жителей города и среди карельского крестьянского населения уезда.

Численность населения города и размеры гарнизона могут быть определены лишь приблизительно. Выборгский губернатор Арвед Тённессон, руководивший шведскими войсками при капитуляции города, в своем письме через несколько дней после капитуляции (от 20 марта 1611 г.) писал, что город к началу осады имел две тысячи жителей.¹⁰⁵ Писавший спустя 60 лет Видекинд на основании каких-то не известных нам источников называет другую цифру — три тысячи.¹⁰⁶ Первая цифра, записанная, вероятно, со слов городских властей, вызывает больше доверия. Но могло быть и так, что обе цифры по своему верны: численность населения в городе в обычное время могла быть равна двум тысячам, а в начале осады, когда за городские валы укрылись жители окрестностей

города и когда в город были собраны ратные люди со всего уезда, население (включая гарнизон) должно было сильно возрасти и могло дойти до трех тысяч человек.

Какую часть количества жителей составляли собственно защитники города — стрельцы и ратные люди, набранные в городе и уезде, — мы не знаем. Надо полагать, что их не могло быть больше четырехсот-пятисот человек.

Вдохновителем обороны города был все тот же епископ Сильвестр, мужественный русский патриот, в течение всего периода осады поддерживавший боевой дух осажденных. Прежний воевода князь Мышецкий по неясным для нас причинам летом 1610 г. ушел (или был смещен) со своего поста. Корельским воеводой стал уже известный нам Иван Михайлович Пушкин, за полгода до этих событий посланный Василием Шуйским на шведский рубеж с приказом добиться передачи города Корелы шведским властям. Теперь Пушкин оказался во главе обороны города от тех же шведов. Насколько мы можем судить из довольно скудных источников, И. М. Пушкин был храбрым и энергичным руководителем обороны. Человек уже пожилой, не раз занимавший ответственные государственные посты¹⁰⁷ и выполнявший важные дипломатические поручения, И. М. Пушкин имел большой опыт в военном деле. Пушкин с честью выполнил и самую крупную задачу из всех, когда-либо ложившихся на его плечи, — руководство обороной Корелы от великолепно вооруженных шведских войск.*

Хотя, как мы видим, оба руководителя обороны были выдающимися людьми своего времени, все же не им принадлежало в последующих событиях решающее слово. В те годы, в период общего упадка государственной власти в стране, самые опытные и талантливые государственные деятели становились бессильными, если их не поддерживали массы. Город Корела стал неприступной твердыней на северо-западном рубеже Русского государ-

ства не столько благодаря сильным укреплениям и наличию энергичных и опытных руководителей, сколько, главным образом, благодаря мужеству и патриотизму рядовых защитников, простых русских и карельских людей, твердо решивших не отдавать родной город врагам. Именно беззаветное мужество и патриотизм этих простых воинов, плечом к плечу отстаивавших город, было главной причиной, почему Корела почти полгода смогла сопротивляться против в 2—3 раза превосходящих численностью и лучше вооруженных шведских войск.

Итак, Корела представляла собою довольно сильную по тому времени крепость. Естественные препятствия, искусственные сооружения и, главным образом, мужество и упорство ее защитников делали задачу, стоящую перед шведскими войсками, исключительно трудной.

Обычный по тому времени способ преодоления крепостных стен, которым сначала предполагал воспользоваться Делагарди (взрыв стен путем устройства подкопа и закладки заряда пороха), был в данном случае не применим: детинец и Спаский остров были окружены водами реки, городские валы опускались прямо в воду, и для устройства подкопа не оставалось места. Учитывая также, что переправа шведских войск к детинцу и Спаскому острову затруднялась и быстрым течением реки, и рядами кольев, скрытых под водой, Делагарди не решился брать город штурмом и начал правильную осаду.

К октябрю под Корелой собрались значительные силы: 6 эскадронов конницы, 6 рот пехоты и 4 вспомогательных отряда. Когда же выяснилась невозможность взять город штурмом, для которого обычно требуется значительное превосходство сил осаждающих, и решено было перейти к правильной осаде, оказалось возможным отправить часть войска на другие направления. В лагере осаждающих к концу октября остались 2 эскадрона рейтар — 380 человек, 4 роты кнехтов — 356 человек и вспомогательные отряды из 430 воинов, всего 1166 человек. Освободившиеся части были использованы для оккупации территории Корельского уезда.¹⁰⁸

Дело осложнялось также отсутствием осадной артиллерии. Войско Делагарди имело лишь полевую артиллерию, с помощью которой нельзя было преодолеть укреп-

* Отметим здесь, кстати, что Иван Михайлович Пушкин был предком великого русского поэта А. С. Пушкина. Его, в частности, имел в виду великий поэт в своем стихотворении «Моя родословная», когда говорил о своих предках:

«...Средь них был славен не один,
Когда тягался с поляками
Нижегородский мешанин...»

ления города. Поэтому главную надежду Делагарди возложил на блокаду, рассчитывая принудить корелян к сдаче с помощью голода. Город Корела был обложен со всех сторон; шведские отряды заняли берега Вуоксы выше и ниже города. На лодках, присланных из Финляндии, шведские солдаты заняли устье Вуоксы, отрезав город от Ладожского озера. Жители города, сожженного посада и окрестностей, собравшиеся на узком пространстве внутри городских укреплений, скоро начали страдать от скученности и недостатка продовольствия.

Была сделана попытка облегчить положение города. Карельские крестьяне из северных местностей Керельского уезда собрали на одном из прибрежных островов Ладожского озера, вблизи устья Вуоксы, хлеб для защитников Корелы. Хлебом было нагружено 28 судов, которые должен был сопровождать отряд вооруженных крестьян. Об этом стало известно шведскому командованию. Делагарди выслал навстречу 200 воинов (на лодках), которые частью потопили, частью захватили карельские суда, не пропустив их к городу.¹⁰⁹

Карельские крестьянские отряды в течение всей осени вели партизанскую борьбу против шведских войск. Подробности этой борьбы нам, к сожалению, неизвестны, но самый факт упорного сопротивления карельского народа, боровшегося плечом к плечу с русским народом против шведских интервентов, составляет одну из наиболее славных страниц карельской истории. Ведь нужно учитывать при этом, что уже полтора года Керельский уезд был фактически отрезан от Русского государства, и рассчитывать на подкрепление из центральных русских земель почти не приходилось. Тем не менее карельский народ, навсегда связавший свою судьбу с русским народом, продолжал упорно бороться против шведских захватчиков. Лишь в конце ноября карельские отряды были разбиты хорошо вооруженными шведскими регулярными частями,¹¹⁰ и крестьянское население уезда силой было принуждено к хотя бы внешней покорности. Скрытая борьба против интервентов продолжалась и дальше.

Характерен в этом отношении один эпизод, сообщенный нам Видекиндом. Делагарди отправил из-под Кексгольма отряд в 200 воинов в подкрепление маленькому шведскому гарнизону крепости Ладога (ныне Старая Ладога) в низовьях Волхова. Крестьянин-карел, который

был проводником отряда, заранее сообщил об этом в близлежащий город Копорье и привел шведов прямо к засаде, организованной в лесу русскими воинами из Копорья. Лишь жалкие остатки шведского отряда сумели добраться обратно до шведского лагеря.¹¹¹

Делагарди отправил защитникам Корелы требование немедленно сдать город, ссылаясь на то, что город должен был быть передан Швеции согласно условиям Выборгского договора, заключенного полтора года назад. Защитники Корелы ответили отказом.¹¹² Тогда Делагарди попытался воздействовать на защитников города иным путем. Он сообщил им ложное известие, что в Або высадился сам новый король Густав-Адольф с крупными силами и с осадной артиллерией и движется на помощь осаждающим.¹¹³ Но и эта угроза не произвела эффекта.

Защитники Корелы, как свидетельствует Видекинд,¹¹⁴ ежедневно устраивали вылазки, вступая в кровопролитные стычки со шведами. Во время одной из вылазок русские захватили знатного шведского офицера Клааса Бойе и увели его в плен. В результате постоянных военных столкновений вблизи Корелы окрестности города были совершенно опустошены. Вследствие упорного сопротивления защитников Корелы осада города затягивалась. Делагарди в начале зимы отпразднел в Выборге собирать войско и готовиться к более широким наступательным операциям. Руководство осадой Корелы он поручил опытному командиру Ларсу Андерссону. Шведы продолжали утомлять защитников города ежедневными нападениями и орудийным огнем.

Общая обстановка в стране делала положение города безнадежным. Правда, боярское правительство сумело (как сообщают шведские источники), несмотря на блокаду, переслать из Москвы в Корелу одно или несколько писем, требуя, чтобы кореляне «ни в коем случае не сдавали крепость».¹¹⁵ Но к этому времени правительство семи бояр в стране уже не имело никакого авторитета. На Руси (как мы уже говорили) в этот момент фактически не стало центральной государственной власти. Поэтому рассчитывать на помощь защитники Корелы не могли. В стране не было организованной силы, которая могла бы доставить им помощь. В городе свирепствовала чума, вносящая страшные опустошения в ряды защит-

чиков. Полторы тысячи трупов людей, умерших от цынги и ранений, лежало во дворах и на улицах, ибо некому уже стало их хоронить.¹¹⁶

В феврале 1611 года после полугодовой героической обороны из двух (трех) тысяч жителей осталось в живых всего около 100 человек, остальные погибли от ран и болезней. Оставшихся, всего несколько десятков воинов, в случае если бы шведы задумали пойти на штурм, было бы недостаточно даже для обороны стен детинца.

Учитывая безнадежность дальнейшего сопротивления, защитники города решили начать переговоры о капитуляции. Епископ Сильвестр и воевода Пушкин, рассчитывая добиться сдачи города на тех же почетных условиях, какие были записаны в Выборгском договоре, решили вести переговоры не с командованием осаждающих их войск, а с выборгским губернатором Арведом Тённессоном (в 1609 г. представлявшим шведскую сторону во время выборгских переговоров). В шведский лагерь был послан парламентар с требованием вызвать из Выборга Арведа Тённессона, ибо только с ним защитники Корелы согласны были вести переговоры о капитуляции. Арвед Тённессон вскоре приехал в шведский лагерь под Корелой и 28 февраля начал переговоры с Пушкиным.¹¹⁷

Арвед Тённессон, полагая, что горожане дошли до крайности, стал требовать сдачи города уже на других условиях: осажденные должны были оставить в городе оружие и все свое имущество и выйти из города в одной только повседневной поношенной одежде; имущество разрешалось взять лишь воеводе и нескольким высшим должностным лицам.¹¹⁸ Добиваясь сдачи города на таких позорных для русских условиях, шведское командование стремилось вознаградить своих солдат за тяготы долгой осады, предоставив им на разграбление имущество жителей занятого города. Епископ Сильвестр, согласно этим условиям, должен был остаться в городе, и вопрос о его судьбе передавался на решение самого короля; очевидно, зная, что Сильвестр был вдохновителем героической обороны, шведы хотели отомстить храброму патриоту, оставив его в плену.

Защитники Корелы отказались сдавать город на позорных условиях, предложенных шведами. Воевода Пушкин предложил свои условия сдачи города: свободный выход всего гарнизона и населения, в том числе и епи-

скопа, вместе с их имуществом, а также вывоз из города всех пушек и колоколов с городских церквей.¹¹⁹

Арвед Тённессон пошел на небольшую уступку: воинам разрешалось увезти свое имущество, кроме оружия; но жители, добровольно участвовавшие в обороне, сохраняли свое имущество лишь при том условии, если они останутся в городе (под властью шведов). Епископ и воевода, «как упрямые руководители и виновники» длительной обороны города, должны оставить все свое имущество шведам; то же относится и к священникам, «их сообщникам» (то есть сообщникам в деле организации обороны города). Кроме того, Арвед Тённессон отказался разрешить вывоз пушек и колоколов и выдвинул новое условие: передать шведам ту сумму денежной подати, которая была собрана русскими властями с жителей Корелы и всего уезда после того срока, когда, согласно условиям договора Василия Шуйского со Швецией, город и уезд должны были переданы шведским властям.¹²⁰

Воевода Пушкин и другие члены русской делегации продолжали настаивать на своих требованиях, категорически отказываясь принимать позорные условия сдачи. Мужественные защитники Корелы заявили шведам, что в городе еще имеется тысяча бочек пшеницы, соль и другие съестные припасы и что они будут держаться до последней возможности, а затем взорвут город и погибнут под его стенами.¹²¹ Как впоследствии установили шведы, это было не просто угрозой: когда город был занят, оказалось, что под его башнями уже был заложен порох.¹²²

Решимость и мужество осажденных заставили шведов пойти на значительные уступки. Командование шведских войск поняло, что если оно будет настаивать на позорных условиях капитуляции, горожане взорвут городские укрепления, и все имущество горожан погибнет вместе со своими хозяевами. Шведские командиры боялись также за судьбу своих знатных соотечественников — Йорена и Клааса Бойс, а также нескольких других шведов, захваченных русскими во время пылазок и находившихся в плену в городе.

Арведом Тённессоном был созван военный совет, который должен был решить — сделать ли уступку русским или продолжать осаду. Совет постановил смягчить условия сдачи, с тем чтобы получить в целости городские

укрепления и хотя бы часть имущества жителей.¹²³ Сделанные шведами уступки позволили прийти к соглашению. Договор о сдаче города Корелы предусматривал, что русские могут увезти с собой всю церковную утварь, кроме колоколов, и бумаги воеводской канцелярии (архив администрации Корельского уезда). Епископ, духовенство и воевода могут вывезти свое имущество. Жителям города, если они не предпочитают остаться под шведской властью, разрешалось взять с собой все имущество, которое они смогут увезти; но имущество умерших или бежавших должно остаться шведам. Пушки должны были остаться в городе.¹²⁴

На этих условиях 2 марта 1611 г. после полугодовой героической обороны город Корела капитулировал. Когда раскрылись городские ворота, шведское командование было поражено, убедившись, что число жителей города к окончанию осады едва превышало сто человек¹²⁵ (следовательно, число защитников достигало, видимо, всего нескольких десятков).

С этими ничтожными силами, недостаточными даже для защиты валов городской цитадели (детинца), мужественные русские и карельские люди более полугода отбивали от многочисленных вражеских войск родной город, в течение столетий являвшийся символом нерушимой дружбы русского и карельского народов. Древний карельский город сдался только тогда, когда стало уже невозможно его защищать.

2 марта началась эвакуация города. Покинули Корелу и отправились внутрь русских земель воевода Пушкин, епископ Сильвестр, оставшиеся в живых стрельцы, представители духовенства и посадские люди. Никто из них не захотел оставаться в Кореле под шведской властью.

В городе вынуждена была остаться лишь часть русского духовенства; об этом мы узнаем из позднейших документов, в частности из письма новгородского митрополита Макария православному духовенству Корелы и Корельского уезда (1619 г.).¹²⁶ В письме Макария среди духовных лиц Корелы и уезда на первом месте упоминаются «игумены» (то есть настоятели монастырей), на основании чего можно заключить, что в городе остались монахи трех городских монастырей, которые не

могли покинуть монастырское имущество, прежде всего земли с феодально-зависимыми крестьянами. Возможно, что в данном случае покидавшими город русскими властями преследовались и политические цели: русские монастыри должны были остаться очагами православия в завоеванной шведами земле; через их посредство будут поддерживаться связи карельского населения с Россией, будут сохраняться и поддерживаться политические симпатии временно подчиненной шведам части карельского народа к русскому народу и Русскому государству.

Падение города Корелы в 1611 г. после двухлетнего сопротивления шведским захватчикам (считая и полугодовое сопротивление шведским захватническим планам до начала осады) завершило захват всей западной Карелии шведами и тяжело отразилось на дальнейших судьбах карельского народа. Подробнее мы остановимся на этом в конце настоящей работы.

Героическая оборона Корелы сыграла существенную роль в ходе исторических событий на Руси начала XVII века. Мужественный гарнизон Корелы более чем на полгода (считая и время подготовки к началу осады) отвлек на себя все внимание и основные силы шведских интервентов. Знаменитый русский историк Карамзин по праву сравнивал подвиг защитников Корелы с прославленной обороной Смоленска в 1609—1611 гг. против поляков.¹²⁷ По своему мужеству и героизму защитники Корелы могут быть смело поставлены рядом с защитниками смоленской твердыни. Кроме того, так же как оборона Смоленска задержала начало развертывания польской интервенции и дала русскому народу выигрыш во времени, использованный для подготовки национально-освободительного движения, так и оборона Корелы задержала широкое развертывание шведской интервенции и облегчила подготовку освободительного движения русского народа против главного врага — польских захватчиков. Когда шведы, овладев Корелой и Корельским уездом, летом 1611 г. начали широкие завоевательные операции в новгородской земле, русский народ уже стал подниматься на борьбу за освобождение родины, начал восстанавливать свои вооруженные силы, и шведская интервенция уже не представляла угрозы для независимости всей страны.

IV. ШВЕДСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ В СЕВЕРНОЙ КАРЕЛИИ

С началом шведского вмешательства во внутренние дела России в правящих кругах Швеции вновь выплывают и планы захвата русского Севера. Выдвинутая впервые в 1580 г. королем Иоанном III программа завоевания русского Севера и выхода к берегам северных морей продолжала и четверть века спустя волновать шведские правящие круги. Неудача, постигшая шведов в этом направлении в войнах 1580—1583 гг. и 1589—1592 гг., лишь усилила стремление Швеции добиться поставленной цели. Одновременно с борьбой против России, владевшей берегами Белого моря и Кольским полуостровом, в конце XVI и в начале XVII века шведами велась борьба против Дании, владевшей норвежским побережьем Ледовитого океана. Борьба с Данией также не дала успешных результатов. Не прекращая борьбы против Дании, шведское правительство свое главное внимание обращает с 1608 г. в сторону России, рассчитывая воспользоваться трудным положением Русского государства для осуществления своего старого плана завоевания русского Севера.

На севере, как мы уже знаем, шведские притязания распространялись прежде всего на Кольский полуостров с его незамерзающим океанским побережьем, а затем на северную Карелию: программа-максимум короля Иоанна III уже в 1580 г. выдвигала требование захвата всего беломорского побережья и ставила своей целью полностью отрезать Россию от северных морей. Эти же захватнические притязания постепенно вырисовывались и в период шведской интервенции начала XVII в.

Еще в конце 1608 г., во время русско-шведских переговоров о военной помощи, шведы выдвигали требование передачи им Кольского полуострова.¹²⁸ С этого момента шведское правительство в уплату за свою военную помощь, кроме Корелы и Корельского уезда, стремится получить от русских и Кольский полуостров. Каждый раз, когда в течение 1609—1611 гг. возобновлялись переговоры между шведами и правительством Шуйского, выдвигалось и требование передачи Колы.¹²⁹ Но правительство Шуйского заняло в отношении Колы твердую позицию и сумело уклониться от этой уступки.

Одновременно с дипломатическими приемами шведы готовятся применить и более действенные меры. Уже в начале 1609 г. (13 февраля) Карл IX посылает распоряжение¹³⁰ улеаборгскому губернатору Исаку Бему вступить в сношения с русскими северными областями (с северной Карелией), призвать жителей этих областей сохранить верность царю Василию, а также предложить им помощь против изменников (то есть против возможного нападения сторонников Лжедмитрия). Бему предписывалось также написать письмо настоятелю Соловецкого монастыря, являвшемуся фактически главой политической власти в беломорской Карелии, и сообщить ему о принятом шведами обязательстве поддерживать правительство Шуйского (прилож. 11). Но при этом король требует от Бема не ограничиваться дипломатическими посланиями, а предпринять и более решительные меры: набрать в губернии несколько тысяч вооруженных людей, предпочтительно лыжников, и с ними совершить набег на русскую территорию, где Бем должен был наложить контрибуцию на мятежников (то есть на противников Шуйского, признавших власть самозванца) и попытаться занять Сумский острог, важный политический центр и главную крепость северной Карелии, под тем предлогом, что это, якобы, совершится в интересах царя (прилож. 11). Свои действия Бем, согласно этому распоряжению, должен согласовывать с действиями Бальтзара Бека, губернатора Вестерботнии (территория к северо-западу от Ботнического залива). В тот же день Карл IX отправил письмо и Бальтзару Беку, поручив ему собрать в подчиненной ему Вестерботнии 200—300 воинов, в том числе и лыжников, и с ними двинуться прямым путем на Колу, как только Бем начнет свой поход в русские земли.¹³¹ Приверженцам царя Василия он не должен причинять ущерба, и Колу он должен будет занять от имени царя.

Как видно из этих писем, на севере, уже в первые месяцы шведского вмешательства в русские дела, сразу выявились захватнические намерения шведов. В то время, когда в Выборге еще только готовилось заключение договора Швеции и России о «союзе» и «дружеской помощи», шведский король уже отдает распоряжения о вооруженном захвате русских владений, владений своего будущего союзника — царя Василия Шуйского.

Южнее, в новгородской земле, как мы знаем, шведы на первых порах действовали более осторожно.

Бем, согласно указаниям короля, написал письма в Соловки и в Сумский острог, предлагая свою вооруженную помощь против поляков и русских мятежников¹³² (прилож. 12). Ответные письма в архивах не сохранились; вероятно, соловецкий игумен и сумский воевода просто не стали отвечать, поскольку никаких польско-литовских отрядов и русских мятежников в Поморье в тот момент не было и никакая помощь русским властям на этой территории не требовалась.

Осенью 1609 г. Карл IX вновь, и с еще большей решительностью, обратился к своим агрессивным планам на крайнем севере. Губернатору Вестерботнии Беку и улеаборгскому губернатору Бему король приказал набрать войско, прежде всего лыжников, и зимой, соединившись к северу от Ботнического залива, на реке Кёми, выступить совместно в поход для занятия Колы.¹³³ Местному населению шведские военачальники, согласно королевской инструкции, должны были объяснить, что царь Василий Шуйский будто бы уступил Швеции это «древнее шведское владение»* и что шведская граница должна теперь включить в себя и Кольский полуостров. В случае успеха похода предписывалось оставить в Коле достаточный гарнизон и немедленно установить новую шведскую границу. Одновременно должен был быть послан шведский отряд к Варангер-фьорду, чтобы захватить часть побережья Ледовитого океана у датчан, владевших территорией Норвегии до границы с Россией на южном берегу Варангер-фьорда. Если оба похода будут успешны, король предписывал обоим войскам соединиться у второго крупного русского поселения на Кольском полуострове — у Печенгского монастыря, занять владения монастыря и объявить, что Печенга также (вместе с Корелой и Колой) уступлена русским правительством шведской короне.¹³⁴ Понимая, что силы, направляемые им для захвата огромных пространств русского Севера, весьма невелики, король рекомендовал своим командирам стараться не наносить ущерба местным жителям, ибо насилия над населением могут вызвать вооружен-

* В действительности, ни Кола, ни вообще Кольский полуостров никогда не принадлежали шведам.

ный отпор и партизанскую войну, и тогда захватническая операция шведов будет сорвана.

Большие завоевательные планы Карла IX на крайнем севере в 1609—1610 гг. не смогли осуществиться. Губернатор Вестерботнии Бальтзар Бек отправил гонца с письмом к кольскому воеводе, поручив ему заодно узнать расположение города и характер городских укреплений, и получил вскоре от воеводы ответное послание. Одновременно Бек начал делать некоторые приготовления к экспедиции, но на этом и ограничился. Вскоре прошел слух, что Бек вступил в тайный сговор с русскими и потому не выполнил распоряжения короля.¹³⁵ Губернатор Эстерботнии Бем (из Улеаборга) оказался еще более нерадивым, и король приказал его посадить в тюрьму за невыполнение приказа.¹³⁶

Шведская завоевательная экспедиция на русский Север не смогла осуществиться в 1609—1610 гг., разумеется, не потому, что губернаторы северных шведских провинций не хотели выполнять распоряжений своего короля; провал шведских завоевательных планов в 1609—1610 гг. объясняется более глубокими причинами. Прежде всего, весной 1609 г. имелись большие трудности организационного порядка: в течение двух месяцев, оставшихся на подготовку похода (чтобы успеть совершить поход до весенней распутицы), в северных провинциях с их обнищавшим, разоренным поборами крестьянским населением нельзя было собрать достаточного количества провианта, одежды и транспортных средств для длительного тысячевсерстного похода по пустынной морозной тундре.¹³⁷ Особенно интересна для нас вторая причина, благодаря которой поход не мог быть осуществлен, — нежелание финских крестьян Эстерботнии (Улеаборгской губернии) участвовать в этой экспедиции. Среди финских крестьян Эстерботнии должно было быть набрано, согласно распоряжению короля, 500 человек для участия в походе. Но, как указывает сам король (в своем приказе ускорить подготовку этой экспедиции в феврале 1610 г.),¹³⁸ большое количество финских крестьян из Эстерботнии пришло в королевскую резиденцию с просьбами освободить их от участия в тяжелом походе на русский Север. Часть финских крестьян, подлежащих военной службе, спасаясь от набора, в это же время бежала в леса.¹³⁹ В результате, улеаборгский губернатор Бем не смог у себя

в провинции набрать отряд, необходимый для осуществления похода, а губернатор Вестерботнии Бек не рискнул, видимо, взять проведение похода только на свои плечи.

Приведенные выше сведения о нежелании финских крестьян участвовать в шведском походе в северную Россию имеют для нас большую ценность. Финские буржуазные историки (начиная с Коскинена), проводя свой тезис о якобы исконной враждебности финского народа к России, в числе наиболее важных доказательств этого тезиса для XVI—XVII веков указывали на участие финских крестьян Эстерботнии в нескольких шведских походах в северные русские владения.¹⁴⁰ Приводимые нами здесь и в дальнейшем изложении факты опровергают традиционное построение финских буржуазных авторов и показывают, что в начале XVII века финские крестьяне северной Финляндии в основной своей массе отнюдь не хотели воевать против своих русских соседей.

В течение 1610 г. на северных рубежах продолжалось затишье; все внимание шведского правительства было приковано к событиям в центре России. Происшедшие в 1610 г. большие изменения во внутренней обстановке страны (свержение Шуйского, временная победа открытой польской интервенции и занятие поляками Москвы) привели к открытой интервенции шведов. На Карельском перешейке шведские войска, как мы уже знаем, перешли границу и осадили город Корелу. Зимой 1610—1611 гг. шведские интервенты активизируют свою политику и на северных рубежах.

Но прежде, чем говорить о развертывании шведской агрессии на Севере в 1611—1613 гг., необходимо остановиться на общей обстановке в России в этот период.

В начале лета 1611 г. Делагарди начал осуществление широких захватнических планов шведского правительства. С многочисленным войском он двинулся вглубь русской территории и подступил к Новгороду. В результате неожиданного нападения в июле 1611 г. Новгород был захвачен шведами. Бояре, правившие городом, под давлением шведского командования заключили с Делагарди договор, согласно которому на русский престол приглашался шведский королевич Филипп. На основе этого договора шведские войска оккупировали всю новгородскую землю. Многие города были взяты только

после упорного сопротивления; наиболее энергично оборонялся Орешек, но и он был взят в начале 1612 г. К середине 1612 г. на всем северо-западе страны только Псков и его пригород Гдов не подчинялись шведам.

Развертывание шведской интервенции в северо-западных русских землях совпало по времени с началом национального движения русского народа, поднимавшегося на борьбу за освобождение родины. В первые месяцы 1611 г. на юге страны начало собираться первое ополчение, ставившее своей целью изгнание из России польских интервентов. В апреле 1611 г. первое ополчение подошло к Москве и начало осаду Москвы. Вскоре руководители ополчения сделали первую попытку восстановления государственной власти на Руси. В лагере первого ополчения под Москвой было образовано временное правительство («Совет всей земли»), объявившее себя высшей властью в стране. Временное правительство во главе с Ляпуновым начало переговоры со шведами, рассчитывая, по примеру Шуйского, использовать шведскую помощь в борьбе против поляков.

Первая попытка восстановления русской государственности и освобождения страны от интервентов не увенчалась успехом. В стане первого ополчения под Москвой в середине лета 1611 г. разгорелась жестокая социальная борьба между феодалами и народными низами, входившими в состав ополчения. В результате этой внутренней борьбы к концу лета (1611 г.) первое ополчение распалось.

Осенью 1611 г. поднимается новая, более мощная волна национально-освободительного движения. По призыву Кузьмы Минина в Нижнем Новгороде начало формироваться второе ополчение. Самые широкие массы народа стали подниматься на борьбу за освобождение родины. Летом 1612 г. второе ополчение под руководством Минина и Пожарского подошло к Москве и после двухмесячной осады принудило польский гарнизон Москвы к капитуляции. Столица Русского государства была освобождена от интервентов.

В конце 1612 г. и начале 1613 г. в Москве быстро восстанавливаются органы государственной власти. Города и уезды страны единодушно признают новую власть. В начале 1613 г. созывается Земский собор для избрания царя.

В кругах второго ополчения еще во время движения на Москву обсуждался вопрос о приглашении на русский трон шведского королевича Филиппа. По этому вопросу летом 1612 г. были начаты дипломатические сношения с шведским правительством. Но вскоре руководители ополчения отказались от этой мысли, и Земский собор в феврале 1613 г. избрал на русский престол представителя старого московского боярства — Михаила Федоровича Романова. С избранием царя процесс восстановления Русского государства был в основном завершен.

Но борьба с интервентами продолжалась. Еще в течение пяти лет польские правящие круги продолжали военные действия, стремясь снова захватить Москву. Шведское правительство, прекратившее активные действия в 1612 г., когда возник вопрос о приглашении шведского королевича на русский трон, в 1613 г. возобновило наступательные операции в новгородской области.

Такова была общая политическая обстановка в России в тот период, когда развертываются основные события шведской экспансии на русском Севере.

Шведское наступление на Север развернулось зимой 1610—1611 гг., вскоре после начала шведского наступления на главном оперативном направлении — на Карельском перешейке. На севере шведское наступление шло по двум линиям: из Вестерботнии на Колу — для захвата русского побережья Ледовитого океана, и из Улеаборга на Суму и Соловки — для захвата северной Карелии.

Осуществление похода на Колу Карл IX возложил на этот раз целиком на губернатора Вестерботнии Балъзара Бека. Бек должен был выступить в поход с отрядом, набранным в своей губернии, а также с отрядом наемных иноземных солдат, присланным ему из центральной Швеции; Улеаборгская губерния (Эстерботнии) должна была прислать Беску сильный вспомогательный отряд крестьян-лыжников. Но и на этот раз шведским властям, как и год тому назад, не удалось набрать запланированное количество вооруженных людей, причем особенно трудно проходил набор в Эстерботнии: среди финских крестьян Эстерботнии шведским властям с трудом удалось набрать около ста человек:¹⁴¹ финские крестьяне попрежнему не хотели участвовать в тяжелом походе в северную Россию.

В феврале 1611 г. Балъзар Бек выступил в поход и, преодолев огромные трудности в пути, добрался до берегов Кольского залива и подступил к городу. Шведы рассчитывали захватить город без борьбы, путем переговоров; поэтому, чтобы не возмущать против себя население и не вызвать вооруженного отпора, шведским воинам было запрещено производить грабежи на русской территории.¹⁴² Но город оказал энергичное сопротивление захватчикам. Как рассказывает в своем письме сумский воевода, шведские «воинские люди приходили войною с нарядом* под Колской острог и приступали накрепко, и хотели за щитом** Колской острог взяти, и бог им того не подал» (прилож. 21).

Балъзар Бек в своем официальном донесении сообщил шведскому правительству, что во время штурма Колы ему удалось ворваться в крепостные ворота, и, если бы он имел с собой гранаты, то мог бы в этот момент подавить сопротивление гарнизона и взять крепость.¹⁴³ Но, разумеется, ссылка на отсутствие гранат — лишь попытка найти объективную причину своего поражения. В действительности же штурм Колы кончился поражением, благодаря исключительному мужеству защитников города. Даже в самый опасный момент, когда шведы ворвались внутрь городских укреплений, русские люди — стрельцы и вооружившиеся горожане — не дрогнули, собрались с силами и вытеснили врагов обратно за городские ворота.

Не добившись никакого результата, напрасно совершив труднейший тысячеверстный поход, шведский отряд должен был повернуть обратно.

На обратном пути шведские воины выместили свою злобу из-за неудачного похода на карельском населении северных пограничных местностей. Как рассказывает сумский воевода в цитированном уже нами выше письме, шведские воинские люди, возвращаясь обратно из-под Колы, «нашего государства порубежные волости повосвали, и деревни пожгли, и людей секли, а иных в полон взяли» (прилож. 21).

Одновременно шведские власти предприняли и второй поход — через северную Карелию к Белому морю.

* С пушками

** Штурмом

К операции на этом направлении подготовились более тщательно, были введены в дело значительно большие силы.

О шведском походе 1611 г. в северную Карелию до сих пор было известно очень мало. Имевшиеся в нашей исторической литературе сведения ограничивались лишь письмом сумского воеводы в Улеаборг от 7 сентября 1611 г., в котором о шведском походе говорится очень коротко (в одной фразе). Между тем, привлечение опубликованных шведских материалов, а также давно опубликованного, но неверно датированного издателем еще одного русского источника, позволяет довольно полно осветить это самое крупное предприятие шведской интервенции на Севере.

Поход в северную Карелию готовился под не посредственным наблюдением самого короля. Карл IX лично наметил план и цели операции, выделил необходимые воинские силы, составил подробную инструкцию для предводителей похода и все время следил за развитием событий. Поход в северную Карелию должен был осуществить давнюю мечту короля — овладение богатейшим побережьем Белого моря. Зная уже по опыту прошлого года, что настроение финских крестьян Эстерботнии не позволяет рассчитывать на набор значительной военной силы на месте организации похода, под Улеаборгом, Карл IX возложил главные надежды в предстоящем походе на шведские регулярные части, посланные им в Улеаборг из центральной Швеции; военные формирования Улеаборгской губернии должны были играть в намечаской операции лишь вспомогательную роль.

В конце января 1611 г. король отправил из центральной Швеции отряд из 200 наемных иноземных солдат-пехотинцев (ирландцев) под начальством Роберта Симы и отряд из 120 шведских рейтаров (конных солдат) под начальством Кнута Хоканссона. Во главе обоих отрядов был поставлен полковник Андерс Стюарт, осуществлявший общее командование. В Хельсингланде (северная провинция собственно шведской территории) Стюарт должен был взять с собой третий отряд — 300 шведских кнехтов (солдат-пехотинцев) под начальством Ханса фон Окерн и с тремя отрядами двинуться через замерзший Ботнический залив к Улеаборгу.¹⁴⁴

До наших дней сохранилась инструкция Карла IX командирам похода в северную Карелию (прилож. 14). Эта инструкция, предназначенная для внутреннего употребления, а поэтому довольно откровенно излагавшая планы Карла IX, является ярким документом, разоблачающим захватнический, грабительский характер шведской политики в России. Командиру военной экспедиции Андерсу Стюарту король приказывал идти через Улеаборг к русской границе и далее внутрь русских владений. Задачей похода, по указанию короля, был захват Сумы и Соловецкого монастыря или одной из этих крепостей, или же какое-либо другое расширение шведских владений. Для захвата Сумы и Соловецкого монастыря король предлагал применить закладку петард под крепостные стены. Если крепости удастся захватить, Роберт Сим и Ханс фон Окерн со своими пехотными отрядами должны будут остаться в крепостях для удержания их в руках шведской короны. И вновь, как и в предшествующих инструкциях, Карл IX, боясь сопротивления русского и карельского населения, запрещает своим солдатам прибегать к крайним мерам насилия. Захват огромных пространств северной Карелии столь небольшими силами был возможен лишь в результате быстрого и внезапного набега, а крайние меры насилия неизбежно должны будут вызвать вооруженный отпор со стороны населения и приведут к партизанской войне, которая сорвет план захватчиков. Но, не разрешая жечь русские селения и убивать местных крестьян, король в то же время позволял своим солдатам брать у населения все, что попадется под руку, как бы благословляя этим своих воинов на грабеж мирных жителей.

Пока отряды Стюарта двигались вдоль берега Швеции и через Ботнический залив к Улеаборгу, Карл IX приказал улеаборгскому губернатору Эрику Харе доставить в Сумский острог письмо от имени короля к игумену Соловецкого монастыря и получить на него ответ. Одновременно Эрику Харе поручалось набрать в подвластной ему губернии тысячу местных крестьян, вооружить их и подготовить для похода в русские владения к тому моменту, когда отряды Андерса Стюарта достигнут Улеаборга (прилож. 13).

24 февраля 1611 г. Эрик Харе отправил соловецкому игумену пришедшее курьером королевское послание.

Само послание не сохранилось, до нас дошло (в соловецком архиве) лишь сопроводительное письмо Эрика Харе (прилож. 15), требующего, чтобы на королевское послание был немедленно дан письменный ответ. Улеаборгский губернатор требовал немедленного ответа, ибо на обмен письмами и он сам, и его король смотрели лишь как на проформу, как на известное соблюдение дипломатического этикета. Вопрос о походе в северную Карелию был уже решен, и Эрик Харе торопился поскорее закончить эти дипломатические формальности, чтобы можно было успеть совершить поход до весенней распутицы.

О содержании королевского послания мы можем только догадываться по сохранившемуся в соловецком архиве тексту ответного письма игумена королю.¹⁴⁵ По-видимому, король спрашивал игумена, как представителя русской власти в северной Карелии, кого он признает царем и подчиняется ли он приглашенному московскими боярами на русский трон польскому королевичу Владиславу. Возможно, что в королевском послании содержалось в более или менее открытой форме предложение избрать на русский трон шведского королевича.¹⁴⁶ В своем ответе игумен Антоний сообщил, что поляки, заключившие с московскими боярами договор о приглашении Владислава, нарушили свою клятву (из чего подразумевалось, что Владислав не может считаться русским царем) и что по призыву московского патриарха Гермогена русские люди начали собираться для борьбы против польских захватчиков. В конце письма игумен подчеркивал единодушное стремление всех русских людей не выбирать на царский трон иноземцев и указывал, что так же настроено население «и у нас в Соловецком монастыре, и в Сумском остроге, и во всей Поморской области».

Когда письмо игумена было доставлено в Улеаборг и, таким образом, формальности были соблюдены, под Улеаборг уже прибыли (в начале марта) отряды Стюарта.¹⁴⁷ Шведские власти теперь могли приступить к активным действиям. Но силы, собранные к началу операции, оказались значительно меньше, чем предполагалось по плану короля. Несмотря на все усилия Эрика Харе, ему не удалось набрать среди местного финского крестьянства намеченную королем тысячу вооруженных людей,

ибо финские крестьяне и на этот раз всеми силами стремились уклониться от похода в Россию. Вместо тысячи человек Эрику Харе не удалось набрать и четырехсот. Улеаборгские крестьяне составили два вспомогательных отряда, под руководством шведского офицера Грельса Йонссона (210 чел.) и преданного шведским властям крестьянина Ханса Крапка (156 чел.).¹⁴⁸ Общая численность войска, отправившегося в поход, составила несколько менее тысячи человек.¹⁴⁹ Недостаточная численность войска уже с самого начала должна была повлиять на успешность операции.

Провиант, собранный с большим трудом в бедных крестьянских селениях Эстерботнии, был взят с собой лишь на время пути до русской границы;¹⁵⁰ на русской территории предполагалось снабжаться за счет местного населения, так как король в инструкции о проведении похода разрешил своим солдатам брать у русских поданных все, что попадется под руку.

В двадцатых числах марта Андерс Стюарт со своими отрядами выступил из-под Улеаборга к русской границе. Кавалеристы Кнута Хоканссона выступили немного раньше для разведки пути. В последних числах марта шведское войско перешло русскую границу и вступило на территорию северной Карелии.¹⁵¹

О движении шведского войска по северной Карелии в апреле 1611 г. мы знаем из письма сумского воеводы к шведским властям (прилож. 21). В письме говорится, что шведские воинские люди на «Русь восвать ходили, а повоевали по имяном наши одиннадцать мест, волость Реболу, Ровкулу, Чолку, Котвасозеро, Тюжную, Ловуш-остров, Лендеру, Вонгоры, Кимас-озеро, Юшко-озеро, Сопасалму и в тех деревнях многих русских людей побили, а иных в полон взяли, а иные от того вашего розгрому разбежались розно».

Хотя автор письма, незадолго до этого занявший пост сумского воеводы, плохо представлял себе географическое расположение перечисляемых им селений и потому дал названия селений, пройденных шведским войском, в неверной последовательности, мы можем, сопоставляя названия селений в тексте письма с географической картой, без труда проследить маршрут движения шведского войска по территории северной Карелии.

Обычный в то время путь из северной Финляндии в северную Карелию к Белому морю вел (как мы уже знаем) вдоль реки Улео, мимо Каянеборга и через озеро Пиэлис-ярви к русскому рубежу и в систему рек, ведущих к устью Кемь. По этому пути и пошло войско Стюарта. По льду или вдоль берега замерзших рек и озер шведы добрались до озера Пиэлис-ярви, откуда повернули на восток через русский рубеж к Лендерскому озеру. На берегу Лендерского озера шведы напали на первое, оказавшееся на их пути, селение русской Карелии — Лендеры. От Лендер шведы двинулись параллельно границе на север к реке Кемь. Пройдя к озеру Суло, шведы напали на селение Ловуш-остров (Лоут-остров), перешли к озеру Льякса, напали на селения Тюжня (Туженя), Чолка и на большое карельское село Реболы. Свернув почему-то с прямого пути на запад, шведское войско (а может быть, только один из шведских отрядов) напало на лежащее к западу от Ребол селение Котвас-озеро (Колвас-озеро), но затем вернулось в Реболы и вновь двинулось на север. Через Ровкульское озеро, селение Ровкулу и по сухопутной дороге (до сих пор весь путь проходил по течению рек и озер) шведы добрались до селений Вонгоры и Кимасозеро; отсюда по озеру Нюк и реке Чирка-Кемь шведы прошли до села Юшкозеро и затем подошли к селению Сопасалма, стоящему на реке Кемь. К этому времени наиболее трудная часть похода была уже пройдена, оставался прямой путь — километров полтора — по реке Кемь к Белому морю. Но дальше Сопасалмы шведское войско пройти не смогло. У Сопасалмы шведы должны были остановиться и повернуть обратно.

Поход оказался в действительности несравненно более трудным, чем предполагали его организаторы — Карл IX и его командиры. В своем письме к королю, написанном по возвращении из похода, в Улеборге (прилож. 16), один из руководителей шведского войска Кнут Хокансон, стремясь оправдать себя и своих товарищей в невыполнении королевского приказа, объясняет неудачу всего предприятия крайне тяжелыми климатическими и природными условиями. По его словам, глубокие снега, достигавшие роста лошади, и пустыньность территории, по которой должны были двигаться шведские отряды, привели к тому, что успешно совершить поход, согласно

королевской инструкции, оказалось физически невозможным. Но из письма предводителя войска Андерса Стюарта к соловецкому игумену Антонию, написанного тоже по окончании похода, мы узнаем более важные обстоятельства, которые явились основной причиной неудачи всего предприятия (прилож. 19). Как рассказывает Андерс Стюарт, когда карельские крестьяне, оказавшиеся в зоне движения шведского войска, «доведались, што мы едем, так они все от своих дворов побежали и я великою нужею для хлеба до деревни Чюпы приехал». Говоря, что он, якобы, направлялся на соединение с войском Делагарди, то есть к Ладожскому озеру, Стюарт далее писал: «как яз увидел, что нам не можно туды проехать для голоду, коли все ваши мужики прочь побежали и нам за денги не можно ничего добыть, так яз назад с моем войском воротился в нашу землю». Таким образом, сам предводитель шведского войска указывает, что главной причиной неудачи похода было сопротивление карельских крестьян. Неожиданный приход шведского войска застиг карельское население врасплох, объединиться для организации вооруженного отпора карельские крестьяне не успели. Тогда патриотически настроенное карельское население без предварительного сговора, в стихийном порыве, оказало пассивное сопротивление захватчикам. Все население сел и деревень ушло в леса и попрятало или увезло с собой все имевшееся у них продовольствие.

Движение шведского войска на восток от селения Сопасалма к Белому морю оказалось невозможным: в опустевшей местности нельзя было найти никакого продовольствия, и шведским солдатам стала угрожать голодная смерть. Таким образом, патриотические действия карельского крестьянства привели к провалу столь тщательно подготавливавшегося шведского похода, к провалу главной операции по захвату северной Карелии.

Предводитель похода Андерс Стюарт еще не хотел признавать себя побежденным. Убедившись в провале зимней экспедиции, Андерс Стюарт выдвигает новый план: задержаться в северной Карелии до вскрытия рек, дожидаться подкреплений у Улеборга и вновь начать движение к Белому морю, но уже не по сухому пути, а по

воде (прилож. 18). О своем плане Стюарт сообщил Карлу IX и улеаборгскому губернатору Эрику Харе с просьбой о присылке подкреплений. Эрик Харе, согласно этому плану, должен был по первому водному пути прибыть с подкреплением к Стюарту и привести с собой из Улеаборга лодки для движения всего войска по реке Кеми к Белому морю. Карл IX одобрил инициативу своего командира и, зная уже, что Эрику Харе вряд ли удастся набрать в Эстерботнии новый значительный отряд ввиду нежелания местных финских крестьян участвовать в походах на Россию, приказал губернатору Вестерботнии Бальтзару Беку, недавно вернувшемуся из похода на Колу, немедленно выступить со своими военными силами через Улеаборг в северную Карелию на помощь Стюарту (прилож. 18).

Новый план операции сложился у Стюарта в конце апреля. В упоминавшемся нами выше письме Кнута Хоканссона королю, датированном 30 апреля (прилож. 16), уже говорится об этом плане, причем автор письма стызуется об идее своего военачальника весьма неслестно, называя готовящийся поход «сумасшедшим предприятием» и считая, что вероятность успеха «не очень велика». К сожалению, дальнейший ход событий нам остается недостаточно ясным; состояние наших источников таково, что мы не можем с полной точностью сказать, когда и какими силами была осуществлена эта операция.

У нас имеется лишь глухое известие о том, что в это лето шведы на небольших лодках вышли в Белое море, собираясь напасть на политический центр северной Карелии — Соловецкий монастырь, но не рискнули исполнить свое намерение и, бесплодно простояв некоторое время у Кусовых островов (в 30 верстах к западу от Соловков), повернули обратно. Известие это содержалось в какой-то «старинной летописи», хранившейся в архиве Соловецкого монастыря и использованной соловецким историком XIX века Досифеем.¹⁵² После Досифея никто из историков этой летописи не видел, и характера и времени составления этого памятника мы не знаем; но сомневаться в достоверности известия нет оснований — оно прямо перекликается с данными шведских источников, говорящими о подготовке того же похода, который зафиксирован в этом известии.

Хотя о летнем шведском походе мы не имеем, таким образом, прямых и точных данных, все же кое-что можно установить по данным косвенного характера, содержащимся в наших источниках. Прежде всего, для установления даты похода нам может помочь письмо шведских командиров в Соловки и Суму (прилож. 17), в котором шведы интересуются, есть ли в Кеми острог. Село Кемь стояло в устье реки Кеми, по которой шведы, по плану Андерса Стюарта, должны были пройти на лодках в Белое море. Поскольку шведские командиры спрашивают, имеется ли в устье реки Кеми русское укрепление, которое может мешать шведским лодкам пройти в Белое море, очевидно, что во время написания письма — в мае или в начале июня (прилож. 17, прим. 1) — водный поход еще не был осуществлен и что шведы тогда еще только готовились этот поход совершить.

Далее из источников мы узнаем, что Андерсу Стюарту не удалось выполнить первую составную часть своего плана — задержаться в северной Карелии, в Лопских погостах, и дожидаться там после половодья прибытия из Улеаборга подкреплений и лодок. Оставаться в Лопских погостах в течение нескольких недель, вследствие угрозы голода, шведы не могли; от Сопсалмы Стюарт должен был повернуть назад и уйти за рубеж. На шведской территории Стюарт не стал задерживаться в пограничных селениях и направился обратно к Улеаборгу. Видимо, раньше всего вернулся в Улеаборг конный отряд Кнута Хоканссона (его письмо, как мы видели, датировано в Улеаборге 30 апреля). Затем, в мае, возвратились к Улеаборгу пешие отряды вместе с Стюартом. О готовящемся возвращении Стюарта узнал в середине мая губернатор Вестерботнии Бек и поторопился сообщить об этом своему королю (прилож. 18). Когда писалось упоминавшееся нами письмо в Соловки и Суму, в мае — начале июня, шведское войско уже находилось вблизи Улеаборга.¹⁵³

Письмо в Соловки и Суму (прилож. 17) явилось актом дипломатической подготовки к новому шведскому походу. В этом письме шведские командиры в северной Финляндии требуют от имени короля передачи Швеции Сумского острога, якобы обещанного царем Василием Шуйским в награду за шведскую военную помощь, и восстановления границы «по старому рубежу, по Дубу и по

Золотцу». Какие реки или вообще географические понятия подразумевались под этими двумя названиями, не совсем ясно. Рек с названием «Золотица» на севере несколько; скорее всего, здесь подразумевались или река Золотица, впадающая в Белое море западнее Онеги, или порог Золотец на реке Выг. Еще труднее определить, что подразумевалось под термином «Дуб». Но, учитывая уже известные нам шведские захватнические планы, можно полагать, что в данном случае шведами подразумевалась вся территория беломорской Карелии до Сумского острога. Упомянутый в шведском документе «старый рубеж» придуман самими авторами письма как повод, позволяющий требовать добровольной передачи беломорской Карелии.

В конце письма содержится угроза: в случае, если требуемая территория не будет передана Швеции, королевские войска ее возьмут сами вооруженным путем. Королевские воинские люди (в количестве 700 чел.), указывалось далее в письме, стоят в 30 верстах от Улеаборга вблизи границы, готовые выступить по первому приказу. Здесь явно подразумеваются отряды Андерса Стюарта (сама же цифра «700 человек» скорее всего преувеличена). Потерпев полную неудачу во время зимнего похода в северную Карелию, Андерс Стюарт сделал попытку с помощью подобного письма достичь того, чего ему не удалось достичь военным путем. Правда, на это письмо он все же, видимо, не очень рассчитывал; вскоре после отсылки письма, как мы увидим, Стюарт отправил своих людей во второй поход к Белому морю.

Письмо являлось, по своей наглости, исключительным даже для этого времени актом прямого вымогательства шведских властей. Стремясь воспользоваться резким ослаблением Русского государства, шведские власти в северной Финляндии, не имевшие в своих руках достаточно крупных военных сил, попытались путем угроз запугать русские власти на Севере и захватить голыми руками северную Карелию.

Русские власти в северной Карелии (нужно им отдать справедливость) в наиболее трудный период борьбы с интервентами проявили большую выдержку и мужество. Соловецкий игумен и сумский воевода, имея лишь небольшое число стрельцов и ратных людей, твердо вели политику сохранения северной Карелии в составе Рус-

ского государства, политику решительной борьбы против всех захватнических поползновений шведов. Эта политика, как мы увидим дальше, увенчалась полным успехом.

В это же время, когда Стюарт уже готовил новый поход в северную Карелию, до королевской резиденции дошли первые слухи о неудаче зимней экспедиции Стюарта и о возвращении войска Стюарта к Улеаборгу (прилож. 18). Король вначале не захотел верить этим слухам, не желая еще признавать, что столь долго и настойчиво подготовлявшаяся им экспедиция кончилась полным провалом. Зная уже о новом военном плане Стюарта, Карл IX еще надеялся, что операция может быть продолжена и успешно завершена. В конце мая и в начале июня Карл IX дважды посылал строгие распоряжения губернатору Вестерботнии Бальтзару Беку со всем имеющимся у него войском немедленно отправиться вокруг Ботнического залива на соединение с отрядом Андерса Стюарта для дальнейшего движения на Суму (прилож. 18). Но Бальтзар Бек, несмотря на два королевских приказа, так и не выступил в поход на помощь Стюарту. Узнав о возвращении войска Стюарта под Улеаборг, Бек, вероятно, решил, что вся операция теперь окончательно провалилась и он спокойно может ничего больше не предпринимать (тем более, что он вскоре получил приказ от короля направить свои силы против датских владений в северной Норвегии).

О крестьянских отрядах, участвовавших в войске Стюарта, для лета 1611 г. у нас нет сведений; очевидно, крестьян, набравшихся обычно лишь на несколько месяцев, в перерыве между сезонами сельскохозяйственных работ, шведские командиры по возвращении к Улеаборгу в мае месяце должны были уже распустить по домам, ибо в деревне в то время уже началась весенняя страда.

Таким образом, поход по водному пути мог быть совершен только одним из отрядов, приведенных из самой Швеции, очевидно, одним из двух отрядов пехоты (конный отряд для движения на лодках не годился). Время похода может быть примерно установлено. В конце мая — начале июня (вероятнее всего в данном случае — первая дата) шведские командиры, как мы видели, еще интересовались, могут ли их лодки беспрепятственно пройти устье Кеми, то есть еще готовились

к походу. А 10—15 июля оба пехотных отряда, по данным улеаборгского архива, получили продовольствие для переезда через Ботнический залив, то есть уже возвращались обратно в Швецию; несколько раньше, 6 июля, получил продовольствие и направился в Швецию третий отряд (Кнута Хоканссона).¹⁵¹ Следовательно, для совершения похода остается июнь месяц.

Стюарт не смог собрать большого числа лодок и провианта, так как срок для организации похода был небольшой, и потому в поход были брошены значительно меньшие силы, чем зимой. Известие «старинной летописи», использованной соловецким историком Досифеем, создает впечатление, что шведский отряд, пришедший на лодках в Белое море, не был особенно велик. Вероятно, узнав, что Соловецкая крепость и Сумский острог хорошо укреплены и имеют надежный гарнизон, шведские командиры решили не рисковать и повернули обратно. Второй шведский поход в северную Карелию кончился таким же провалом, как и первый.

Зимний шведский поход имел тяжелые последствия. Было разорено и опустошено много крупных карельских селений в Лопских погостах. Сотни людей, спасаясь от гибели или плена, бежали в леса.

Вскоре после ухода шведов карельские крестьяне из разгромленных селений стали собираться в отряды, чтобы отомстить шведам за их грабежи и насилия. В течение лета последовало одно или несколько нападений карельских отрядов на шведские владения. Об этом мы можем судить по письму Андерса Стюарта к соловецкому игумену Антонию (прилож. 19): «ваши люди и мужики пришли в нашу землю и наших крестьян забили и много деревень зажгли и животные много отяли». Таким образом, карельские крестьянские отряды в свою очередь нанесли сильный ущерб противнику, сожгли ряд селений на шведской территории.¹⁵⁵

По данным Улеаборгского архива, во время набегов карел был разорен ряд селений во внутренних частях Эстерботнии, в приходах Оулуярви, Йй, Кёми и Сало. Особенно пострадал приход Оулуярви, где было сожжено 88 дворов.¹⁵⁶ Инициатива в данном случае принадлежала целиком самим карельским крестьянам; русские власти в северной Карелии, сумский воевода и соловецкий игумен, не участвовали в организации набегов на шведскую

территорию и узнали об этих действиях лишь впоследствии. Понимая, что в условиях общего ослабления русской государственности и начала открытой шведской интервенции можно ожидать больших завоевательных действий шведов на севере, русские власти в северной Карелии не только не поощряли нападения на шведские рубежи, а, напротив, всячески пренятствовали подобным нападениям, чтобы сохранить по возможности мир на границах и не создавать никаких поводов для шведской агрессии.

В начале июля остатки войска Андерса Стюарта еще продолжали стоять у Улеаборга, ожидая дальнейших распоряжений короля. Из-под Улеаборга Андерс Стюарт написал 7 июля соловецкому игумену уже указанное выше письмо (прилож. 19), где объяснил свой поход в русские владения тем, что он шел «на помощь» русским «против наших недругов поляков и литваков». С поразительной наглостью Стюарт жаловался игумену на «нехорошие» действия карельских крестьян, своим уходом в леса лишивших шведское войско продовольствия и вынудивших шведов вернуться обратно за рубеж, а также на нападения карельских крестьян на шведские владения. Письмо кончалось категорическим требованием удержать в дальнейшем карельских крестьян от подобных нападений и угрозой вновь двинуться в русские владения, если нападения с русской стороны будут продолжаться.

События весны и лета 1611 г. показали, что в северной Карелии создалась исключительно напряженная обстановка: нависла непосредственная угроза шведского завоевания, тем более, что русские военные силы на этой территории были малочисленны (имелись лишь небольшие гарнизоны в Сумском остроге и в Соловках). Русское государство в этот момент могло лишиться всей территории Карелии к западу от Белого моря, что неизбежно должно было повлечь за собой и утрату Кольского полуострова.

Учитывая эту опасность, временное правительство, созданное под Москвой руководителями первого ополчения, предприняло дипломатические шаги для защиты русского севера: новгородским воеводам было поручено вступить в переговоры со шведским главнокомандующим Делагарди, попросив его обратиться к королю с прось-

бой прекратить на будущее время нападения на русские северные владения (прилож. 20).

Одновременно, не очень надеясь на успех переговоров с Делагарди, временное правительство решило послать в северную Карелию значительный отряд ратных людей (из состава первого ополчения), чтобы сохранить эту территорию в русских руках. Начальник отряда Максим Лихарев должен был занять одновременно и пост воеводы в Сумском остроге. Придя со своим отрядом 15 августа в Сумский острог, Лихарев отправил письмо в Улеаборг шведским властям, где извещал, что в июне месяце в Новгороде состоялось соглашение между русскими боярами и Делагарди об избрании шведского королевича на русский трон, и предлагал прекратить теперь военные действия на границе. «И вам бы, господа, — пишет Лихарев, — ратных своих и порубежных людей велети унимати, чтоб они с нашими людьми не восвались и задору б и смуты промеж государствы нико- торыя не чинили, потому что у нас с вашим королем доброе дело сталося» (прилож. 20).

В ответном послании шведские власти в Улеаборге стали жаловаться на нападения вооруженных людей с русской территории на шведские владения. Лихарев вынужден был в начале сентября написать новое письмо, где напоминает шведам, что именно они первые нарушили мир, напав в конце прошлой зимы на Колу и Лопские погосты. Далее Лихарев сообщает, что его «Московского государства бояря и воеводы.. послали против вашего задору, со многими воинскими ратными людьми, против вас сгояти и Поморских волостей оберегати». Посылка ратных людей была нужна не только для непосредственного отражения новых нападений шведских войск, но и вообще для того, чтобы шведские власти знали: северная Карелия отныне не беззащитна, она имеет свою довольно значительную военную силу.

Сообщив шведским властям эту не особенно приятную для них новость, Лихарев предлагал установить мир в пограничных землях, вернуть на Русь захваченных шведами пленников и взаимно заботиться о том, чтобы мир в будущем не нарушался¹⁷⁷ (прилож. 21).

Второе письмо также не имело практических результатов. Шведы, правда, не отваживались больше нападать на погосты северной Карелии, зная, что в Сумском

остроге стоят значительные русские силы. Но, не отказываясь еще от своих захватнических планов, шведские военачальники в последние месяцы 1611 г. обратили свое внимание на более южную часть Карелии — на Заонежье.

Сумский воевода Максим Лихарев, являясь теперь высшим представителем русской политической власти в Карелии, распространил, повидимому, свои полномочия и на Заонежские погосты.¹⁷⁸ Заонежские погосты обычно подчинялись новгородским воеводам (как составная часть Новгородского уезда). Но после захвата Новгорода шведами новгородские воеводы стали лишь исполнителями воли шведского командования и распоряжались только на занятой шведами территории. На оккупацию Заонежских погостов у шведов в 1611 г. нехватило сил, поэтому на Заонежские погосты власть новгородских воевод больше не распространялась. И естественно, что карельское и русское население Заонежских погостов, как только в Сумском остроге появился представитель центральной русской власти, независимый от шведских и польских интервентов, решило ему подчиниться. В глазах местного карельского и русского крестьянства присланные из Москвы воевода и его стрельцы были естественными защитниками от нависшей над погостами шведской угрозы.

По всей вероятности, к этому времени, к последним месяцам 1611 г., относится ошибочно помещенное изданием Актов Археографической Экспедиции под 1615 годом датированное письмо Ганса Мунка — командира шведского отряда, стоявшего к северу от Ладожского озера, к «Максиму Васильевичу и ратным людям и жителям Заонежских и Оштинских погостов» (прилож. 22). В этом письме Ганс Мунк уговаривает воеводу Максима Васильевича Лихарева, его ратных людей и население Заонежских и Оштинских погостов присягнуть шведскому королевичу, приглашенному новгородскими боярами на русский трон. Как указывает Ганс Мунк, подобное письмо он уже посылал, но не дождался ответа от воеводы и вынужден писать снова. В весьма пространном выражении Ганс Мунк старался убедить Лихарева и население Заонежских погостов в том, что им гораздо выгоднее добровольно подчиниться шведам, чем ожидать нападения шведских военных сил. Стремясь за-

пугать воеводу и жителей погостов, Мунк угрожает, что если они откажутся подчиниться королевичу, он сам с войском отправится в Заонежские погосты: «сами ныне... пойдем воевати и жечи домов ваших и детей ваших побивати и в полон имати; да на вас же придут с стороны немецкие люди». Увлечшись угрозами, Мунк даже выбалтывает секретные планы шведского правительства, говоря, что если он с войском двинется в поход, то не остановится в Заонежских погостах, а пойдет дальше на Каргополь, Белоозеро и поморские города к Белому морю.

И необходимость дважды посылать письма с предложением подчиниться, и содержание дошедшего до нас второго письма Мунка с его пространными угрозами и столь же пространными угрозами говорят о слабости шведских сил на границе Заонежских погостов. Если бы Мунк имел под своим началом значительное войско, он не стал бы дважды писать письма, не стал бы уговаривать. Письма Мунка являлись новым актом шантажа и вымогательства шведского командования, не обладавшего достаточными силами для вооруженного захвата карельских земель и стремившегося добиться подчинения восточной Карелии без вооруженной борьбы.

Поскольку Лихарев, как надо полагать, или не стал вовсе отвечать (как поступил с первым письмом Мунка) или же письменно отказался подчиниться требованиям шведов, то Мунк в начале зимы, видимо, попытался осуществить на деле свои угрозы.

Шведский отряд вторгся в Толвуйскую волость и стал разорять карельские селения. Карельские и русские крестьяне послали гонцов в Сумский острог с просьбой о помощи. Лихарев со своими ратными людьми немедленно выступил против шведов и изгнал их обратно за рубеж.¹⁵⁹ После этого, с конца 1611 г., шведские нападения на русские порубежные территории на севере, насколько нам известно, прекратились.

Шведские власти в северной Финляндии уже должны были знать об изменении отношений между Швецией и русскими землями, в связи с заключением договора в Новгороде о приглашении на русский престол шведского королевича. Но все же политическая ситуация была, видимо, для шведских властей в Улеборге еще не совсем ясна, и с заключением перемирия на северной

русско-шведской границе улеборгские власти не спешили. Лишь летом 1612 г., когда политическая обстановка уже достаточно определилась, когда стало ясно, что северная Карелия должна теперь считаться владением шведского королевича, приглашенного на русский трон, был, наконец, установлен мир и на северных рубежах. В июле 1612 г. между улеборгским губернатором и сумским воеводою было заключено соглашение о перемирии на границе; соглашение возобновлялось в 1613 и 1614 гг.¹⁶⁰

Русские власти в северной Карелии (сумский воевода и соловецкий игумен), ведя дипломатические сношения с улеборгскими шведами, в то же время не подчинялись новгородскому боярскому правительству, являвшемуся марионеткой в руках шведских оккупантов, и признавали лишь те органы политической власти в центральных русских землях, которые вели борьбу за освобождение страны от интервентов — сначала временное правительство, созданное первым ополчением (в 1611 г.), затем — руководство второго ополчения (в 1612 г.) и восстановленное после взятия Москвы всероссийское правительство, возглавленное с февраля 1613 г. вновь избранным царем Михаилом Федоровичем Романовым. Получая с 1611 г. поддержку из центра страны, русские власти в северной Карелии теперь могли говорить со шведами иначе. С другой стороны, шведские власти в Улеборге, понимая, что теперь соотношение сил на севере изменилось не в их пользу, вынуждены были отказаться от мысли о больших территориальных приобретениях.

Последние известные нам столкновения на северных границах произошли в 1614 г. Карельский крестьянский отряд вторгся летом 1614 г. в Улеборгскую губернию и произвел большие опустошения в порубежных селениях. Улеборгский губернатор Эрик Харе выслал навстречу отряд шведских солдат; нападавшие были разбиты и отеснены к границе.¹⁶¹ Сумский воевода через двух посланных принес извинения за случившееся, объяснив, что нападение было совершено без его разрешения и ведома;¹⁶² на границе вновь было восстановлено перемирие.

Глухие указания на какие-то нападения шведов на поморские волости и Сумский острог мы имеем и за последующие годы (даже за первые годы после заклю-

чения Столбовского мира).¹⁶³ Но последние нападения уже не представляли серьезной угрозы: северная Карелия охранялась теперь вооруженными силами восстановленного Русского государства, и рассчитывать на завоевание этой территории улеборгские власти уже не могли.

Таким образом, вооруженная борьба за обладание северной Карелией закончилась в основном уже к 1612 г., когда появление в северной Карелии войск Русского государства заставило шведские власти в Улеборге отказаться от дальнейших попыток захвата соседних карельских земель.

Правящие круги самой Швеции еще долго не хотели отказываться от своих больших завоевательных планов на Севере. Шведское правительство стремилось воспользоваться создавшейся исключительно благоприятной обстановкой, когда Русское государство было чрезвычайно ослаблено и на его территории находились крупные силы шведских войск.

В начале 1613 г., когда шведский королевич Филипп все еще был возможным кандидатом на русский трон и когда его кандидатура еще обсуждалась в Москве наряду с кандидатурой Михаила Романова, Делагарди выдвинул проект захвата Холмогор. В своем письме к молодому королю Густаву-Адольфу Делагарди дал подробное обоснование своего проекта. Захват Холмогор, по мнению Делагарди, должен был обеспечить Швеции господство на всем русском Севере и передать в шведские руки всю северную русскую торговлю; после захвата Холмогор шведам легко будет занять Сумский острог и Соловецкий монастырь (то есть всю северную Карелию). Для этой операции, по мнению Делагарди, достаточно будет отряда в три тысячи воинов.¹⁶⁴

Под влиянием письма Делагарди и старой завоевательной программы короля Иоанна III Густав-Адольф составил свою большую программу территориальных захватов, предполагавшую овладение всем севером России. Эта программа была сформулирована в инструкции послам, которые должны были сопровождать королевича Филиппа к русской границе. Послы должны были договориться об условиях вступления Филиппа на русский трон, а в случае неудачи этих переговоров начать просто переговоры о мире. В обоих случаях послы должны бы-

ли, согласно инструкции, добиваться передачи Швеции всего побережья русских северных морей до Архангельска, всей Карелии и всей Ижорской земли (а также попытаться получить Новгород и Псков).¹⁶⁵ Иными словами, король Густав-Адольф стремился совершенно отрезать Россию от выходов к морям и на западе, и на севере, отнять у России балтийское и северное побережья и поставить русские земли в полную экономическую зависимость от Швеции.

Переговоры в 1613 г. не состоялись, ибо проект избрания на русский трон королевича Филиппа провалился: на царство был избран Михаил Романов.

Летом 1613 г. Делагарди вновь стал настаивать перед королем на осуществлении своего плана захвата Холмогор и русского беломорского побережья¹⁶⁶ и, не получив санкции короля, попытался в конце 1613 г. осуществить этот план на свой страх и риск (о чем мы будем говорить в следующей главе). Но международное и внутреннее положение Швеции становилось все более и более неблагоприятно для проведения новых больших наступательных операций на севере России.

Швеция уже более пятидесяти лет непрерывно вела войны против Польши, Дании, России. Шведские правящие круги, не успев закончить одну войну, затевали другую, стремясь к установлению господства Швеции в северной Европе. В частности, в рассматриваемый нами период одновременно с шведской интервенцией в России велась война и против Дании. Непрерывные войны истощили людские и материальные ресурсы шведского государства. Продолжать военные действия на два фронта — против Дании и России — Швеция уже не могла. В начале 1613 г. шведское правительство заключило мирный договор с Данией, отказавшись от всех своих притязаний на принадлежавшее Дании северное норвежское побережье, признавая тем самым провал своей многолетней борьбы за овладение норвежским побережьем Ледовитого океана. Отказ от притязаний на западную часть полярного побережья неизбежно должен был повлечь за собой отказ от притязаний и на восточную половину побережья. Ни сил, ни средств для завоевания океанских берегов Швеция в это время уже не имела.

Последнюю попытку отстоять свою большую восточную программу Густав-Адольф сделал в начале 1614 г.

на заседаниях государственного сейма в Эребру. Как глава конституционной монархии, шведский король для ведения дальнейшей наступательной войны нуждался в поддержке сейма. Но представители сословий не поддерживали завоевательную программу короля на востоке, не поддерживали его планов захвата русского Севера, поскольку осуществление этих планов должно было потребовать от разоренной длительными войнами Швеции непосильного бремени новых наборов в войско и новых налогов. Под давлением сейма король вынужден был в 1614 г. отказаться от дальнейших попыток вооруженным путем захватить русский Север.¹⁶⁷

Провал шведских планов завоевания русского Севера и, в частности, северной Карелии не может быть, разумеется, объяснен только внутренним истощением сил самой Швеции. Главной причиной провала шведских планов было мужественное сопротивление карельского и русского народа, за спиной которых встало с 1613 г. восстановленное Русское государство. Шведские правящие круги вынуждены были отказаться от своих планов захвата севера России, ибо они знали, что растущее сопротивление русского и карельского народов потребует посылки на север таких крупных воинских сил, каких Швеция выставить уже не могла.

Таким образом, заслуга сохранения всего нашего Севера и, в частности, северной Карелии в составе Русского государства в трудные годы шведской интервенции начала XVII века принадлежит местному карельскому и русскому населению, отстаивавшему от шведских притязаний родные земли.

V. ДЕЙСТВИЯ ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКИХ ОТРЯДОВ, ВЫПОЛНЯВШИХ ЗАДАНИЯ ШВЕДСКОГО КОМАНДОВАНИЯ, В КАРЕЛИИ В 1613—1614 гг.

В 1613 г. на территории Карелии впервые появляются польско-литовские отряды. В это время на основных территориях Московского государства польская интервенция была уже разгромлена, и в стране оставались лишь отдельные разрозненные отряды, бродившие по русским землям с 1608—1609 гг., со времени Тушинского

«вора». Вытесняемые из центральных русских областей, польские отряды уходят на окраины, продолжая заниматься грабежом и насилиями над русским населением. Два подобных отряда проникли в 1613—1614 гг. и на территорию Карелии.

Польские отряды, проникшие на карельскую территорию, в данный период уже не представляли серьезной опасности ни для всей России, ни для русской Карелии. В эти годы уже восстанавливалась военная мощь Русского государства, и уничтожение последних остатков военных сил польских интервентов на русской территории было лишь вопросом времени. Поэтому действия польских отрядов в карельских землях в 1613—1616 гг. не имели и не могли иметь серьезного значения в истории Карелии, не отразились на исторических судьбах карельского народа. Действия польских отрядов в Карелии имели значительные последствия лишь в одном отношении: часть Карельской территории была разорена и опустошена в результате грабительских набегов польско-литовских отрядов, что отразилось на всей хозяйственной жизни Карелии в последующие годы.

В составе польско-литовских отрядов, действовавших на территории Карелии, основным элементом были так называемые «черкасы», то есть запорожские казаки из южных владений польско-литовского государства, входившие в число польских вооруженных сил и участвовавшие во всех трех польских интервенциях на Русь в начале XVII века.

Польско-литовские отряды, действовавшие в 1613—1614 гг. на территории Карелии, уже не играли самостоятельной политической роли: эти отряды были слишком слабы, чтобы в одиночку бороться против восстанавливающегося Русского государства, и потому вынуждены были поступить на службу к шведам. На территорию Карелии польско-литовские отряды пришли в 1613 г. не по своей инициативе, а были посланы шведским командованием (Делагарди);¹⁶⁸ поэтому для Карелии термин «польская интервенция» применен быть не может.

Польско-литовские отряды (отряды «черкас») поступили на службу к шведам в тот момент, когда шведское командование готовилось к походу на Тихвин. Поход на Тихвин был задуман Делагарди в середине 1613 г., когда выяснилось, что надежды на приглашение шведского

королевича Филиппа на московский трон потерпели крах после избрания на царство Михаила Романова. До этого времени, когда еще можно было надеяться на избрание Филиппа русским царем, шведское командование не предпринимало никаких активных военных операций на русской территории. Теперь же Делагарди решил начать большое наступление вглубь русской территории и направил свой удар на Тихвин, город, стоявший на пути из новгородской земли к верхней Волге, в центральную Россию. Тихвин с 1611 г. был в руках шведов, но в мае 1613 г. в городе произошло восстание против оккупантов, приведшее к освобождению города и к воссоединению его с Русским государством. Два крупных польско-литовских отряда, численностью около двух тысяч воинов, под командованием Барышпольца и Сидора (Сидорки), вытесненные из центральных русских земель, пришли в это время под Новгород и нанялись на службу к шведам,¹⁶⁹ собиравшим силы для подготовляемого похода.

Поход шведов на Тихвин кончился полной неудачей. Стрелецкий гарнизон, воинский отряд, прибывший из под Москвы, и жители Тихвина под стенами города нанесли сильное поражение нападающим.

Поражение под Тихвином заставило Делагарди отказаться от дальнейших наступательных операций в направлении к центру России. Тогда, видимо, вновь выдвигается план захвата основных районов русского Севера, прилегающих к Белому морю. Поскольку шведские полки были сильно разбиты под Тихвином (а может быть, Делагарди просто не хотел отправлять своих солдат в опасный и далекий северный поход и предпочитал действовать руками наемников), поход к Белому морю поручается совершить польско-литовским отрядам Барышпольца и Сидорки. Как сообщал впоследствии на допросе русский боярин князь Тимофей Оболенский, взятый «литовскими людьми» в плен под Тихвином и в качестве пленника проделавший этот поход, «велел де литовским людям и черкасом идти на Двину и к Архангельскому городу Яков Пунтусов,* и давал де Яков в Новгороде литовским людям и черкасом сукна и камки и деньги».¹⁷⁰

* Яков Понтуссон Делагарди.

Выполняя задание Делагарди, польско-литовские отряды осенью 1613 г. двинулись из-под Тихвина, через Заонежский район Карелии, к Белому морю.

Заонежские погосты в 1612—1613 гг., когда, в связи с приглашением шведского королевича на русский трон, временно установились мирные отношения со шведами, признали над собой власть новгородского боярского правительства, выполнявшего волю шведских оккупантов. В 1612—1613 гг. с крестьянского населения Заонежских погостов неоднократно взимались хлеб и налоги в пользу оккупационных войск; в западной части погостов (вблизи Ладожского озера) летом 1612 г. стоял шведский отряд Ганса Мунка.¹⁷¹ Но к осени 1613 г. общая политическая обстановка в России, а вместе с тем и обстановка в Заонежье, существенно изменилась. Восстановление центральной государственной власти в России и избрание царя вновь обращают взоры русского и карельского населения Заонежских погостов в сторону Москвы. Для того, чтобы принять Заонежье под власть нового всероссийского правительства и охранять Заонежские погосты от опасности шведского захвата, из Москвы осенью 1613 г. был прислан воевода Богдан Чулков с отрядом ратных людей.¹⁷²

Отряд Чулкова был прислан как раз во время. Поздней осенью 1613 г. отряды «литовских людей» (черкас), посланные шведами к берегам Белого моря, вступили в Заонежские погосты и заняли ряд населенных пунктов на Вытегре, Мегре, Палтеге и в других местах.¹⁷³ 21 ноября сильный отряд черкас подошел к одному из наиболее крупных укреплений в Заонежских погостах — к Андомскому острожку (находившемуся в юго-западном углу Онежского озера). Черкасы попытались взять Андомский острожек приступом. Воевода Богдан Чулков и его ратники «в острожке отсиделись и многих польских и литовских людей на приступе побили».¹⁷⁴ Общее число убитых и раненых среди черкас в результате этого сражения достигало двухсот человек.¹⁷⁵

Потерпев неудачу под Андомским острожком, отряд черкас двинулся на север к Белому морю,¹⁷⁶ к наиболее крупному городу и крепости русского Севера — Холмограм. Город был сильно укреплен и имел значительный гарнизон. Черкасы попытались взять город приступом, но приступ был отбит. Не имея достаточно сил для дли-

тельной осады Холмогор, Барышполец и Сидор сняли осаду и повели свои отряды мимо Архангельска к берегу моря. От устья Двины черкасы прошли по Летнему и Поморскому берегам Белого моря, разграбив десятки рыбацких селений, и, перейдя по льду Онежский залив, подступили ко второй русской крепости в Поморье — к Сумскому острогу. Черкасы сделали попытку взять приступом и Сумский острог, но стрелецкий гарнизон отбил нападение, нанеся врагам большой урон.¹⁷⁷ Стало ясно, что силы обоих отрядов слишком малы для выполнения задачи, поставленной шведским командованием. Барышполец и Сидорко должны были двинуться в обратный путь.

Из-под Сумского острога черкасы вновь двинулись в Заонежские погосты. В северной части Заонежских погостов были к этому времени проведены большие приготовления на случай нападения «литовских людей». Оборонительные мероприятия возглавил царский воевода Богдан Чулков, пришедший со своим отрядом на северное побережье Онежского озера. Под руководством Чулкова в Егорьевском Толвуйском погосте на севере Онежского озера был быстро сооружен рубленый деревянный острог с семью башнями, с бревенчатыми стенами, внутри засыпанными камнем.¹⁷⁸ Другой острог, меньшего размера, был построен в соседнем Никольском Шунгском погосте.¹⁷⁹ По всей территории Заонежских погостов был произведен сбор «охочих ратных людей», то есть добровольцев из местного русского и карельского населения.¹⁸⁰ При своем возвращении черкасы должны были встретить решительный отпор со стороны местных сил.

В начале января 1614 г. черкасы двумя дорогами пришли в Толвуйский и Шунгский погосты. Один из отрядов попытался взять Шунгский острог «жестоким приступом», но русские ратные люди «многих польских и литовских людей на приступе побили, а иных живых помали и два знамени взяли».¹⁸¹ В январе на Падмозере, в шести верстах от Толвуйского острога, произошло сражение в открытом поле, кончившееся поражением черкас.¹⁸² Мелкие стычки продолжались и дальше. «Литовские люди» простояли вблизи Толвуйского и Шунгского острогов две недели и не добились никаких результатов. Стало ясно, что взять русские укрепления черкасам не под силу.

Атаман Сидор отправился к Гансу Мунку, командиру шведского отряда, стоявшего в южной части Лопских погостов (к северо-западу от Онежского озера). Ганс Мунк предложил черкасам идти под Олонец, крупное карельское селение к востоку от Ладожского озера, и там ожидать подхода шведов, чтобы совместными усилиями овладеть этим важным стратегическим пунктом.¹⁸³

Черкасы и передовой отряд шведов соединились вблизи Олонца и попытались неожиданным нападением взять Олонецкий острожек, но были отбиты. Русский отряд, охранявший Олонец, вскоре узнал о приближении новых крупных сил шведов и отошел на юг, к Свири. Вблизи Свири, на реке Сермаксе, в начале марта произошло последнее большое сражение. Объединенные русские отряды из Олонца, Тихвина и окрестных мест, состоявшие из русских ратников и вооружившихся карельских крестьян, встретились с отрядами черкас; в результате кровопролитного боя «государевы люди черкас в конец побили».¹⁸⁴ Отряд атамана Барышпольца был совершенно уничтожен, в отряде Сидора уцелело едва 500 человек; всего же черкасы потеряли в один день более тысячи человек убитыми и ранеными.¹⁸⁵

Остатки черкас сделали попытку уйти в Корельский уезд, на территорию, оккупированную шведами. Но отряды карельских крестьян заняли все дороги, и черкасы не смогли пробиться на запад. Тогда они повернули на северо-восток и прошли в Шуйский погост (лежащий на западном берегу Онежского озера), где опять занялись обычным ремеслом — разоряли, грабили, убивали. Действовать в одиночку черкасы уже не могли, и потому вновь обратились к шведскому командованию за помощью. Из города Корелы на соединение с остатками черкас — с отрядом Сидора — пришел уже известный нам Ганс Мунк с 200 воинами. На весну Ганс Мунк и атаман Сидор планировали начало новых крупных наступательных операций — нападение на Белоозеро, Кириллов монастырь и Каргополь. Но этот план уже не мог быть осуществлен; для таких крупных операций имевшиеся в наличии силы были слишком малы, а главное, после разгрома на Свири отряд черкас был настолько деморализован, что для серьезных самостоятельных действий уже не был пригоден. Весной 1614 г. атаман Сидор отделился от Ганса Мунка и направился к Новгороду.

где передал свой отряд (численностью в 600 чел.) в распоряжение Делагарди.¹⁸⁶

На этом самостоятельные действия польско-литовских отрядов, участвовавших в шведской интервенции, были фактически закончены; в последующие годы польско-литовские отряды играли лишь второстепенную роль в составе шведских оккупационных войск.

Летом 1614 года Ганс Мунк, стоявший с отрядом у северного берега Ладожского озера, сделал попытку своими силами, без помощи поляков, занять Заонежские погосты. Но как раз в это время русские вооруженные силы в Карелии были значительно увеличены: в Сумский острог были присланы из центральных областей 400 стрельцов и 200 казаков. Кроме того, что для нас особенно интересно, по сведениям Видекинда, русские военные силы в Сумском остроге увеличились и за счет сотни вооруженных крестьян, пришедших из северной части Корельского уезда, почти четыре года назад оккупированного шведами.¹⁸⁷ Видимо, среди карельских крестьян вспыхнуло восстание против оккупационных властей; не имея возможности у себя в уезде бороться с превосходящими силами шведов, восставшие крестьяне ушли из родных мест в русскую часть Карелии, чтобы совместно с русскими войсками вести борьбу против шведских захватчиков.

Из дальнейшего рассказа Видекинда¹⁸⁸ трудно понять суть развернувшихся затем событий. Повидимому, русские выступили из Сумы навстречу Мунку и вошли вглубь территории Корельского уезда, но затем почему-то стали отступать. Сражение произошло в августе у деревни Угоньми, на берегу озера Пюхярви и, судя по словам Видекинда, кончилось полной победой шведов. Но поскольку в дальнейшем тексте Видекинда ничего не говорится о том, какие плоды извлек шведский командир из своей победы, поскольку Заонежские погосты остались в русских руках, правильнее будет предположить, что исход сражения был иной. Вероятно, убедившись в наличии в Карелии значительных русских военных сил, Ганс Мунк вынужден был отказаться от попытки захвата Заонежья и со своим отрядом остался на оккупированной шведами территории.

Зимой 1614—1615 гг. сильный отряд из 700 русских казаков вошел в Корельский уезд и стал теснить стоявшие

там войска Ганса Мунка. На помощь Гансу Мунку шведским командованием был отправлен из-под Новгорода польский отряд Сидора. Атаман Сидор оказал поддержку Мунку в борьбе с русскими, и затем со своим сильно поредевшим отрядом (в котором осталось едва полтора человека) отправился обратно к Новгороду.¹⁸⁹ Это были последние известные нам действия польских наемников Делагарди на территории Карелии.

События лета 1614 г. и зимы 1614—1615 гг. серьезного значения уже не имели.

На территории Карелии оставались еще в течение некоторого времени мелкие банды «литовских людей», видимо, отделившиеся от отрядов Барышпольца и Сидора; но эти мелкие банды опасности уже не представляли. Борьба с интервентами в восточной и северной Карелии закончилась в основном к середине 1614 года победой Русского государства, победой русских и карельских людей.

Борьба карельского народа против польско-литовских отрядов нашла свое отражение в исторических преданиях, хранившихся затем в течение столетий в народной памяти. Интервенты в преданиях фигурируют под именем «паны», изредка — «литовцы».

Народная память сохранила, прежде всего, воспоминания о насилиях, грабежах и убийствах, сопровождавших движение отрядов «литовцев» по карельской земле. Так, в предании, записанном в районе Выгозера, говорится: «В старину здесь по деревням ходили паны. Они грабили имущество, у кого что взять могли; упрямых всячески мучили, жгли у них дома, а иных убивали...» Или по другому преданию, записанному вблизи Панозера, «шайка панов пришла в селение Мегру и требовала денег и вещей».¹⁹⁰

В преданиях обычно рассказывается, как карельским крестьянам удалось тем или иным способом погубить отряд «панов».

По преданию, записанному вблизи водопада Кивач, шайка «литовцев» заставила карела-крестьянина перевезти ее на лодке через реку Суну выше водопада. Крестьянин направил лодку в быстрину реки, кинул весла, бросился в воду и благополучно доплыл до берега; литовцы же погибли в пучине водопада. Согласно преданию, записанному вблизи Панозера, карелы-крестьяне

завели «панов», жаждущих добычи, на середину озера, где заранее был подрублен лед; «паны» провалились под лед и потонули.¹⁹¹

Исторические предания, дополняющие сухие сведения письменных источников, сохранили память о том, как карельский народ боролся против иноземных захватчиков, защищая родную землю.

VI. СТОЛБОВСКИЙ МИР

К концу 1615 г. общая политическая обстановка складывается уже явно не в пользу шведов. Быстро шел процесс восстановления Русского государства. На окраинах добивались «воровские» шайки, последние грабительские отряды поляков. Все более успешно шли военные действия на западной границе против польских коронных войск. Русское государство быстро накапливало силы, и шведское правительство имело основания опасаться, что скоро русские войска смогут начать наступательные операции и на северо-западе, с целью освобождения Новгородской области от шведской оккупации.

С другой стороны, явно неблагоприятно обстояли дела и внутри оккупированной шведами территории. За четыре года шведской оккупации Новгородской области оккупационные власти не смогли добиться покорности населения. В широких массах населения росло резкое недовольство против оккупантов, проявлявшееся буквально на каждом шагу.¹⁹² Растущее сопротивление русского народа, неспособность шведского командования справиться с все усиливающимися политическими и экономическими трудностями подготовляли крах шведской оккупации. Было ясно, что в случае наступления русских войск население Новгородской области начнет восстание против шведов.

Оккупация русских территорий требовала больших расходов, постоянной присылки все новых и новых подкреплений оккупационным войскам. Выгод же от этого Швеция имела весьма мало.

Внутренняя обстановка в самой Швеции, как мы уже знаем, истощенной непрерывными войнами, длившимися

уже более полустолетия, заставляла правящие круги думать об окончании войны с Россией.

Шведское правительство начинает склоняться к мысли о необходимости закончить конфликт дипломатическим путем, пока в шведских руках еще находятся значительные части русской территории. Это обстоятельство шведы хотели использовать как средство политического давления на Россию. Становилось ясно, что основную часть Новгородской области (вместе с Новгородом) удержать долго все равно не удастся, ввиду усиливающегося сопротивления народа. Поэтому шведское правительство решило очистить эту территорию и, за счет столь значительной уступки, добиться присоединения к Швеции пограничных русских земель, прилегающих к Финскому заливу.

Русское государство остро нуждалось в мирном решении конфликта со Швецией. Война с Польшей продолжалась и требовала большого напряжения русских военных сил, конца этой войне не было видно. Вести войну в одно и то же время с двумя большими соседними державами Русское государство (еще не оправившееся от десятилетней внутренней борьбы и интервенции) было не в состоянии.

В октябре 1615 г. начались мирные переговоры, продолжавшиеся четырнадцать месяцев.

Первые условия, выдвинутые шведским правительством для заключения мира были (как это обычно делается) составлены «с запросом», то есть содержали территориальные притязания в максимальных размерах. Сюда входили и требование передать Швеции всей территории, уже оккупированной шведскими войсками (всей новгородской земли), и требование, дополнительно, передачи Колы (и всего Кольского полуострова), Сумы и Соловецкого монастыря (и всей северной Карелии).¹⁹³ Максимальная программа шведов предполагала, таким образом, переход под власть Швеции почти всей территории Карелии, за исключением лишь Заонежских погостов.

Русские послы решительно воспротивились удовлетворить эти требования и начали торговаться, отстаивая каждый город, каждую волость, используя все возможные средства дипломатического давления.¹⁹⁴

В ходе переговоров русским послам пришлось с самого начала отказаться от попыток дипломатическим

путем добиться возврата Корелы и Корельского уезда.¹⁹⁵ Положение Русского государства было таково, что заключение мира со Швецией являлось жизненной необходимостью, и поэтому приходилось поступиться частью русской территории, прежде всего — той территорией, которая по ранее заключенному соглашению была уже несколько лет назад официально уступлена Швеции.

Тем не менее, хотя в принципе с самого начала русскими послами было решено вопроса о возврате Корелы не поднимать, с русской стороны был сделан ловкий дипломатический ход: в число уступок, которые русские послы соглашались сделать в пользу Швеции, уже в начале переговоров была включена Корела,¹⁹⁶ то есть русское правительство «великодушно» во второй раз уступало шведам одну и ту же землю. Уступая Корелу, русские послы получали тем самым возможность отдать меньшее количество тех русских земель, на которые шведы еще не имели юридических прав.

Хотя шведские послы должны были уже на первом этапе переговоров отказаться от претензий на незанятые шведскими войсками территории русского Севера (и вести дальнейшие переговоры лишь о передаче территорий, находящихся в тот момент под оккупацией), в ходе дипломатической борьбы была сделана все же еще одна попытка со стороны шведов выторговать часть северной Карелии. В январе 1617 г. шведские послы стали доказывать, что Лопские погосты ранее относились к Корельскому уезду и что поэтому вместе с Корельским уездом они должны быть переданы Швеции.¹⁹⁷

Русские послы решительно воспротивились шведским притязаниям. Поскольку Лопские погосты не были в ходе интервенции захвачены шведскими войсками, шведским послам пришлось в дальнейшем ходе переговоров уступить и отказаться от своих требований.

После многомесячного дипломатического торга в начале 1617 г. было достигнуто соглашение. Шведское правительство возвращало Новгород и основную часть Новгородской области, русское правительство «навечно» уступало Швеции города Ивангород, Ям, Копорье и Орешек и подтверждало сделанную ранее уступку Корелы и Корельского уезда¹⁹⁸ (прилож. 10). Таким образом, в руки Швеции переходил небольшой по размерам, но имевший огромное политическое и экономическое значе-

ние участок территории Русского государства, прилегающий к Финскому заливу. Уступая шведам Ивангород, Ям, Копорье, Орешек и Корелу, Русское государство лишилось своего важнейшего выхода к морю, связывающего в течение многих столетий нашу страну с основными странами Западной Европы. «Русские совершенно отрезаны от Балтийского моря», — с удовлетворением оценивал значение Столбовского мира шведский король Густав-Адольф.¹⁹⁹ Историческая несправедливость — лишение России выхода к Балтийскому морю — была исправлена лишь сто лет спустя, при Петре I.

23 февраля 1617 г. в деревне Столбово на указанных выше условиях был, наконец, заключен мирный договор Швеции с Россией. Но заключением договора многолетний русско-шведский конфликт не был еще окончательно разрешен; дипломатическая борьба некоторое время еще продолжалась.

Согласно условиям договора, в один и тот же день — 1 июня 1617 г. — на северном и южном берегах Ладожского озера должны были встретиться шведские и русские представители, для того чтобы на месте определить и обозначить пограничными столбами линию новой границы. Но, поскольку обмен ратификационными грамотами сильно затянулся, переговоры об определении границы начались лишь в октябре 1617 г. На южном берегу Ладожского озера вопрос об установлении новой границы был разрешен довольно быстро, в течение нескольких месяцев.²⁰⁰ На северном же берегу, где должна была быть определена граница между отошедшей к Швеции территорией Корельского уезда и территорией Заонежских погостов (оставшихся в составе России), переговоры затянулись на четыре года и закончились лишь в августе 1621 г.

Казалось бы, что вопрос о новой пограничной линии к северу от Ладожского озера мог быть очень легко разрешен. Поскольку при заключении Столбовского договора было решено, в соответствии с условиями Выборгского договора 1609 г., признать переход Корельского уезда в состав шведских владений, разграничительной комиссии оставалось лишь определить, по какой линии проходила раньше административная граница Корельского уезда, и отметить эту линию пограничными знаками. Спор мог возникнуть лишь по поводу отдельных

деревень, отдельных небольших участков пограничной территории, то есть по вопросам непринципиального характера, не имеющим значения для общегосударственных интересов России и Швеции. Такой спор действительно возник по поводу принадлежности пограничных волостей Ребола и Пуроерви (Пурвоерви, по-русски — Поросозеро).²⁰¹ Спор принял весьма острые формы, продолжался целых четыре года и едва не привел к разрыву уже заключенного было мирного договора и к возобновлению войны. Во всяком случае, в 1621 г. оба правительства стали вновь концентрировать на границах войска и готовиться к возобновлению военных действий, если конфликт не сможет быть разрешен мирным путем.²⁰²

Для нас сейчас не так важно, были ли в данном случае правы шведы, доказывавшие, что волости Ребола и Поросозеро искони входили в состав Корельского уезда (и, следовательно, вместе со всей территорией Корельского уезда должны отойти к Швеции), или же более правы были русские послы, доказывавшие, что эти волости в состав Корельского уезда никогда не входили (и, следовательно, должны остаться в составе русских владений). Сами по себе эти волости не имели сколько-нибудь серьезного экономического и политического значения, и в обычных условиях вопрос мог быть быстро и без большого труда разрешен. Поскольку переговоры об установлении границы затянулись на чегыре года, очевидно, что спор из-за пограничных волостей являлся не причиной, а лишь поводом; видимо, одной из сторон нужно было по каким-то более серьезным соображениям затянуть окончание работ разграничительной комиссии и тем самым затянуть окончательное вступление в силу Столбовского мира.

Судя по имевшимся в нашем распоряжении данным, затягивала окончание работ по установлению новой границы русская сторона.²⁰³ Русское правительство было, разумеется, недовольно теми, весьма значительными уступками, которые оно вынуждено было сделать шведам в Столбове и которые должны были тяжело отразиться на дальнейшем развитии страны. Внутреннее положение Русского государства с каждым годом укреплялось: в 1618 г., в связи с заключением перемирия на 14 лет с главным противником — Польшей, значительно улучши-

лось международное положение страны. Повидимому, в правящих кругах Московского государства возникла мысль использовать пограничный спор, как повод для разрыва уже заключенного тяжелого и невыгодного договора и вновь начать военные действия, чтобы попытаться вернуть часть утраченных территорий. Затягивая переговоры о границе, русская сторона хотела, видимо, выждать наиболее благоприятный момент для перехода к открытым военным действиям, если в правящих кругах победит мнение о необходимости возобновления войны.

В 1621 г., когда угроза возобновления войны стала уже вполне реальной, Делагарди по приказу короля уже направил 2000 финских пехотинцев и значительные силы конницы в полной боевой готовности к русским рубежам.²⁰⁴ Но до войны дело не дошло. Международная обстановка и, прежде всего, вновь обострившаяся борьба с Польшей из-за Ливонии, не позволяла в тот момент Швеции возобновлять войну с Россией. Поэтому шведское правительство пошло, наконец, на уступки в спорном вопросе о волостях Ребола и Поросозеро. Московское правительство, ввиду неподготовленности России к новой большой войне и уступок Швеции, также решило пойти на соглашение.

Летом 1621 года была, наконец, утверждена линия новой границы в Карелии к северу от Ладожского озера. Под давлением русской стороны спорные волости отошли к России. На этих условиях 3 августа 1621 года вопрос о границе был окончательно разрешен.²⁰⁵ Многолетний русско-шведский конфликт закончился.

Столбовский мир явился крупной исторической вехой в истории Карелии и карельского народа: Корельский уезд, в течение столетий являвшийся основным районом Карелии, прочно перешел в руки Швеции.

Финские буржуазные историки уделяли и уделяют Столбовскому миру в своих сочинениях весьма значительное место. Как мы уже отмечали в предисловии, по мнению современных финских историков наиболее важной задачей шведского (или, как они называют, «шведо-финляндского») государства в его борьбе с Россией и, в частности, во время вооруженного вмешательства во внутренние дела России в начале XVII века, было завоевание и присоединение к «Шведо-Финляндии» всех карельских земель, включение в состав шведской Фин-

ляндии всего карельского народа.²⁰⁶ Столбовский мир, по мнению финских историков, дал лишь половинчатое и потому неудовлетворительное решение этой исторической задачи:²⁰⁷ часть карельского населения, жившая в Обонежье и в северной Карелии, осталась за пределами «Шведо-Финляндии», в составе России.

Сквозь лицемерное огорчение «половинчатостью» условий Столбовского договора у современных финских авторов совершенно ясно проступают проецированные в прошлое современные захватнические притязания финляндского империализма на земли советской Карелии. На территории, присоединенной по Столбовскому миру к шведской Финляндии, жила значительно большая часть карельского народа, чем на карельских землях, оставшихся в составе России. Таким образом, вопрос о включении в состав шведской Финляндии карельского народа Столбовским договором в основном уже решался. И финские буржуазные историки отрицательно оценивают результаты Столбовского договора отнюдь не потому, что за пределами «Шведо-Финляндии» осталась часть карел. Их в данном случае волнует вопрос не о народе, а о территории.

Столбовский договор установил крайние пределы распространения шведских владений на восток, в том числе крайние пределы шведской Финляндии. Граница, установленная Столбовским миром, существовала затем, с небольшими сравнительно изменениями, в течение трех с лишним столетий, сначала—как граница Швеции и России, затем—как административная граница финляндской провинции Российской империи, с 1917 года—как граница Финляндской буржуазной республики и СССР. Финские буржуазные историки, попросту говоря, недовольны тем, что за границей Финляндии, установленной Столбовским миром на несколько столетий, остались северная и олоонецкая (обонежская) Карелия—те земли, которые с 1917 г. являются главным объектом захватнических стремлений финских экспансионистских кругов. Отрицательная оценка Столбовского мира есть не что иное, как сожаление о том, что шведские короли не выполнили в свое время тех захватнических задач, которые финский фашизм столь безуспешно пытался разрешить в наши дни.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

События начала XVII века имели огромное значение в истории Карелии и карельского народа. Несколько лет подряд на территории Карелии шли военные действия, захватившие большинство погостов и волостей. Карельские земли в своем большинстве были разорены, опустошены, сотни селений были выжжены, крестьяне спасались от вражеских отрядов в лесах. Нормальный ход хозяйственной жизни был нарушен. Пришли в упадок земледелие, лесные и рыболовные промыслы, торговля. На весь русский Север надвигался голод.

Но несмотря на то, что опустошение карельских земель отрядами интервентов тяжело отразилось на экономическом развитии Карелии и потребовалось много лет для восстановления разрушенного хозяйства, не этими фактами определяется главное значение событий начала XVII века для всей карельской истории.

Основным событием в ходе борьбы с шведской интервенцией в Карелии в начале XVII века была, как мы уже знаем, борьба за город Корелу и Корельский уезд. До сих пор на протяжении многих столетий карельской истории северо-западное Приладожье, и прежде всего район города Корелы, было политическим, экономическим и культурным центром Карелии. Здесь жила наиболее передовая и активная часть карельского народа. Отсюда, из своего племенного центра, карелы распространились на запад, север, восток, колонизуя остальные районы, вошедшие затем в состав Карелии—Прионежье и земли к западу от Белого моря. В западной Карелии, вблизи от шведского рубежа, всегда были особенно прочны дружественные связи русского и карельского народов, совместно отстаивавших родные земли от постоянных нападений шведов.

Падением города Корелы в 1611 г. после двухлетнего сопротивления шведским захватчикам (считая и полугодовое сопротивление шведским захватническим планам до начала осады) завершился захват всей западной Карелии шведами. Это событие явилось переломным моментом в истории карельского народа. Перед широкими массами населения Корельского уезда—перед основной частью карельского народа—встал вопрос: что делать дальше? Остаться на своей старой территории—

значило согласиться жить под властью исконных врагов, шведов, значило отказаться от вековых дружеских уз, связывающих карел с Россией. Простые карельские люди горячо любили родную землю, землю своих отцов и дедов, леса и поля Карельского перешейка, стремнины Вуоксы, пологие берега Ладоги. Но освященное историей чувство дружбы и преданности к России оказалось сильнее, чем привязанность к старым насиженным местам. Карельский народ уже давно и навсегда связал свою судьбу с русским народом. Когда территория Корельского уезда перешла в руки шведов, в массах карельского населения стихийно созрело решение не оставаться под властью вековых врагов и уйти в русские земли. Вскоре после заключения Столбовского мира началось знаменитое переселение карел с захваченного шведами Карельского перешейка внутрь России, к верховьям Волги и в северные районы русской Карелии, в земли, с которыми у населения Корельского уезда издавна существовали тесные экономические связи. Переселение карел продолжалось в течение нескольких десятилетий, до середины XVII века. В результате, ко второй половине XVII столетия с Карельского перешейка ушло все карельское население, навсегда покинувшее свое старое «племенное гнездо». Дальнейшая история карельского народа уже не связана со старой племенной территорией, с территорией, на которой в течение предшествовавших пяти столетий находился основной центр Карелии.

Уход карел после Столбовского мира в Россию опровергает «учное» построение финских буржуазных историков, утверждавших, что национальной задачей того времени было включение карел в состав шведской Финляндии. В действительности национальные интересы карел находились в коренном противоречии с захватнической политикой шведов и требовали сохранения карельского народа в составе Русского государства. Когда борьба карел и русских против шведской интервенции в Корельском уезде кончилась поражением и Корельский уезд был захвачен шведами, карельский народ не пожелал остаться в шведской Финляндии и стихийно, без предварительного сговора и без чьей-либо агитации, слушая лишь голос своего сердца, двинулся в родную для него Россию.

В событиях начала XVII века многовековая дружба карельского и русского народов нашла свое исключи-

тельно яркое проявление. Карелы и русские в течение нескольких лет совместно отстояли от шведских захватчиков родные земли; и на лесных полянах Карельского перешейка, и на валах города Корелы, и в лесных дебрях северной Карелии сражались плечом к плечу карельские крестьяне и русские ратники.

Кровь русских и карельских воинов была пролита не напрасно. Хотя шведы и захватили после длительной борьбы город Корелу, мужественная оборона Корелы надолго задержала шведских интервентов под стенами города и в известной мере повлияла на конечную неудачу интервенции. Земли северной Карелии и Заонежских погостов карелам и русским удалось отстоять от захвата и порабощения. Дружба карельского и русского народов еще более окрепла и упрочилась в совместной борьбе.

Внимательное рассмотрение событий периода шведской интервенции в Карелии опровергает проводимый финскими буржуазными историками взгляд на карел, как на объект исторического процесса, как на игрушку в руках борющихся держав. Приведенные нами многочисленные факты показывают, что в ходе событий начала XVII века карельский народ выступал, как активная сила, борющаяся за свою землю, за свое будущее.

Не короли и цари, а воля самого карельского народа связала навсегда его судьбу с русским народом и государством.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ДОКУМЕНТЫ О ШВЕДСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ В КАРЕЛИИ

Большинство документальных источников периода шведской интервенции в Карелии было опубликовано около ста — ста двадцати лет тому назад; издания, в которых опубликованы эти источники, стали большой редкостью, и читателям нашей книги могут быть недоступны. Совсем неизвестны были русским историкам опубликованные шведские документы, напечатанные в мало доступном финляндском издании в 60-х гг. прошлого века. Между тем, в русских и шведских документах содержатся важные сведения о подготовке и проведении шведской интервенции в Карелии; документы разоблачают захватнический характер шведской политики в России, дают ценные сведения о сопротивлении русского и карельского народов шведским захватчикам. Поэтому наиболее важные документы мы здесь приводим.

Русские документы мы просто перепечатываем с русских изданий первой половины XIX века, внося лишь некоторые исправления (заголовки, датировка документов). Шведские документы даются в русском переводе с вышеупомянутого издания J. Vaaranen, *Samling af urkunder rörande Finlands historia*, Bd III, Helsingfors, 1866.

Документы № 2, 5, 6, 7, 8, 9 и 11, 13, 14, 18 даются в переводе с шведского языка XVII века, выполненном для нас Е. Г. Штальзон. Документ № 16 дается в нашем переводе с французского языка.

1. ДОКУМЕНТЫ О БОРЬБЕ ЗА ГОРОД КОРЕЛУ (КЕКСГОЛЬМ) И КОРЕЛЬСКИЙ УЕЗД

№ 1. Договорная запись стольника и воеводы Семена Головина и дьяка Сыдавного Зиновьева с шведскими послами об уступке Швеции города Корелы с уездом.

Выборг, в конце февраля 1609 г.¹
Великого государя царя и великого князя Василья Ивановича, всеа Руси самодержца²... его царского величества стольник и воевода Семен Васильевич Головин, да дьяк Сыдавной Васильев сын Зиновьев, по приказу царского величества боярина и воеводы и ближнего приятеля князя Михаила Васильевича Шуйского, договорились велеможного и высокорожденного князя и государя Карла Девятого, Свейского, Готцкого, Венденского, Каянского, Лифлянского и иных короля с думными и с полномочными воеводами, с Юрьем Боем, да с Тенисом Юрьевым, да с Арвеем Тюнесовым, да с Отогелмером Фармернером, да с дьяком Ириком Илвесом³ на том:

Итти королевским воеводам, Аксель Курку, да маршалку Кристер Суму⁴, Ондрию Бою⁵, Эверт Горну, да с ними ратным насмным людем, конным збруйным и пешим добрым оружником по прежнему договору пяти тысячи человеком, да сверх насмных пяти тысяч человек сколько вслеможный король пошлет, ко государю нашему царю и великому князю Василью Ивановичу всеа Руси на помощь к Москве. И как придем за рубеж, государя нашего в землю, и королевским воеводам, Аксель Курку с товарищи, с теми со всеми ратными людьми пигде не мешкать, итти в Новгород наспех, или где мы велим итти, государя нашего царского величества по

¹ Этот документ являлся особой, секретной частью договора, заключенного правительством Шуйского со шведами в Выборге. Основной текст договора (Акты Исторические, II, стр. 180—189), который должен был стать известен населению страны, не содержит никаких обязательств с русской стороны, кроме обязанности уплачивать жалованье шведскому наемному войску. Но одновременно (как мы показали выше, на стр. 50—51) было заключено соглашение о передаче Швеции города Корелы с уездом «в благодарность» за присылку вспомогательного войска; это соглашение боярское правительство Шуйского хотело держать в тайне от народных масс, боясь народного возмущения. Поэтому соглашение о передаче Корелы не было включено в основной текст договора и составило особый документ (который должен был до момента передачи Корелы оставаться неизвестным народу).

² Далее идет пространный царский титул, который мы опускаем для экономии места.

³ Йоран Бойе, Тёние Йоранссон, Арвед Тённесон, Отто фон Мёрнер и секретарь Эрик Эльфссон.

⁴ Кристерн Сумме.

⁵ Андерс Бойе.

указу. И после того, как они с рубежа с нами пойдут, спустя три недели, доставить нам до королевских воевод царского величества боярина и воеводы князя Михаила Васильевича Шуйского крепость, за государевою за новгородскою печатью и за князя Михаила Васильевича рукою, на город на Корелу с уездом; а после тех трех недель спустя два месяца боярину и воеводе князю Михаилу Васильевичу доставить до них государя нашего царского величества крепости на город на Корелу с уездом, за его государевою печатью, и поступитися государю нашему царскому величеству государю их Карлу королю против его любви и дружбы города Корелы с уездом по старине, как был город Корела с уездом, наперед сего, блаженные памяти за прежними государями и за великим государем нашим царем и великим князем Васильем Ивановичем, всеа Руси самодержцем. А королевским воеводам с теми ратными с наемными людьми, с пятью тысячами человек, с конными и с пешими, и с теми людьми, что сверх найму будут, ко государю нашему царскому величеству на помощь итти, и государю нашему царю и великому князю Василью Ивановичу, всеа Руси самодержцу, служить и к вором не пристать, и городов, которые за государем и которые ныне в измене, не засесть, и государю нашему царскому величеству не изменить, и над бояры и над государевыми людьми измены никакие не учинити, и быти у государевых бояр и воевод в послушанье¹. А потом государю нашему царскому величеству с тех мест, как они пошед с рубежа, учнут ему государю служить, спустя одиннадцать недель, город Корела очистить и отдать свейскому королю.

¹ Зная давние захватнические намерения шведских правящих кругов, русские послы настояли на том, чтобы в договоре было точно определено, как шведские войска должны будут себя вести на русской территории. Не веря в добрые намерения шведских войск, русские послы потребовали от шведских представителей дать в договоре обязательство «не изменить» Шуйскому, «не пристать» к силам, враждебным правительству Шуйского и т. д. Особенно характерен пункт о запрещении захватывать принадлежащие царю города, «которые ныне в измене». Здесь подразумеваются Орешек, Ивангород и Ям, перешедшие в конце 1608 г. на сторону Лжедмитрия; на эти пограничные города давно распространялись захватнические планы шведских властей, и русские послы опасались, как бы шведы не попытались теперь, под предлогом борьбы с врагами Шуйского, захватить Орешек, Ивангород и Ям для себя.

И быти городу Кореле с уездом по старине, как было наперед сего, за свейским королем и за его наследники, и свейской коруны за правители, в вековечной вотчине, по старым межам и гранем, как было наперед сего. А из Корелы и из Корельского уезда из церковей божие милосердые, образы и всякое церковное строенье, и из города наряд¹, пищали, зелье² и ядра, которой привезен в Корелу после того, как у свитцкие коруны Корела взята³, и русских людей и корелян со всеми их животы, которые похотят итти на Русь, государю нашему царскому величеству вывести; а которые похотят жити в Кореле и в Корельском уезде, и тех не возити. А наряд, пищали и зелье и ядра, что взято у свейского короля⁴, государю нашему царскому величеству оставить в Кореле, по описи Дмитрия Вельяминова с товарищи, сполна. И держати государю нашему царю и великому князю Василью Ивановичу, всеа Руси самодержцу, и его наследником и правителем тот договор о Кореле в вси, непременно, и на том устоять, что город Корела с уездом коруне свейской в вековечную вотчину совокупить и соединить. И отдать государю нашему царскому величеству город Корела свейскому королю после того, как немецкие воеводы с ратными людьми пойдут с рубежа, спустя одиннадцать недель, а болши того государю нашему царскому величеству города Корелы за собою не держати. На том царского величества я, stolник и воевода Семсн Васильевич Головин, да я, дяк Сыдавной Васильев, по приказу боярина и воеводы князя Михаила Васильевича Шуйского, в государя своего царя и великого князя Василья Ивановича, всеа Руси самодержца, место, крест целуем, и се писание всеможного короля думным воеводам Юрию Бою с товарищи даем за своими руками и за печатями. Писан в Выборе, лета 7117 февраля в... день.

(Акты Исторические, т. II, № 160, стр. 190—191).

¹ Пушки.

² Порох.

³ Здесь подразумеваются те пушки и боеприпасы, которые были привезены в город Корелу после ее возвращения от шведов в состав Русского государства по условиям Тавзинского договора, то есть после 1597 г.

⁴ То есть те пушки и боеприпасы, которые были привезены в Корелу в период шведской оккупации 1580—1597 гг. и в 1597 г. были оставлены шведами в Кореле.

№ 2. Из инструкции короля Карла IX выборгскому губернатору Арведу Тённесону о проведении сношений с корельским воеводой и о необходимости попытаться занять Корелу.

Стокгольм, 30 июня 1609 г.

...Во-вторых: пусть Арвед Тённесон напишет наместнику в Кексгольме¹, поскольку тот в своем последнем письме жаловался, что крестьяне в том лене² стали непокорными и не хотят оказать ему никакого повиновения. Поэтому, для того чтобы он смог держать их лучше в принуждении и чтобы они ему повиновались, то [Арвед Тённесон] хочет помочь ему некоторым количеством войск, которые останутся у него в крепости и помогут ему защищать ее и наказывать тех непокорных негодяев, которые против него соединились. И пусть у него не будет нужды думать, что великого князя и Россию хотят лишить этой крепости, но что хотят вернее удержать ее для царя и великого князя Василия Ивановича Шуйского так, чтобы она вследствие подобной измены непокорных негодяев не попала бы в руки врагов.

В-третьих: если дело обстоит так, что наместник просит к себе войско, то пусть они возьмут как из тех, кто живет в Финляндии, так и из тех кнхтов, которые находятся в Выборге, и пусть Клаас Эриксон отправится с ними туда и сделает так, чтобы у него с собой было так много войска, чтобы он стал господином в крепости, и чтобы другие делали то, что он захочет. Пусть он удерживает Е[го] К[оролевского] В[еличества] и Шведской Короны крепость верной рукой и ни в коем случае не выпустит ее из рук, но защищает не на жизнь, а на смерть, согласно своей присяге Е[го] К[оролевскому] В[еличеству].

В-четвертых: но если дело обстоит так, как пишет в ответ воевода, что он не хочет иметь у себя никакого войска, то пусть они удержат войско в Выборге, пока они не получают решения от Якоба Понтуссона и Михаила Шуйского, что Кексгольм должен быть передан, и после этого они должны будут уйти отсюда и принять крепость от русских. И Класс Эриксон с тем войском, которое собрано, пусть останется в ней, и ему она будет вверена. (Waaganen, Bd II, № 536, ss. 18—19).

¹ То есть корельскому воеводе.

² То есть в уезде.

№ 3. Договорная запись шведского королевского секретаря Карла Олофсона с князем Михаилом Скопиным-Шуйским о передаче Корелы и о возвращении шведского войска в Калязин для дальнейшего похода на Москву.¹

Калязин, 27 августа 1609 г.

Пресветлейшего, велеможнейшего и высокорожденного князя и государя, государя Карла Девятого, Свейского, Готцкого, Вендинского, Финского, Корельского, Лопского, в северной стране Каянского и Чухонского в Лифлянтах короля подданный слуга и дьяк, яз, Карл Олюсон² объявляю сим, что договорился великого государя царя и великого князя Василья Ивановича, всеа Руси самодержца, ближней приятель, боярин и воевода князь Михайло Васильевич Шуйской, вместо царского величества, по моему прошению, которое яз чинил от моего всеможнейшего короля и государя, что город Корела по прежнему договору, который учинен в Выборе меж обеих государей воевод, Юрья Боя, Тениса Юрьева, Арвеса Тенисова, Отогелмера Фармернера и дьяка Ирика Илвейса, и Семена Васильевича Головина, да дьяка Сыдавного Васильева, и

¹ После бунта в войсках Деллагарди, отказавшихся продолжать движение вглубь России, когда шведскому командованию вновь удалось привести солдат к повиновению, были проведены переговоры между шведским командованием и М. В. Скопиным-Шуйским о возвращении войск Деллагарди в русский лагерь в Калязин для дальнейшего совместного движения на Москву. 21 августа был заключен договор, по которому русская сторона обязалась передать шведам удерживавшийся до сих пор, вопреки Выборгскому договору, город Корелу с уездом, а шведская сторона — возвратить свои войска в Калязин для движения на Москву. Кроме основного текста договора (Акты Исторические, II, стр. 302—303), это двухстороннее обязательство было 27 августа закреплено еще в двух договорных записях: в договорной записи Скопина-Шуйского с королевским секретарем Олофсоном, в которой Шуйский подтверждает принятое на себя обязательство (Акты Исторические, II, стр. 304—305), и в публикуемой здесь договорной записи Карла Олофсона со Скопиным-Шуйским, в которой королевский секретарь подтверждает от имени шведского войска обязанность выполнить условия договора. Все три документа по вопросу о передаче Корелы говорят одно и то же, и потому мы ограничиваемся публикацией только данной договорной записи; мы выбрали именно этот документ, потому что в нем, после основного текста, имеется более ценная, чем основной текст, приписка, ярко характеризующая политические настроения горожан и крестьян Корелы и уезда (см. выше, стр. 55).

² Карл Олофсон.

по прежнему обещанью поступится и отдати. И на том царского величества боярин и воевода князь Михайло Васильевич Шуйской обещался клятвою своею, как его мне данная запись оказывает, что тот город Корсла с уезды по прежнему договору, безо всякого мотчания, прекословия и оману, поступити и моему велеможнейшему королю и коруне свейской очистить и отдати велети. И по тому договору царского величества боярин и воевода князь Михайло Васильевич Шуйской велел своему полномочному и воеводе Федору Даниловичу Чулкову ехать со мною в Великий Новгород, а из Новгорода ехать с нами ж диаку Ефиму Телепневу в Корслу. И как приедут царского величества боярина и воеводы князя Михайла Васильевича Шуйского полномочные Федор Чулков да Ефим Телепнев в Корслу, и им город Корелу с уезды отдати и очистить мне и моего велеможнейшего короля и государя полномочным послом, не мотчая, как наперед объявлено, по прежнему договору; и то исполнити царского величества боярин и воевода князь Михайло Васильевич Шуйской обещал, как его мне данная запись оказывает. И на том мы царского величества с боярином и воеводою со князем Михайлом Васильевичем Шуйским договорились, что королевского величества воеводе Якову Пунтусову Делагарди со всеми ратными людьми, опричь раненых и больных, которые с ним, — как дойдут ему те денги и соболи, которые со князем Яковом Петровичем Борятинским присланы будут ратным людям на паем, — и королевскому воеводе Якову Пунтусову, роздав те денги ратным людям, итти со всеми ратными людьми, которые с ним, к царского величества боярину и воеводе ко князю Михайлу Васильевичу Шуйскому в Колязин, безо всякого мешканья, и с ним против сего царского величества недругов стоять за один человек и царскому величеству помочь учинити вместе. А которой час моего велеможнейшего короля и государя ратной воевода Яков Пунтусов со всеми ратными людьми, которые с ним, к боярину и воеводе ко князю Михайлу Васильевичу Шуйскому придут: и того ж часу боярина воеводы князя Михайла Васильевича Шуйского полномочным, Федору Чулкову да Ефиму Телепневу, и ехать со мною в Корелу и отдати город Корелу мне и моего велеможного короля и государя полномочным послом тотчас. А на том яз, Карл Олосон, по своей вере, совести и правде обещался, что моего велеможнейшего

короля и государя воеводе Якову Пунтусову Делагарди, по прежнему королевскому обещанью, взяв те денги и роздав ратным людям, итти со всеми ратными людьми к боярину и воеводе, ко князю Михайлу Васильевичу Шуйскому в Колязин тотчас, не мешкав, безо всякого отчаяния и неверия. И что то все держати безо всякой лести, и яз се письмо своею рукою подписал и печатью своею запечатал. Писано в Колязине, августа в 27 день лета 7117-го.

[В конце документа в рукописи имеется современная основному тексту приписка]:

И по тому договору послан из Колязина монастыря Федор Чулков, да из Новгорода велено схати диаку Ефиму Телепневу, а велено тот договор исполнити тотчас. И Федор и Ефим писали, что они стоят в Ладоге, а в Корелу не поехали для того, что Корельские посадские и уездные люди в Кореле заперлися. А каксы отписки они писали, и те их отписки посланы ко государю с Микифором Крюковым, октября в 26 день¹.

(Акты Исторические, II, т. № 258, стр. 306—307).

№ 4. Грамота царя Василия Ивановича в Корелу к епископу Сильвестру, к воеводе князю Мышецкому и ко всем жителям: о выводе из Корелы российских подданных и об отдаче города и уезда шведам в порядке выполнения ранее заключенного договора.

Москва, 30 августа 1609 г.²

От царя и великого князя Василия Ивановича всеа Руси в Корелу богомолцу нашему епископу Сильвестру, да воеводе князю Данилу Тимофеичу Мышецкому, да Василию Тихановичу Аврамову, и игуменом, и протопопу, и попом, и головам, и дворяном, и детям

¹ Об этой приписке см. выше, стр. 35.

² Эта грамота — единственное послание, дошедшее до нас из целого ряда посланий, которые были написаны в 1609—1611 гг. из Москвы в Корелу и из Корелы в Москву. Грамота написана сразу после заключения 21 августа нового договора Скопина-Шуйского со шведским командованием о передаче Корелы; вероятно, эту грамоту повезли с собой Чулков и Телепнев, отправленные в Корелу, чтобы передать город шведам. Печатаем с некоторыми сокращениями.

боярским, и стрелцом, и пушкарем, и посадким человеком, и Корельского уезду всяким человеком...¹

...А договор з боярином нашим со князем Михайлом Васильевичем Карлус король учинил, и тех ратных своих людей на помощь послал на том: что ему и всему Свейскому королевству всеми своими ратьми и силами нам помогати, и Росийское государство от врагов наших очистить и их из нашего государства выгнати; а нам за то ему город Корела дати. И после того укрепления², Карлуса короля воеводы со мною с неметцкою ратью многое нам и всему Росийскому государству вспоможенные учинили... А ныне они с боярином нашим со князем Михайлом Васильевичем блиско Москвы, и присылали к нам ротмистров и лутчих людей говорити, что они, по своему договору, все совершают: многие города и места от воров очистили, и воров во многих местах побивали, и вперед на своем слове стоят крепко... и вперед де тот договор с их стороны будет неподвижен; а с нашей де и стороны по договору боярина нашего князя Михайла Васильевича не совершено, посямesta город Корела Карлусу королю не отдан. И государь де их Карлус король и они о том в великом сумненье, что они по договору все совершают, а с нашей стороны по договору ничего не сделано; и нам бы по договору боярина нашего князя Михайла Васильевича город Корела Карлусу королю одати, а людей бы всех и казну, и наряд из Корелы со всем вывести; а толко че велим ему одати Корелы, и они хотят воротитца в свою землю и вперед нам помогати не хотят. И мы говорили о том с отцом нашим и з богомолцом, с святейшим Гермогеном патриархом, и со всем освященным собором, и з бояры, и з дворяны, и со всеми ратными и з земскими людьми³, что Росийского государства люди ныне учинились в великом изнеможение и без помощи, без неметцких людей против литвы и поляков стояти невозможно, и жалея о том,

¹ Далее в грамоте рассказывается, как московское правительство, находясь в «угнетенье» от польских войск, должно было обратиться за помощью к шведам.

² Договора.

³ Это место текста должно было, по мысли авторов, создать впечатление у жителей Корелы, что малопопулярный царь Василий Шуйский, приказывая сдать город Корелу шведам, выражает не только свою волю, но и мнение всей страны.

чтоб вера хрестьянская и Росийское государство от врагов от литвы и от поляков не разорилось, и святыя б церкви в поспрании и в поругании не были, приговорили есмя город Корелу одати Карлусу королю на том: что ему и всему Свейскому королевству всеми своими ратьми и всякими мерами нам и всему Московскому государству на воров на полских и на литовских людей и на русских воров помогати, и наше государство от них очистить, и их из нашего государства выбити; а божье милосердые образы, и всякое церковное строенье, и колокола, и вас всех, и нашу казну, и наряд, и зелье, и всякие пушечные и хлебные и всякие запасы велели есмя вывести. И для того велели есмя послати боярину нашему князю Михайлу Васильевичу с сею нашею грамотою к вам в Корелу дворян добрых, которым вас с церковным строеньем, и с казною, и с нарядом, и со всякими запасы и со всеми животы¹ из Корелы вывести; а неметцкие воеводы послали от себя дворян же, которым Корела взяти. И как к вам ся наша грамота придет, и боярин наш князь Михайло Васильевич пришлет к вам которых дворян с сею нашею грамотою, а велит вам Корелу очистить немецким человеком; и ты б, богомолец наш², и с тобою воеводы, и головы, и игумены, и протопоп, и попы, и дьяконы, и весь освященный собор³, и дворяне, и дети боярские, и земцы, и стрелцы, и пушкарни, и посадские, и всякие люди, памятуя православную хрестьянскую веру и собрався со всем, ехали из Корелы в Великий Новгород, или в Орешек, или где кому любо; а божье милосердые образы из Корелы и из монастырей, из всех храмов, и колокола, и всякое церковное строенье, и казну всякую, и хлеб и всякие запасы, и наряд всякой, и зелье, и ядра, и всякие пушечные запасы взяли б есте с собою в Великий Новгород, а в Кореле и в монастырях не оставили ничего⁴, а город Корелу отдали б есте

¹ Со всем личным имуществом.

² Подразумевается епископ корельский Сильвестр, к которому прежде всего обращена царская грамота.

³ То есть все духовенство города.

⁴ В отличие от условий Выборгского договора, здесь (видимо, чтобы не создавать у корелян лишнего повода для недовольства царским распоряжением о сдаче города) ничего не говорится о необходимости оставить в Кореле те пушки и боеприпасы, которые были привезены шведами в период оккупации 1580—1597 гг. и нахо-

немецким воеводам, не мешкая. А как ис Корелы поедете, и в котором числе немецким людям Корелу отдадите, и вы б о том тот час к нам отписали, и подлинные росписи людям, которые с вами будут, и казне, и наряду, и всяким пушечным и хлебным запасом к нам прислали, не замешкав; да и о том бы есте к нам челобитные прислали, не замешкав, где хто похочет жити: и мы по тому тот час вас всех пожалуем, ружников, и оброчников, и стрелцов, и пушкарей велим устроить нашим жалованьем, ругою¹ и оброком в тех городех, где хто похочет; а посадских и всяких жилетских людей и пашенных также велим устроить по их воле, где хто похочет, и льготы им велим дати, и на нашу б есте милость в том были надежны.

Писана на Москве, лета 1609, августа в 30 день.

(Собрание государств, грамот и договоров,
т. II, № 191, стр. 378—380.)

№ 5. Письмо короля Карла IX к выборгскому губернатору Арведу Тённессону с поручением принять Корелу (Кексгольм) от русских властей и попытаться еще дальше расширить шведские границы.

Стокгольм, 30 сентября 1609 г.

Карл и пр. Наш милостивый и пр. Узнав, Арвед Тённессон, из того письма, которое Ганс Йонссон имел с собой из России, что Михаил Шуйский объявил теперь, что он, согласно своему ранее сделанному обещанию, хочет немедленно послать своих полномочных комиссаров², которые должны уступить и передать нам Кексгольм с его леном, то такова наша воля и приказание, чтобы вы отправились туда, чтобы это было бы передано нам чем раньше, тем лучше. И поскольку дело обстоит так, что русские комиссары, которые должны эту крепость передать, придут [в Кексгольм] прежде, чем туда

дидись в городе в момент возвращения его в 1597 г. под власть России; в данном документе царь приказывает вывезти из Корелы все пушки и боеприпасы полностью, независимо от их происхождения.

¹ Руга — феодальная повинность.

² Подразумеваются Чулков и Телепнев, которых Михаил Шуйский послал для проведения в жизнь условий русско-шведского договора 21 августа 1609 г. о передаче Корелы.

же придут те [люди], которых мы отсюда позаботимся послать, то повелеваем мы, чтобы вы с Клаасом Эриксоном отправились бы туда и приняли бы от нашего имени крепость, и посадили бы там доброе войско, и велели бы Клаасу Эриксону стать там комендантом замка, чтобы он¹ держался бы и был бы под защитой в верных нам и шведской короне руках. И хотим мы, чтобы граница оттуда была до Невы. Поэтому вы и должны отправиться туда и осмотреть, где было бы можно удобнее всего у устья Невы возвести шанц². Поэтому хотим мы послать туда людей, которые в этом [деле] понимают и могут показать, как должны строиться укрепления. Но вы должны дать русским понять, что мы оказали им такое отеческое благодеяние, что мы избавили их от рук их врагов, так как они все же, несмотря ни на что, стали бы рабами поляков и литовцев, если бы мы не пришли им на помощь; и те войска, которые мы им на помощь посылали, и еще послали, и впредь будем посылать, должны были и будут еще стоять нам необычайных расходов. Поэтому мы не хотим удовольствоваться одним Кексгольмом, но мы хотели бы иметь многие крепости и укрепления, которые в былое время, несколько лет тому назад, подчинялись шведской короне.³ И вы должны дать им знать, что как скоро они надеются иметь от нас еще помощь, то мы хотим еще иметь Нотебург, Ивангород и Колу. Мы не хотим, чтобы наше войско дольше продвигалось бы до того, как мы это не получим, или это будет нам обеспечено. Как бы то ни было, если вы теперь сможете чего-нибудь добиться у русских, то это хорошо, если нет, то вы должны посмотреть, не сможете ли вы теперь, пока у вас войско под руками, захватить это какой-нибудь хитростью и, если вы будете иметь возможность и [вам представится] случай, то вы этим не пренебрегайте. У нас есть также некоторые [люди] там, которые попытают своего счастья у Ивангорода, чего они там смогут добиться, и в Колу хотим мы послать немно-

¹ Замок.

² Укрепление.

³ В действительности, Орешек (Нотебург), Ивангород и Кола, о которых здесь идет речь, никогда не подчинялись шведской власти, если не считать временных оккупаций Орешка и Ивангорода во время русско-шведских войн.

го войска. Далес, так как вы даете знать, что толпы бежавших с поля боя намереваются вернуться домой туда, в Финляндию, те, которые самовольно убежали от Якоба Понтуссона¹, то наша воля и желание таковы, чтобы вы немедленно поспешили их отправить опять обратно, и как скоро они не отправятся тотчас же туда опять, тогда вы должны велеть поймать их и повесить их на ближайшем дереве. Что мы вам в ответ на ваше письмо повелели дать. По божьему велению. Дата выше.

(Waaranen, Bd III, № 546, ss 46—47).

№ 6. Полномочие для Тённе Йоренссона быть наместником над Кексгольмом².

Нючёпинг, 4 апреля 1610 г.

Мы, Карл и пр., свидетельствуем, что так как мы узнали, что полномочные послы нашего доброго друга и соседа, царя и великого князя в России, Иван Михайлович Пушкин, Алексей Безобразов и Микита Дмитриев отправились в Кексгольм, чтобы от имени их царя и великого князя передать нам и шведской короне крепость, для чего кто-нибудь должен быть, кто примет ее от нашего имени и ее потом займет, то дали мы полномочие и распоряжение любезному нам, благородному и мужественному слуге нашему и военному советнику Тённе Йоренссону из Хегггорда, чтобы он принял эту крепость и стал бы там наместником и правителем над крепостью и всем ее леном. И там должен он во всех делах следовать тому договору, который наш доверенный слуга заключил прошлой зимой с Семеном Головиным и Сыдавным, и сделать так, чтобы мы получили ее³ [под власть] шведской короны со всеми ее пограничными знаками, именными и границами, доходами и землями, которые раньше были под властью прежних царей и великих князей, и которые как прежними, так и нынешними управлялись. И пусть он будет обладать властью, отда-

вать приказание фогтам¹ в замках и ленах, кнехтам² и рейтарам³, как ему это будет нужно, а также командовать в крепости как над вахтмейстерами⁴, так и над другими, над кем будет нужно, которые все должны в его присутствии принять присягу нам и шведской короне, и потом оказать ему от нашего имени покорность и повиновение, как если бы мы сами были там. Поэтому мы здесь торжественно повелеваем всем тем, кого он делает там подчиненными, чтобы они это исполнили, этому следовали бы и во всех случаях искали бы нашу выгоду и знали бы, как отвращать наши убытки. Какую плату наш наместник определит каждому подчиненному и принесшему присягу, ту они будут ежегодно получать. Там каждый получит по праву.

Дата выше.

(Waaranen, Bd III, № 563, ss. 69—70).

№ 7. Из письма короля Карла IX к Эрику Йонссону и Юхану Бенгтсону.

Стокгольм, 7 августа 1610 г.

...Кексгольмцы в подобном же случае сообщили, что они поддерживали своего царя и великого князя Василия Ивановича, который является нашим добрым другом и соседом, но это все был обман. Потому что епископ кексгольмский Сильвестр возбудил в конце концов множество крестьян, до двух тысяч человек, которые убили наших людей в лагере, однако и им не повезло, а большая часть их должна была поплатиться жизнью...⁵

(Waaranen, Bd III, № 577, s. 93).

¹ Речь идет здесь о взбунтовавшихся наемных солдатах из войска Делагарди, ушедших из лагеря под Калаязином в августе этого года и направившихся обратно к Выборгу.

² Полномочие это осталось на бумаге. Русские и карельские люди еще в течение почти целого года удерживали Корелу (Кексгольм) в своих руках.

³ Крепость — Кексгольм (Корелу).

¹ Фогт — чиновник, осуществляющий гражданское управление на небольшой территории.

² Кнехты — солдаты-пехотинцы.

³ Рейтары — конные солдаты.

⁴ Вахтмейстер — младший офицерский чин.

⁵ Здесь мы имеем ценное свидетельство о выступлении карельского крестьянства против войск шведских интервентов, начавших в середине лета 1610 г. завоевание Корельского уезда. Особенно важно здесь указание на численность карельских партизанских отрядов и на роль епископа Сильвестра (см. выше, стр. 67).

№ 8. Ответ короля Карла IX на письмо Делагарди о подготовке к занятию Кексгольма (Корелы) и Нотебурга (Орешка).

Стокгольм, 6 ноября 1610 г.

Карл и пр. Наш особенно милостивый и пр. Мы, Яков Понтуссон¹, получили ваше письмо с Линдормом Нильсоном и оттуда узнали, что вы намерены овладеть Кексгольмом, и также, что вы имеете план относительно Нотебурга, так же как то, что вы хотите прийти на помощь тем, кто находится в Ладоге², что нам вполне угодно. И для того, чтобы вы могли бы выдержать осаду Кексгольма и другие ваши планы тем лучше могли бы быть осуществлены, мы посылаем вам теперь отсюда с полковником Кобруном столько иноземного войска³, сколько вы сможете увидеть из прилагаемого ресстра. Мы послали также Хендрика Тённессона в Финляндию и приказали ему поторопиться к вам все то финское войско, как рейтаров, так и кнехтов, которые сейчас там находятся по домам. И также мы послали на Север вокруг Ханса Рехенбергера, который должен призвать все норлендское войско⁴, как в Медельпада, Ойгерманландии⁵, так и в Вестер- и Эстерботнии⁶, и с ним отправиться к вам так, чтобы оно было в вашем распоряжении до рождества или сразу же после него. И хотим мы, чтобы вы выдержали осаду Кексгольма, а также и таким образом, как вы думаете, попытайте счастья у Нотебурга, а затем задержитесь с этим войском у границы, но на русской земле, пока не будут получены некоторые сведения, что будет происходить в России и кого они возьмут быть великим князем, и что им нужно будет доставить.

(Waaranen, Bd III, № 595, ss 114—115).

¹ Яков Понтуссон Делагарди.

² Шведский отряд, захвативший крепость Ладогу, в это время был окружен и осажден в крепости русскими войсками из Новгорода.

³ Войско, состоящее из наемных иноземных солдат.

⁴ То есть по шведским владениям вокруг северной части Ботнического залива.

⁵ Войско из северных провинций шведского королевства.

⁶ Северные провинции собственно шведской территории.

⁷ Вестерботния и Эстерботния — шведские провинции, лежащие к западу (Вестерботния) и к востоку (Эстерботния) от северной части Ботнического залива.

№ 9. Ответ короля Карла IX на письмо выборгского губернатора Арведа Тённессона, сообщавшего о захвате Кексгольма (Корелы).

Эребру, 31 марта 1611 г.

Карл и пр. Наш милостивый и пр. Мы получили, Арвед Тённессон, ваше письмо и оттуда узнали, что бог отдал под нашу королевскую власть Кексгольмскую крепость, за что да будет прославлено и восхвалено его божественное имя. И так как это не меньшее искусство хорошо защищать какую-нибудь вещь, чем приобрести ее, то повелеваем мы, чтобы вы во всех отношениях как войском, так и другим, хорошо снабдили бы крепость, так чтобы она снова не ушла бы от нас. И хотим мы, чтобы Андерс Бойе стал бы там наместником и имел бы себе в помощь Якоба Дидрихссона и к этому еще хорошего фогта, так же как и вахтмейстера и все прочее, чем такая крепость должна быть снабжена. Но мы хотим, чтобы Тённе Йоранссон остался бы с вами в Выборге, а Лассе Андерссон, которого вы посадили в Кексгольме, хотим мы, чтобы был использован в поле, так как мы думаем, что там он будет [более] полезен. Мы также несколько раз велели писать вам о том шанце, который мы хотим, чтобы был разбит на Неве, и послали все же окопного мастера туда, который должен осмотреть ту местность. Так как теперь приближается весна и лето, то хотим мы, наконец, чтобы этот шанц был разбит этим летом; и этому должны помочь крестьяне, находящиеся ближе всего в Кексгольмском лене и в приходах по эту сторону Невы, которые прежде были подчинены Нотебургу. Также мы хотим, как мы писали вам в последний раз, чтобы некоторые наши небольшие суда вошли туда, в Неву, в первый весенний день, и находились бы там, пока разбивается шанц, и препятствовали бы нотебуржцам получать подвоз с Балтийского моря. И так как бог дал нам счастье получить Кексгольм, то думаем также, если бог захочет, попытать, не сможем ли мы опять овладеть Ладогой, которую мы только что потеряли¹ и поэтому повелеваем мы, чтобы вы приказали постронть большое количество ладей там, на Ладож-

¹ Ладожская крепость, с июля 1610 г. находившаяся в руках отряда шведских войск, была осаждена русскими войсками и в феврале 1611 г. освобождена от шведов.

ском озере, на которых мы могли бы перевозить народ от Кексгольма и до Ладоги. И стало известно, что там у Кексгольма должно быть несколько сот ладей, которые прошлой весной были привезены туда из Новгородского лена и которые должны были вывезти все, что тогда имели кексгольмцы; эти ладьи мы и повелеваем приготовить прежде всего, чтобы они могли быть употреблены тогда, когда придет войско. И мы отдали приказ Йорену Брюньельссону, чтобы он сделал такие же ладьи и снарядил бы их, но только, чтобы Тённе Йоранссон, вы и Андерс Бойе присмотрели бы за тем, чтобы это не осталось неисполненным. По божьему велению. Дата выше. (Waaranen, Bd III, № 614, s. 142).

№ 10. Из Столбовского мирного договора России с Швецией: статья, подтверждающая переход Корелы и Корельского уезда под власть Швеции.

Стлбово, 27 февраля 1617 г.

...И потому, что преж бывший великий государь царь и великий князь Василий Иванович, всея Руси самодержец, отдал и грамотами подтвердил бывшему великому государю королю Карлусу девятому Свейскому и Свейской короне город Корелу с уезды¹ за то верное и добротное вспоможение, которое ему чинилось против польских людей, потомуж подтверждает и подкрепляет сим нынешним мирным договором великий государь, царь и великий князь Михайло Феодорович, всея Руси самодержец, того великого государя, царя и великого князя Василья Ивановича, всея Руси самодержца, дачю, за себя и за своих наследников и потом будущих Российского царствия великих государей, царей и великих князей и всего Российского царствия тако, что прежде помянутому городу Кореле со всеми уезды¹, с землею и с людьми, с угодьи, оброки и доходы на земле и на воде, по своим прямым старинным и по ся места бывшим рубежем и гранем, ничто не выгоро-

¹ В этих двух случаях русские послы при составлении текста договора допустили оплошность, поставив слово «уезд» во множественном числе. В действительности, согласно договору Шуйского с шведским правительством (1609 г.), Швеция должна была передать только один уезд — Корельский.

жено, во всем потому, как Российские великие государи цари и великие князи то наперед сего за собою имели, держали и владели, потомуж и вперед быти за велеможным государем королем Густавом Адольфом Свейским и его королевского величества наследники, и потом за будущими свейскими короли и за Свейскою короною, без всякого пререкания и спору, в вечное время...

(Полное Собрание Законов Росс. имп., т. I, стр. 177).

II. ДОКУМЕНТЫ О ШВЕДСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ В СЕВЕРНОЙ КАРЕЛИИ

№ 11. Из письма короля Карла IX кулеаборгскому губернатору Исааку Бему относительно русских дел.

Грипцхольм, 13 февраля 1609 г.

...Ты должен написать также игумену Соловецкого монастыря по той форме, какую мы при сем тебе посылаем. И ты должен постараться, чтобы ты там, в Ботнии, мог бы гройти как в южном, так и в северном пробстве¹ и захватить из них [оттуда] несколько тысяч человек, особенно хороших лыжников. А также [ты должен] распорядиться о сборе конных, как из людей фогта, так и кнехтов и других, какие тебе попадутся, коль скоро станет возможным двинуться с лошадьми и вместе с ними быстро перебраться через границу в Россию и пожаловать к русским; и на тех, которые умертвили Василия Ивановича Шуйского,² пусть будет наложена контрибуция, и возьми [у них] то, что тебе попадетсся. И если там в ту же сеть ты сможешь захватить Большую Суму, то ты этим не пренебрегай, а сделай все возможное, займи ее надежными людьми и скажи, что ты хочешь предоставить [себя] в распоряжение Василия Ивановича Шуйского...³

(Waaranen, Bd III, № 529, ss. 3—4).

¹ Приход, волость.

² До короля дошел ложный слух об убийстве Шуйского

³ В то время, когда в Выборге еще готовится заключение договора Швеции с Московским государством о союзе и дружеской помощи, шведский король уже отдает улеаборгскому губернатору распоряжение совершить вооруженный захват северных русских владений.

№ 12. Из письма улеаборгского губернатора Исаака Бема к сумскому воеводе с предложением военной помощи.

Каянеборг, весна 1609 г.

...Для того конечно хочу у тебя ведати: с кем ти держись и радиешь ли ти нашего всеможного королевские подмоги? А у меня еси нашего Королевского величества повеленье и подлинной указ, что яз с нашим всеможным королевским с ратною силою придти к тебе на помощь;... и объявляй мни, будет хочеш нашего всеможного короля подмоги?..¹

(Акты Археограф, Зксп., т. II, № 103, стр. 211).

№ 13. Письмо короля Карла IX к улеаборгскому губернатору Эрику Харе о подготовке похода в северную Карелию. Эребру, 25 января 1611 г.

Карл и пр. Наш милостивый и пр. Мы уведомляем тебя, Эрик Харе, что мы послали одного нашего русского толмача Бенгта Матсона с одним профосом² отсюда с письмом, которое мы написали игумену в Большую Суму. При этом мы повелеваем, чтобы ты последовал за ним через горный хребет до русской границы. И возьми в проводники двух рыбаков, которые находятся там в Эстерботнии, Ханса Кранка и Нильса Поульссона, так как они там знают дорогу. И когда ты придешь на границу, то ты должен послать профоса, рыбаков и письмо в Большую Суму. И потом ты с Бенгтом должен отправиться обратно, опять в Каянебург, где Бенгт пусть остановится, пока не вернется профос с ответом на письмо. Но ты должен отправиться опять в Улео и там снарядить тысячу крестьян, неженатых и пригодных мужиков, и достать им столько мушкетов, сколько сможешь, и устроить так, чтобы ты был готов через месяц, пока не придет туда наш полковник Андерс Стюарт с тем войском, ко-

ний. Опасаясь сопротивления русских людей, Карл IX приказывает замаскировать эти захватнические действия, объявив, что северную Карелию шведы занимают с целью помощи царю Василию Шуйскому.

¹ Аналогичное письмо с таким же предложением военной помощи было тогда же послано игумену Соловецкого монастыря. Мы не приводим текста обоих писем полностью, ибо почти весь текст (кроме приведенного нами места) касается общерусских дел.

² Чиновник, имеющий полицейские функции.

торое он возьмет стсюда¹ и которое [у тебя] должно будет получить мушкеты и оружие для тех, кому подостае. И затем ты должен последовать за крестьянами и сообразовываться с той инструкцией, которую мы дали с собой Андерсу Стюарту. И так как для ста двадцати рейтаров под знаменем Кнута Хоканссона, которые следуют за Андерсом Стюартом, нужны лошади, а они не могут теперь из-за длинной дороги вести лошадей с собой, то повелеваем мы, чтобы ты взял у священников, лендсманов² и крестьян сто двадцать лошадей, седел и прочего, что к этому относится, и сделал так, чтобы они были приготовлены [к тому времени], когда придут рейтары;... распорядись об этом побыстрее, коль скоро ты думаешь сделать это нам угодным. Дата выше.

(Waaranen, Bd III, № 605, ss. 130—131).

№ 14. Инструкция короля Карла IX полковнику Андерсу Стюарту и Кнуту Хоканссону для проведения похода в северную Карелию.

Эребру, 30 января 1611 г.

Во-первых: пусть они с солдатами³ Роберта Сима и рейтарами Кнута Хоканссона отправятся в путь, как только можно скорее, к северу вокруг Ботнического залива, а когда они придут в Хельсингеланд⁴ к Хернесанду, то пусть они дадут там одежду и деньги кнехтам Ханса фон Окерн, которые туда созданы, а потом возьмут их с собой и отправятся с ними немедленно и не теряя времени в Улео.

Во-вторых: когда же они дойдут до Улео⁵, то пусть они возьмут из обязанных к службе крестьян в Эстерботнии до тысячи людей, молодых и пригодных мужиков⁶, которые лучше всего будут служить в этом походе,

¹ То есть из Швеции.

² Деревенский староста.

³ Подразумеваются наемные (иноземные) солдаты в отличие от шведских солдат, набравшихся из сельского и городского населения и носивших название — «кнехты» (пехотинцы) и «рейтары» (кавалеристы).

⁴ Провинция северной части собственно шведской территории.

⁵ Улеаборг.

⁶ В качестве вспомогательной военной силы для поддержания посланного из Швеции постоянного войска (состоящего из рейтаров, кнехтов и наемных солдат) король приказывает к началу

и дадут им мушкеты и алебарды, и уведомят Эрика Харе¹, чтобы он сопровождал их. И с этим [войском] они должны отправиться с именем Иисуса в путь, сначала до Каянебурга, а от Каянебурга и через горный хребет до самой границы К[оролевского] В[еличества].

В-третьих: когда они дойдут до границы, то пусть Эрик Харе отправится опять в крепость Улео, а остальные должны при всех условиях узнать, как обстоит дело с Сумой и Соловками, и приложить все их старание, чтобы захватить при помощи петард или одну из них, или обе [крепости] или чтобы они как-нибудь иначе смогли расширить границы Швеции. Если бы они смогли бы это сделать и бог дал бы счастья, чтобы они захватили Суму или Соловки, то Роберт Сим со своими солдатами и Ханс фон Окерен с кнехтами должны будут остаться там; но крестьян они должны послать опять по домам, если они иначе могут их потерять.² Если же те³ не откажутся [служить дальше], то пусть они удержат их еще и останутся там все вместе и ведут себя так, как этого потребуют время и обстоятельства. И пусть они все время пишут К[оролевскому] В[еличеству], как проходит их поездка и чего они смогли добиться. Но пока они находятся там в России, они не должны убивать русских или сжигать что-либо, что они обнаружат; они могут свободно забирать от них все, что им попадется, но не сжигать и не убивать их, что запрещается.⁴

похода собрать в Эстерботнии тысячу местных крестьян, которые (в отличие от кнехтов и рейтаров) призывались на военную службу лишь на время похода — на несколько месяцев.

¹ Губернатор Эстерботнии (Улеаборга и его провинции).

² Здесь король высказывает предположение, что весной, к началу полевых работ, шведским командирам придется распустить крестьян по домам.

³ Крестьяне.

⁴ Понимая недостаточность сил, посланных для захвата северной Карелии, и боясь сопротивления местного населения, шведский король запрещает своим солдатам такие действия (убийства, поджоги), которые неизбежно должны будут вызвать возмущение местных жителей и смогут привести к восстанию против шведов, ибо восстание сразу приведет к краху захватнической операции. При этом король «великодушно» разрешает своим солдатам грабить население русских территорий, рассчитывая, что местные жители отнесутся к грабежу как к неизбежному в то время злу, совершающемуся всегда при прохождении иноземных войск. Содержащееся в данной инструкции запрещение убивать или совершать поджоги —

В-четвертых: они также должны, как только они придут в Улео, написать Якобу Понтуссону и Эверту Хорну и дать тем знать, по какому предписанию они посланы, и постарались бы узнать, как у тех обстоит дело. И когда они перейдут через границу в Россию и бог даст счастья, чтобы они смогли совершить что-нибудь хорошее, то тогда они также должны написать Якобу Понтуссону и дать ему [возможность] сообразовывать с этим свое дело. Но тому войску, которое у них с собой отсюда, они не должны дать заметить ничего другого, кроме приказа присоединиться к Якобу Понтуссону, так чтобы те, [кто находится] в Суме или в Соловках, не могли бы получить от них каких-либо сведений (Si! — таким образом), прежде чем они не подойдут так близко, что смогут передать новости сами.¹

(Waaranen, Bd III, № 607, ss. 132—134).

№ 15. Письмо Улеаборгского губернатора игумену Соловецкого монастыря с требованием дать немедленный ответ на посылаемую с этим письмом королевскую грамоту.

Каянеборг, 24 февраля 1611 г.²

Божиею милостью от велеможного и высокороженного государя князя и великого короля Каролуса девятого, Свейского, Ходского, Вендейского, Финского, Карелеского, Лопского, в Северной страны Каяньского, и Чюхонских в Левлянтах, и иных многих государств государя, короля и его королевского величества верной

это даже не акт лицемерия, а просто политический прием трусливого хищника, аппетиты которого гораздо больше, чем его реальные возможности.

¹ Шведское командование хотело захватить русские крепости северной Карелии врасплох, в результате неожиданного нападения; поэтому, чтобы карельское и русское население случайно не узнало от шведских солдат о захватнических целях похода, солдаты, согласно инструкции, не должны были знать подлинных целей и задач операции, в которой они будут участвовать.

² Данное письмо было послано улеабургским губернатором Эриком Харе соловецкому игумену вместе с упомянутым выше в документе № 13 письмом, посланным игумену от самого короля Карла IX. Текст королевского письма ни в соловецком архиве, ни в архиве королевской канцелярии не сохранился. Но сохранился текст ответного письма игумена (опубликован в Актах Археогр Эксп., т. II, № 180).

слуга и воевода в Улаборге да и в Каянеборге, яз, Ерик Харе с Смалма, даю тебе игумену Антону ведати, что всемилостивы государь король дал отписат к тебе, и яз, по всемилостивого государя короля приказу тот лист прислал к тебе для того: велю тебе игумену Антону, чтоб ты одноконешно отквел бы его королевского величества грамоту, да в той же грамоте достанеш снимок переведон по рускому языку, почему тебе будет управити. И ты в тот час учини указ на его королевского величества грамоту, што ты игумен Антонин умысляешь, и пришли его королевского величества посланников в тот час к его королевскому величеству с ответом назад и одноконешно так учини, чтоб оны никак бы не мешкали, толке б отослали б их скрозь день и ноцъ к его королевскому величеству назад; такое дело станет обеим великим государствам в любовь и в добрость. Писана в его королевского величества в городе Каянеборге, лето от Рождества Христова 1611 в день 24 февраля.

(Акты Археограф. Эксп., т. II, № 173, стр. 295).

№ 16. Письмо шведского командира Кнута Хоканссона Ханда королю Карлу IX о неудачном походе в Россию.

Улеаборг, 30 апреля 1611 г.

Мой государь! Покидая двор, я имел хорошую надежду на наше предприятие, не зная трудностей, подобных той, о которой Вы изволили [говорить]...¹ ни как можно будет взять пехотой город, расположенный за 60 лье в чужой стране без того, чтобы быть замеченными теми из города.² Это верно, что я имел хороший отряд кавалерии и хороших товарищей, если говорить правду, но плохо, что мы сели на маленьких крестьянских лошадях, как правильно выразилась наша светлость, и мы должны были сделать почти пятьдесят лье прежде, чем достичь вражеской земли по почти необитаемой пустыне, где никогда не проходила кавалерия и там, где снег был глубиной в рост лошади. Вы можете подумать, в каком состоянии была бедная пехота и наши бедные лошади, когда мы пришли в Московию. Честное слово, мне кажется,

что тот, кто посоветовал Вашему Величеству предпринять это путешествие, не имел ни капли разума, или же это был предатель, который хотел предать нас остальных и, может быть, разорвать связь между двумя государствами. Мой государь, верьте пожалуйста, я был очень опечален [тем, что] попал в это несчастное положение, и если бы я раньше знал страну так, как я знаю ее теперь, я бы никогда не согласился туда пойти. Мы все очень страдали от нужды и, может быть, без того, чтобы за это нас поблагодарили. Я прошу бога, чтобы он помог мне своим святым милосердием перенестись в места, где я мог бы жертвовать моей жизнью в бою и оказывать хорошую службу священной величеству и Вам, мой суверенный князь, и моему дорогому отечеству¹. Я нисколько не сомневаюсь, что мы потеряем много людей в этом сумасшедшем предприятии на реке с маленькими лодками. Против неприятелей мы сумеем себя защитить, но от голода и от наводнения нисколько. Я никогда не буду жаловаться, если мы сможем дойти до цели нашего предприятия, но вероятность этого не очень велика. Все же я не пощажу ни труда, ни жизни в выполнении этой службы, и я с большим уважением поручаю Вас богу, мой добрый князь, и остаюсь навсегда

мой государь,

Ваш скромный, верный и послушный слуга
Кнут Ханд² и пр.

Дано в Улео 30 апреля 1611.

(Waaranen, Bd. III, № 618, ss. 151—152).

¹ До этого места в письме речь шла об уже происшедшем и окончившемся неудачей походе в северную Карелию по зимнему пути (в апреле этого года). В дальнейшем тексте речь идет о готовящемся втором походе в северную Карелию, который шведские командиры собирались совершить в начале наступающего лета уже по речным путям (на лодках).

² Автором письма является упоминавшийся в приведенных выше документах командир отряда шведской конницы Кнут Хоканссон Ханд, один из руководителей шведского похода в северную Карелию. Некоторых финских историков вводила в смущение подпись «Кнут Ханд»; но эти авторы просто не знали, что шведский офицер, обычно называемый в документах только по имени и отчеству (Кнут Хоканссон, то есть «Кнут сын Хокана»), носил фамилию Ханд; ср. Sveriges krig, ss. 349—350.

¹ Дефектное место в рукописи.

² Горожанами.

№ 17. Письмо командиров шведского войска, стоящего на русской границе, к игумену Соловецкого монастыря с требованием восстановления «старого рубежа» и с угрозой вооруженного нападения на северную Карелию.

Вблизи Улеаборга, май — июнь 1611 г.¹

Король наш Карлус грозной, Соловецкого монастыря игумену Антонию и всей братии, или кто в его место поставлен, и Сумского острогу. Смотри от нас лист: не стой за наше посуленное. Ваш царь Василей и князь Михайло сулили нам за нашу выслугу три города, город Корельской, да Колской, да город Орешок, и пересулил нам за Орешок Сумской острог за нашу выслугу; а ходили и клали мы голов много с женами и с детьми, а про то у нас ведают Новгородские гости и Московские и все великие люди. А Карлус наш милостив говорил: ныне у нас негладко, ино после у нас будет гладко. За нашу выслугу не стойте за наше посуленное; и наш милостив Король Карлус за свою выслугу и за свое посуленное не стоит, а с вами роздружиться не хочет, хочет взять по старому рубежу по Дубу и по Золотцу; а не даете нам без кроволитья по старому рубежу по Дубу и по Золотцу, и наш милостив Король придет с войною и возмет все свои посуленные города и ваш Сумской острог; за свою выслугу и за посуленные города головы свои хочет класть, потому: есть у нас гости Новгородские и Московские и все великие люди, что нам сулены те города. И вы тот наш лист хотя к Москве пошлите, хотя о себя перепишите, а таки наш Король будет с войною, толко не даете по нашей меже и по старому Дубу и по Золотцу, и все свои посуленные города возмет, хотя свои головы класти. И от нас будет к вам весть к Ивану дни. А у нас люди стоят от Волюя за 30 верст семсот, да и инде у нас люди есть, толко думы их не ведаем.

¹ Этот документ показывает открытое вымогательство шведских властей, требующих передачи им всей северной Карелии и установления границы по выдуманному ими «старому рубежу». Письмо должно быть датировано маем—июнем 1611 г., когда шведское войско Андерса Стюарта, вернувшееся из неудачного зимнего похода, стояло под Улеаборгом («от Волюя за 30 верст»). Скорее всего, письмо написано в мае — начале июня, ибо к Иванову дню (24 июня) авторы письма обещают русским властям написать снова.

Да спрашивают у меня дальние немцы: есть ли де у них в Кемн острог, хотя бы де у вас был для прилики и славы в Кемн острог.
(Акты Археограф. Эксп., т. II, № 196, стр. 345).

№ 18. Ответ короля Карла IX на письмо губернатора Вестерботнии Балтзара Бека с повторным распоряжением губернатору выступить в поход через Улеаборг в северную Карелию¹.

Рюсбю, 9 июня 1611 г.

Наш милостивый и пр. Мы получили, Балтзар Бек, твое письмо и оттуда узнали, что Андерс Стюарт должен был прибыть назад в Улео с тем войском, которое он имел с собой. Все же мы этому не можем поверить, тем более, что в последний раз он писал нам с Давидом Валькером, что он с войском хочет задержаться там, в России, пока Эрик Харе не сможет прибыть туда с людьми и лодками, [и] что он тогда сможет завершить свой поход в Суму; поэтому, кажется нам, что ты также и теперь заговещь свой поход так, как ты имеешь обыкновение, так что ты всегда будешь начинать свой поход, но никогда не кончишь. Посему повелеваем мы тебе теперь, чтобы ты с имеющимся у тебя войском отправился к полковнику Андерсу Стюарту, а потом с ним двинулся бы к Суме и действовал бы согласно той инструкции, которую мы дали ему с собой. И так как в этой поездке войско должно быть снабжено провиантом, и поляки² должны быть удовлетворены, то мы милостивейше разрешили населению той местности быть свободным от меры зернового хлеба³, что было одобрено на сейме в Эребру, так, чтобы войско могло бы про-

¹ Готовя второй, летний поход в северную Карелию, шведский король решил послать на поддержку потерпевшему уже один раз неудачу Андерсу Стюарту губернатора Вестерботнии Бека с его вооруженными силами. Распоряжение это осталось на бумаге. Вспомогательный поход Бека в Улеаборг и далее, в северную Карелию, не состоялся, ввиду обозначившейся вскоре полной неудачи всего предприятия в целом.

² Отряд польских наемных солдат, находившихся на службе у губернатора Вестерботнии.

³ Ежегодный натуральный побор с населения Вестерботнии и Эстерботнии в пользу государства.

кормиться, и поход тем лучше бы проходил. Повелеваем поэтому, чтобы ты поторопился, коль скоро ты хочешь угодить нам...

(Waaranen, Bd III, № 619, s. 152).

№ 19. Письмо шведского командира Андерса Стюарта игумену Соловецкого монастыря с жалобой на действия карельских крестьян во время шведского похода через северную Карелию и требованием прекратить нападения карельских крестьян на пограничные земли шведского государства.

Улеаборг, 7 июля 1611 г.¹

Божиею милостию всемогущего Государя Карла девятого, Короля царства Свицкого, Холмского, Вендского, Финского, Карельского, Липского и Северной страны повелителя и Государя Кайянерского и Естского в Ливонской земле Государя Короля, его великомощства верной слуга и ратной воевода, яз, Андрей Стиварт Ладик Луденский с моим товарищем и другом Ериком Харем, воевода во Уле и Кайянеборхе, и со всеми воинскими головами, даю ведать тебе игумену Антонию со всею с братиею, что наш милостивой Государь Король меня послал с его всемогущим и храбрым войском в вашу землю против ваших недругов Поляков и Литваков на помощь, и повелел мне стою дорогою сквозь вашу землю проехать к нашему большому ратному воеводе Якову Понтусу, для того, чтобы Поляки не доведались про мою силу;² и как яз доехал до рубежа месяца Апреля, не как враг, и ваши крестьяне доведались, что мы едем, так

они все от своих дворов побежали, и я великою нужею для хлеба до деревни Чюпы¹ приехал. Яз начался скоро к нашему воеводе Якову Понтусу ехать, а как яз увидел, что нам не можно туды проехать для голоду, коли все ваши мужики прочь побежали, и нам за денги не можно ни чего добыть, так яз назад с моим войском воротился в нашу землю. И теперь стою яз с моим войском недалеко от рубежа и дожидается ответа по нашей грамоте от нашего милостивого Короля, куды нам ехать. Не умю яз тебе утаить, игумен Антоней, что яз нынеча доведася, что ваши люди и мужики пришли в нашу землю и наших крестьян забили, и много деревень зажгли, и животины много отняли; што коли наши недруги и я хочу от тебя ведать: ты ли им повелел или они сами от себя то доспели? Ты сам ведаешь, што наш милостивой Король да ваш Царь мир вместе доспели в Выборе, и коли ты тот мир хочешь держать, и ты смирн тех мужиков и не вели им в нашу землю ехать. А будет ты то не хочешь сделать, и твои люди в нашу землю придут, и яз готов нашего милостивого Короля землю заступать и в вашу землю ехать, таково ж делать, как и вы делали. А как то доспелся и вы сами виноваты, что вы тот мир испортили и войну на вашу землю доспели; для того ты игумен делай так, чтобы мир был промеж обеих царств. А тебе теперь мало пишу, а много челом бую. Грамота писана во Уле, месяца Июля седмого числа.

(Акты Археограф. Эксп., т. II, № 129, стр. 240—241).

№ 20. Письмо сумского воеводы Лихарев-ва к шведским властям в Улеаборге о прекращении военных действий между шведскими и русскими владениями.

Сумский острог, 20 августа 1611 г.

Велможного и высокорожденного князя и государя Карлуса, короля Свейского, Готского, Вандальского, Финского, Корельского, Естенского в Лифлянтх, ратным

¹ Этот документ был без всяких оснований помещен издателем «Актов Археографической Экспедиции» под 1609 г., ибо в тексте имеется только дата — «7 июля» — без указания года. Между тем, отправителем письма являлся «ратной воевода Андрей Стиварт», то есть Андерс Стюарт, предводитель шведского войска, в 1611 г. пришедшего в Улеаборг и совершившего поход в северную Карелию. Безусловно, что письмо написано в 1611 г. (когда Андерс Стюарт летом находился в Улеаборге) и повествует о зимнем походе Стюарта в северную Карелию.

² Поход, имевший своей задачей прямой вооруженный захват Сумы, Соловков и всей северной Карелии, изображается в этом письме, как, якобы, вполне мирное движение шведских войск на помощь Делагарди для борьбы с поляками и литовцами, врагами Русского государства.

¹ Местонахождение этой деревни Чюпы (Чупы) нам пока не удалось установить. Но это во всяком случае не ныне существующая деревня Чупа и станция Чупа на севере Карелии — так далеко на север шведы тогда не заходили; скорее всего, упоминаемая здесь деревня Чупа лежала где-то в районе реки Кемь.

воеводам Великороссийского Московского государства от бояр и воевод посланные ратные воевода Максим Васильевич Лихарев да голова Елизарей Денисьевич Беседного объявляют, что в нынешнем во 119 году, в июне месяце были съезды у Великого Новгорода Московского государства чашинику и воеводе Василью Ивановичу Бутурлину с государя вашего Карлуса короля с ратным воеводою и волным господином с Яковом Пунтусовичем о добром деле, и о совете, и подкреплении вечного мира, и о вспоможении против Полских и Литовских людей; и Яков Пунтусов объявил, что есть у государя вашего, у Карлуса короля, два сына, и присылал Яков Пунтусов о том под Москву к бояром и к воеводам и ко всяких чинов людям посланников своих Анцу Пухова да Анца Мака, чтоб взяли на Московское государство вашего государя Свейского Карлусова сына королевича; и бояре, и воеводы, и околничие, и столнники, и стряпчие, и дети боярские, и всяких чинов люди Московского государства избрали на Московское государство вашего Свейского королевича, Карлусова королевича сына, и к королю вашему Карлусу о том бояре наши ото всей Росийской земли послали послов своих, столнника князя Ивана Федоровича Троекурова с товарищами, а ваших посланников Анцу Пухова да Анцу Мака отпустили тотчас к Якову Пунтусову; а про тех ваших Свейских людей, которые ныне, сказывают, у вас на рубеже есть в сборе и хотели идти войною на Руския Поморския волости, и бояре наши Московского государства к Якову Пунтусову о том писали, чтоб он к тем ратным людям, кои есть на рубеже в сборе, отписал, чтоб они войною на Рускую землю Московского государства не ходили и задоров не всчиняли, и промеж бы нами и вами смуты никоторые не чинили. И вам бы, господа, ратных своих и порубежных людей вслети унимати, чтоб они с нашими людьми не восвались и задору б и смуты промеж государств никоторыя не чинили, потому что у нас с вашим королем доброе дело сталося. А мы, господа, присланы с Москвы в Сумской острог и во все Поморския волости Августа в 15 день для того, что у нас есть которые многие ратные люди в сборе, кои собрались против вашего задору и хотели идти войною в вашу землю, и мы ныне тех своих ратных людей уняли и идти им в вашу землю и воевати ваших людей не велели, чтоб нам промеж го-

сударствы смуты не учинить. А к вам, господа, ныне мы отпустили с сею грамотою сумлянина Нежданка Конюхова с товарищем, и вам бы, господа, тех наших посыльщиков к нам ступити тотчас и вслети о своем совете к нам отписать о всем; а пишем мы, господа, к вам и объявляем вам ратным воеводам в ваши города: в Карибор¹, и в Палдомской² да Волуй³ и ко всей вашей Свийской земли. А о том на нас не подивите, что мы ваших воеводских имен здесь не ведаем; а как вы к нам отпишете и ведомых себя учините, и мы к вам учнем именно писать.

(Акты Археограф. Эксп., т. II, № 193, стр. 341—342).

№ 21. Письмосумского воеводы Лихарева к шведским командирам Андерсу Стюарту и Эрику Харе о прекращении военных действий с обеих сторон по случаю заключения мира между Россией и Швецией.

Сумский острог, 7 сентября 1611 г.

Великия Росийския державы Московского государства боярина и воеводы князя Дмитрея Тимофеевича Трубецкого, да Ивана Мартиновича Зарутцкого, да думного дворянина и воеводы Прокофья Петровича Ляпунова, по совету все земли⁴ посланный воевода Максим Лихарев да голова Елизарей Беседного пишем и ведаем даем вам Свейского Карлуса Короля ратным воеводам Ондрию Стиарту с товарищем Ериком и всем нашим Неметским людям. В прошлом во 119-м году⁵ писали к Москве, к бояром нашим и к воеводам, из Колского острогу воеводы и дьяки, да из Соловетского мона-

¹ Каянеборг.

² ???

³ Кляеборг.

⁴ Воевода Лихарев выступает здесь от имени Временного все-российского правительства, организовавшегося летом 1611 г. в стане первого ополчения Трубецкого — Зарутцкого — Ляпунова и носившего название «Совет всея земли».

⁵ Подразумевается тот же 1611 год; но так как в то время новый год начинался с 1 сентября, то в данном письме, написанном 7 сентября, события зимы и весны 1611 г. отнесены уже к прошлому году.

стыря игумен Антоней с братьею, что ваши немецкие воинские люди приходили войною с нарядом под Колской острог и приступали накрепко, и хотели за щитом Колской острог взяти, и бог им того не подал; и после того ваши же немецкие люди нашего государства порубежныя волости повоевали, и деревни пожгли, и людей секли, а иных в полон взяли. И по тому писму у нас в Московском государстве учинился про ту вашу войну ведомо, и Московского государства бояря и воеводы нас послали против вашего задору со многими воинскими ратными людьми, против вас стоять и Поморских волостей оберегати; и мы пришли с своими со многими ратными людьми в Сумской острог Августа в 15 день. И в нынешнем во 120-м году Сентября в 4-й день писали вы на Соловки к игумену Антонию с братьею о том, что будто наши русские люди приходили в вашу землю войною и ваших людей побивали и деревни жгли. И мы к вам русских людей воевати не посылавали, и про то не ведасм; а про то нам подлинно ведомо, что ваши немецкие люди на Русь воевати ходили, а повоевали по имяном наших одиннадцать мест, волость Реболу, Ровкулу, Чолку, Котвас озеро, Тюжню, Ловуш остров, Лендеру, Воигоры, Кимас озеро, Юшко озеро, Сокасалу, и в тех деревнях многих русских людей побили, а иных в полон взяли, а иные от того вашего розгрому разбежались розно. И слух у нас про то есть, что де те громленные мужики разбивали по рубежу в нашей и в вашей земле и не с нашего ведома; и мы тех разбойников имати посылаем и, поймав, их смирим. А ваши будут люди в своей земле про тех разбойников проведуют, и вы бы их имали, а мы своих ратных людей унимаем и в вашу землю войною ходити и задору чинити не велим для того, что наш Царь и ваш Король доспели промеж себя мир, и мы того миру испортити и промеж царствы смуты учинити не хотим; а вы бы також своих людей у себя унимали и воевати на Рускую землю ходити и смуты чинити не велели. А преж сего, Августа в 15 день, послали мы к вам с листом, о мирном стоянье и о добром деле Руского человека сумлянина Нежданка Конюхова с товарищем; и вам бы наших посыльщиков к нам отпустить не задержав, и против прежняго и нынешняго наших листов велети бы к нам отписать о всем подлинно. А которых лю-

дей ваши люди взяли в полон, и вам бы велети тех людей, сыскав, на Русь отпустить.

(Акты Археограф. Эксп., т. II, № 195, стр. 344—345).

№ 22. Лист шведского дворянина Ганса Мунка с товарищами к Максиму Васильевичу Лихареву и ратным людям и жителям Заонежских и Оштинских погостов с уведомлением, чтобы они дали присягу в верности шведскому королевичу.

Осень 1611 г.¹

Господину Максиму Васильевичу, и головам и сотником стрелецким, и детям боярским, и пятидесятником, и десятником, и рядовым стрелцом, и атаманом, и казаком, и всем служивым людям, и Заонежских и Оштинских погостов старостам и целовальником, и всем христианом, Королевского Величества дворянин Анц Мук² да дворяне Богдан Лупандиц, Анц Бракилев, подъячий Федор Витофтов челом бьют. Писали мы к тебе Максиму наперед сего, чтобы ты, помня бога да правду и свою душу, не пролив крестьянской крови, государю нашему королевичу крест целовал и всяких людей на то уговаривал; и ты, по той нашей грамоте, к нам и посяместа не присылывал; а мы, прося у бога милости, пришли с вами перевидеться ближе того. И тебе бы, Максим Васильевич, помня бога и свою душу и не пролив крестьянской крови, государю нашему королевичу крест целовати и крестьян и всяких людей на то уговаривати; а вам бы всем православным крестьяном, помня свое крестьянство и не хотя видети в разоренье жен

¹ Никакой даты в тексте письма не содержится, и датировка его 1615 годом была сделана издателем Актов Археограф. Эксп. совершенно произвольно. Между тем, по указанию самого издателя, этот документ сохранился в современном списке, написанном на одном столбце с другим документом — с отпиской нижегородцев к вологжанам, датированной началом весны 1612 г. (Акты Археограф. Эксп., т. II, стр. 338—341, № 201), то есть относится к более раннему времени. Поскольку письмо обращено к «Максиму Васильевичу», то есть к воеводе М. В. Лихареву, находившемуся со своим отрядом в Карелии с августа 1611 г. и до первых месяцев весны (не позднее) 1612 г., письмо должно быть датировано концом 1611 года. Его написание, повидимому, предшествовало нападению тех же шведов на Заонежские погосты, происшедшему в конце 1611 г.

² Ганс Мунк.

своих и детей и сущих младенцов, и домом бы вашим в конечном разорении не быти, также от всякого зла и кровопролития отстати; а воров, которые вас православных христиан превращают на всякое зло и хотя ваши дома и жены, и дети, и сущие младенцы в позоре и в разорении до конца видети, на тех бы воров не смотрели и от них отстали. Изберите себе лутче, все православные крестьяне: то ли вам лутче, что вам государю нашему королевичу крест поцеловав и заплатити государевы денежные доходы и жити в покои и в тишине без войны; или то вам лутче, что дома ваши в конечном разорении будут, жены ваши и дети будут в полон поиманы, а иные побиты? Усумнитесь, все праславные христиане, на что вы надеетесь: только у вас надежи и обороны и земли под вами, на чем вы острог поставили у себя. Будеть, всякие люди, тотчас с нами о всем добром совете не обговоритесь, и к нам идут из Великого Новгорода ратные немецкие многие люди, и чаем их к себе вскоре и велим идти прямо на вас; а сами ныне, оставя вас в острожки, пойдем воевати и жечи домов ваших и жен ваших и детей ваших побивати и в полон имати; да на вас же придут с стороны немецкие люди. А мы, прося у бога милости, надеяся на свою правду, очищая свои души от кровопролития крестьянского, вывожав Заонежские погосты и Оштинские, пойдем к Белоозеру и к Каргополою; а ведомо нам, что и тем городом от Москвы теснее, от польских и от литовских людей; и прошедши те города, Белоозеро и Каргополь, пойдем в Поморские города, сослався от Колского острога свиского государя нашего короля державою с городами¹, пойдем назад войною же; и вам, всем православным христианом, где укрыватися? И как к вам ся грамота придет, и ты б, Максим Васильевич, положил то на своем разуме: за какую ты правду стал, и по чьему указу хочешь ты один стоять против Ноугородского господарства и Свиския земли, собрався с такими людьми, которые не хотят прирожденным государем служить, и воровати, и государеву землю запустошити, и православных христиан всех до-

¹ Ганс Мунк, видимо, знал о подготовлявшемся прошлой зимой (1610—1611 г.) походе шведских войск на Колу, но ко времени написания настоящего письма еще не получил сведений о провале этого похода, и потому считает Кольский острог шведским владением.

конца разорити? А как государь наш королевич придет в Новгород, и за такую твою службу, и за твое отчество и дородство как тебя по...¹

(Акты Археограф. Эксп., т. III, № 76, стр. 110—111).

№ 23. Из Столбовского мирного договора: обязательство не нападать на владения Русского государства.

Столбово, 27 февраля 1617 г.

...Также в сем вечном мире замирными быти велемного государя короля Густава Адольфа Свейского и великого государя царя и великого князя Михаила Феодоровича, всея Русии самодержца, государствам, землям, городам и подданным тако, что ни которому великому государю тайно или явно не умышляти и умышляти не позволити... Вселемному государю королю Густаву Адольфу Свейскому, его королевскому величеству или его королевского величества наследником и потом будущим свейским королем, ни им самим, ни иным кем ни которого зла не учинити и учинить не велети Российскому царствию, особно же Новугороду, Новгородскому посаду и городу Пскову, Псковскому посаду и городу Старой Русе, Порхову, Гдову, Ладогге, Тифину, Соловецкому монастырю, Сумскому и Кольскому острогом и их уездам, и городу Колмогорскому и всей Двинской земле, и Лопским погостам, которые к Российскому царствию пристоят, Каргополою и всей Каргопольской земле, Белоозеру, Вологде и иным его царского величества городам, землям и уездам и подданным, и их не воевати, и которого зла не учинити и чинити не велети...²

(Полн. Собр. Зак. Росс. Имп., т. I, стр. 182).

¹ Документ дошел до нас в списке, в котором не сохранилось конца.

² Русские послы вынудили шведскую сторону принять на себя обязательство не нападать и даже не «умышлять» нападений на русские владения. В договор включен и конкретный перечень русских владений, на которые не должны отныне нападать шведы; в этом перечне содержатся все земли, на которые шведы нападали или собирались напасть в период интервенции 1609—1617 гг., в том числе и все земли северной Карелии: Соловецкий монастырь, Сумский острог и Лопские погосты.

ПРИМЕЧАНИЯ К ТЕКСТУ

1. Д. В. Бубрих. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947, стр. 41—44. Ср. его же: Пятнадцать лет работы секции языка. Материалы юбилейной сессии Ученого совета Научно-исследоват. института культуры КФССР. Петрозаводск, 1947, стр. 68—69. — Его же: Историческое прошлое карельского народа в свете лингвистических данных. Известия Карело-Финской научно-исследовательской базы АН СССР, 1948, № 3, стр. 49. — Его же: Отношение между финским и карельским языками. Труды I научной сессии Карело-Финского государственного университета. Петрозаводск, 1949, стр. 97.

2. В. Пегов. Польско-шведская интервенция в Карелии в начале XVII века. Петрозаводск, 1939. — Его же: Разгром польско-шведской интервенции в XVII веке. Альманах «Карелия», кн. 1, Петрозаводск, 1939, стр. 136—147 (сокращенное изложение предыдущей работы). — Р. Б. Мюллер. Очерки по истории Карелии XVI—XVII вв. Петрозаводск, 1947, стр. 92—98.

3. G. Rein. Föreläsningar över Finlands historia. Bd II. Helsingfors, 1871, ss. 170—190. — Yrjö Koskinen. Finnische Geschichte. Leipzig, 1874, ss. 190—197. — M. G. Schybergson. Finlands historia. Bd I. Helsingfors, 1888, ss. 385—395. — K. Grotenfelt. Suomen historia uskonpuhdistuksen aikakaudella 1521—1617. Jyväskylä, 1902, ss. 385—395, 404—413. — K. Lindeqvist. Suomen historia. Porvoo, 1926, ss. 228—230. — Einar V. Juvelius. Suomen kansan aikakirjat. II. Helsinki, 1932, ss. 652—682. — Einar V. Juva. Suomen taistelu itää vastaan. Helsinki, 1942, ss. 137 ff. — Torsten G. Aminoff. Karjalan lännen etuvartiona. 700-vuotinen taistelu Karjalasta. Helsinki, 1943, ss. 203—266.

4. Juvelius, op. cit. — J. Jaakkola. Suomen historian ääriiviat. Helsinki, 1941. — Juva, op. cit. — Jaakkola. Suomen idän kysymys. Porvoo — Helsinki, 1942. — Aminoff, op. cit. etc.

5. Aminoff, op. cit., ss. 236—237.

6. J. Krohn. Kertomuksia Suomen historiasta. Kaarle X Kustaa. I. s. 37—51. — Schybergson, op. cit., ss. 397—398.

7. Опубликовано в Актах Археографической Экспедиции, т. II,

III; наиболее важные документы из этой переписки мы даем в приложениях (№ 12, 15, 17, 19, 20, 21).

8. J. Waaranen. Samling af urkunder rörande Finlands historia. Bd II—IV. Helsingfors, 1866—74.

9. Г. В. Форстен. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях, т. II, СПб, 1894.

10. J. Widekind. Thet Svenska i Ryssland Tijo åhrs Krygzhistorie. Stockholm, 1671.

11. J. Widekind. Historia belli sveco-moscovitici. [Stock]Holmiae, 1672.

12. H. Almquist. Sverige och Ryssland (1595—1611). Uppsala, 1907.

13. Текст о Карелии до конца XV в. написан по неопубликованным материалам кандидатской диссертации автора.

14. С. Гадзяцкий. Карелия и карелы в новгородское время. Петрозаводск, 1911, стр. 138—147.

15. Мюллер, цит. соч., стр. 33—39.

16. Там же, стр. 13—15, 20—33.

17. Гадзяцкий, цит. соч., стр. 151.

18. Там же.

19. Мюллер, цит. соч., стр. 35.

20. Писцовая книга Вотьской пятины. «Временник Моск. Общ. Ист. и Древн.», кн. 12, М., 1852, стр. 1—6. — Мюллер, цит. соч., стр. 65—66.

21. Мюллер, цит. соч., стр. 65.

22. Писцовая книга Вотьской пятины. «Временник», стр. 7—8. — Гадзяцкий, цит. соч., стр. 134—135.

23. Гадзяцкий, цит. соч., стр. 135.

24. Мюллер, цит. соч., стр. 66—67.

25. Там же, стр. 68. Ср. А. Ильинский. Городское население Новгородской области в XV веке. Журнал Министерства Нар. Просвещ., 1876, № 6, стр. 253.

26. Мюллер, цит. соч., стр. 86.

27. Там же, стр. 87.

28. Там же, стр. 90.

29. Н. Казакова и И. Шаскольский. Русь и Прибалтика (IX—XVII вв.). Л., 1945, стр. 97.

30. Aminoff, op. cit., ss. 236—237.

31. W. Tawaststjerna. Pohjoismaiden viisikolmatta vuotinen sota. Vuosien 1570 ja 1590 välinen aika. Helsinki, 1918—20, s. 263. Ср. Sveriges historia till våra dagar. Bd V. Stockholm, 1923, s. 153.

32. Tawaststjerna, op. cit., ss. 273—290, 467, 487. — Летописец Соловецкий, изд. архимандрита Досифея. М., 1833, стр. 39—40.

33. Tawaststjerna, op. cit., ss. 467—468, 533, 580. Сведения о действиях карельских партизан заимствованы Тавастшерной из переписки командиров шведских отрядов, действовавших на территории Карелии в 1581—83 гг.

34. Там же, s. 385. — Такие же требования выдвинули шведы и в 1586 г. при возобновлении переговоров о перемирии (Handlingar rörande Skandinaviens historia, Bd. 38, Stockholm, 1857, ss. 45—46).

35. W. Tawaststjerna. Pohjoismaiden viisikolmatta vuotinen sota. Solavuodet 1590—95 ja Täyssinän rauha. Helsinki, 1929, s. 386.

ср. С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. II, СПб. 1893, стр. 586.

36. «Материалы по истории Карелии XII—XVI вв.» под ред. В. Г. Геймана. Петрозаводск, 1941, стр. 285.

37. Schybergson, op. cit., s. 337.

38. Летописец Соловецкий, стр. 43. — Я. К. Грот. Старинный датский документ о разорении Печенгского монастыря в 1589 г. Сборник отд. русск. яз. и словесн., т. 51 (1890), прилож. к протоку. XIX. — Koskinen, op. cit., s. 159. — Schybergson, op. cit., s. 337. — Tawaststjerna, изд. 1918—20, ss. 544—545, 555.

39. А. Чумиков. О походе шведов к Белому морю в 1590—91 гг. Чтения. Общ. Ист. и Древн., 1894, кн. 3, стр. 12—16. — Handl. för. Skand. hist., Bd. 38, s. 93.

40. Чумиков, цит. соч., стр. 12—16. — Летописец Соловецкий, стр. 43—45. — Н. М. Карамзин. История Государства Российского, т. X. СПб., 1843, стр. 95. — Tawaststjerna, изд. 1929, Referat, ss. 12—13.

41. Tawaststjerna, изд. 1929, стр. 302, прим. 2.

42. Текст Тявзинского мирного договора опубликован П. Г. Бутковым в Журнале Министерства Внутр. дел, ч. XXXVII, сент. 1840 г., на стр. 325—378, и А. Чумиковым во «Временнике» Общ. Ист. и Древн. за 1868 г., кн. 2, стр. 1—12. Об отяжке на 2 года в возвращении Корелы Русскому государству см.: Я. К. Грот. Грамота герцога Карла к царю Федору Иоанновичу. «Труды Я. К. Грота», т. IV, СПб., 1901, стр. 19 и 21. — Almquist, op. cit., s. 33.

43. Материалы по истории Карелии XII—XVI вв., стр. 352—353.

44. См. выше, стр. 23.

45. Форстен. Балтийский вопрос в XVI—XVII вв., II, стр. 67.

46. Там же.

47. Там же.

48. Там же.

49. Там же, стр. 68; Almquist, op. cit., s. 92.

50. Форстен, цит. соч., стр. 73.

51. Там же, стр. 71—72; Almquist, op. cit., s. 103.

52. Форстен, цит. соч., стр. 78.

53. Форстен. Политика Швеции в смутное время. Журн. Министерства Нар. Просвещ., 1889, февраль, стр. 337.

54. Waaganen, Bd. II, № 458. Ср. Форстен, Балтийский вопрос, II, стр. 76, прим. 2.

55. Форстен, Балтийский вопрос, II, стр. 75.

56. Повесть И. М. Катырева-Ростовского. «Русская Историческая Библиотека», т. XIII, стр. 671.

57. Almquist, op. cit., s. 124.

58. Форстен, Балтийский вопрос, II, стр. 81.

59. Almquist, op. cit., s. 127.

60. Соловьев, цит. соч., кн. II, стр. 853. Ср. В. Лилев. Шведская интервенция начала XVII века. Историч. журнал, 1940, № 1, стр. 103—104.

61. Соловьев, цит. соч., стр. 853.

62. Almquist, op. cit., s. 131, анм. 4.

63. Widekind, op. cit., ss. 60—63.

64. Там же, стр. 61.

65. Там же, стр. 62.

66. Основной текст договора опубликован в Актах Исторических, т. II, стр. 180—189; в нем содержатся лишь обязательства военной помощи. Кроме основного документа был составлен тогда же второй, секретный документ — договорная запись о передаче Корелы и Корельского уезда (опубликован там же, стр. 190—191); этот документ мы даем в прилож. I.

67. Акты Исторические, т. II, стр. 302, 304—306.

68. Там же, стр. 303, 305, 306. — Собрание Государств. Грамот и Договоров, т. II, стр. 378. Ср. Almquist, op. cit., s. 159.

69. Widekind, op. cit., s. 130. — Waaganen, Bd. III, s. 93. Ср. Almquist, op. cit., ss. 159, 177—178, 201, 226.

70. Widekind, op. cit., s. 130.

71. В приписке к документу, приводимому нами в прилож. 3, упоминаются посланные из Корелы царю «отписки».

72. Письмо приводится у Альмквиста, op. cit., s. 178, анм. 1.

73. Акты Исторические, т. II, стр. 329. — Собрание Государств. Грамот и Договоров, т. II, стр. 380. Ср. Almquist, op. cit., s. 160.

74. Almquist, op. cit., s. 178.

75. Там же.

76. Там же.

77. «Карелия в XVII веке». Сборник документов, сост. Р. Б. Мюллер, под ред. А. И. Андреева. Петрозаводск, 1948, стр. 21. Ср. Almquist, op. cit., s. 179.

78. «Карелия в XVII веке», стр. 21; ср. Almquist, op. cit., s. 179.

79. «Карелия в XVII веке», стр. 21; ср. Almquist, op. cit., s. 173.

80. «Карелия в XVII веке», стр. 22.

81. Almquist, op. cit., s. 179.

82. Там же, стр. 178.

83. Widekind, op. cit., s. 130.

84. Almquist, op. cit., s. 185.

85. Там же; см. также прилож. 9, стр. 140.

86. Almquist, op. cit., s. 185.

87. Там же.

88. Там же, s. 200.

89. Там же.

90. Там же, прим. 4.

91. Widekind (латинское издание), p. 191—192.

92. Там же, стр. 192.

93. Там же.

94. Widekind (шведское издание), стр. 235.

95. Almquist, op. cit., s. 201.

96. Там же. — Sveriges krig 1611—1632. Bd. i Stockholm, 1833.

s. 356.

97. Almquist, op. cit., s. 201. — Sveriges krig, s. 356.

98. Almquist, op. cit., s. 201.

99. Материалы архива Кексгольмского замка опубликованы в книге: Th. Schvindt. Käkisalmen pesälinnan ja entisen linnoiteun kaupungin rakennushistorian aineksia. „Analecta archaeologica fennica”. II, 2. Helsingissä, 1898.

100. Schvindt, op. cit., ss. 14, 16, 19—21.

101. Там же, стр. 7—8. Главная башня восходит к XIV вeku.

102. Там же, стр. 9 и др.

103. Там же, стр. 27—28.
104. Widekind, op. cit., s. 237.
105. Almquist, op. cit., s. 228, anm. 4.
106. Widekind, op. cit., s. 219.
107. Русский биографический словарь, том Притвиц — Рейс стр. 314.
108. Sveriges krig, s. 356. Ср. Almquist, op. cit., s. 201, anm. 3.
109. Widekind, op. cit., s. 237. Ср. Sveriges krig, s. 357, anm. 3.
110. Almquist, op. cit., s. 201. — Sveriges krig, s. 357.
111. Widekind, op. cit., s. 257.
112. Там же, стр. 237. — Sveriges krig, s. 357 (письмо написано 27 октября).
113. Almquist, op. cit., s. 201. — Sveriges krig, s. 357 (письмо написано 17 ноября).
114. Widekind, op. cit., s. 257.
115. Almquist, op. cit., s. 226, anm. 3.
116. Там же, стр. 226.
117. Widekind, op. cit., s. 275.
118. Там же, стр. 276. — Almquist, op. cit., s. 227.
119. Almquist, op. cit., s. 227.
120. Там же.
121. Widekind, op. cit., s. 276.
122. Там же.
123. Almquist, op. cit., ss. 227—228.
124. Там же, стр. 228.
125. Там же; Widekind, op. cit., s. 276.
126. Акты Археограф. Эксп., т. III, стр. 147—148.
127. Карамзин, лит. соч., т. XII, 1843, стр. 187.
128. Almquist, op. cit., s. 130.
129. Там же, стр. 146, 160, 177, 208.
130. Waaranen, Bd. III, стр. 2—5; Там же на стр. 6—9 опубликован написанный в королевской канцелярии (и сохранившийся в ее архиве) примерный текст письма, которое улеаборгский губернатор должен был по распоряжению короля послать игумену Соловецкого монастыря.
131. Almquist, op. cit., s. 167.
132. Акты Археограф. Эксп., т. II, стр. 209—211. Опубликованный здесь текст письма, полученного игуменом Соловецкого монастыря от улеаборгского губернатора (и сохранившийся в монастырском архиве), соответствует упомянутому в прим. 130 примерному тексту, согласно которому это письмо должно было быть написано.
133. Waaranen, Bd. III, s. 48.
134. Там же, стр. 63—64.
135. Almquist, op. cit., s. 168.
136. Waaranen, Bd. III, s. 67. — Almquist, op. cit., ss. 168—169.
137. S. Ingman, *Tutkimuksia Pohjoissuomen historiassa, vuosilta 1595—1635*. Helsingissä, 1890, s. 33. Автор этой работы широко использовал хранившиеся в Улеаборге материалы архива Улеаборгской губернии, содержащие ценные сведения о событиях 1609—11 гг. на севере Финляндии и Карелии. — Ср. также Sveriges krig, s. 332.
138. Waaranen, Bd. III, s. 66.

139. Ingman, op. cit., s. 33.
140. Yrjö Koskinen. *Klubbe-krigget*. Helsingfors, 1864, s. 497. — Schybergson, op. cit., I, s. 337. — Juvelius, op. cit., s. 655. Особенно часто упоминаются финскими авторами два набега финна Весаина с отрядом крестьян Эстерботнии на Кандалакшу и Колу в 1589 и 1590 гг.: Koskinen, op. cit., s. 175, 177; его же *Finnische geschichte*, s. 159; Schybergson, op. cit., I, s. 337; Lindeqvist, op. cit., s. 227 etc. Два грабительских набега Весаина и вынужденное участие отряда финских крестьян Эстерботнии в 1611 г. в походе на Суму финские буржуазные авторы стремились представить как факты, говорящие о постоянной вражде финнов к России.
141. Ingman, op. cit., s. 34.
142. Almquist, op. cit., s. 230.
143. Waaranen, Bd. III, s. 150.
144. Ingman, op. cit., s. 36; ср. ниже, прилож. 14.
145. Акты Археограф. Эксп., т. II, № 180.
146. К такому выводу из текста ответного письма пришел М. А. Кастрен в статье «Utdrag ur Solovetska kloster-krönikan», журнал «Suomi», 1843, № 4, s. 203.
147. Ingman, op. cit., s. 37.
148. Там же.
149. Там же. В «Sveriges krig» (s. 350) общая численность войска Стюарта неправильно указывается в 1380 чел.; данные Ингмана более достоверны.
150. Ingman, op. cit., s. 37.
151. Там же, s. 38.
152. Летописец Соловецкий, стр. 52. — Досифей. Описание Соловецкого монастыря. М., 1853, I, стр. 106—107. Ср. Н. Орлов. Смутное время (начала XVII века) и русский Север. Изв. Арханг.-с-ва изуч. русск. Севера, 1913, № 4, стр. 175.
153. Ср. Ingman, op. cit., s. 39.
154. Там же.
155. Ср. Widekind, op. cit., s. 387.
156. Ingman, op. cit., ss. 40—42.
157. В Копейной книге Соловецкого монастыря (Архив Ленинградск. отделения Института истории. Собрание рукописных книг, № 55, л. 115) упоминаются хранившиеся в монастырском архиве две отписки Лихарева из Сумы к соловецкому игумену с извещением, что из Сумского острога отсылались письма «в немцы» с предложением установить мир.
158. Об этом говорит приводимый нами в прилож. 22 документ, где шведское командование обращается к М. В. Лихареву, как к главе политической власти в Заонежских погостах.
159. Летописец Соловецкий, стр. 52—53. — Досифей, лит. соч., I, стр. 111.
160. Акты Археограф. Эксп., т. III, стр. 9—10 и 89. — Waaranen, Bd. IV, ss. 330—331.
161. Widekind, op. cit., ss. 607—608.
162. Там же, s. 608. — Акты Археограф. Эксп., т. III, стр. 89.
163. Акты Археограф. Эксп., т. III, стр. 152.
164. Widekind, шведское издание, стр. 494—495; латинское издание, стр. 390—391; ср. Форстен, Балтийский вопрос, II, стр. 121.

165. Форстен, цит. соч., стр. 123. — Г. Замятин. К вопросу об избрании Карла-Филиппа на русский престол. Юрьев, 1913, стр. 31. *Sveriges krig*, ss. 422—424.
166. Widekind, латинское издание, стр. 395.
167. Widekind, шведское издание, стр. 565—576.
168. Акты Моск. государства под ред. Н. А. Попова, I, СПб., 1890, стр. 90.
169. Widekind, op. cit., s. 579. — *Maaranen*, Bd. IV, s. 178, anm. 20.
170. Акты Моск. государства, I, стр. 90.
171. Мюллер, цит. соч., стр. 94—95; ср. Widekind, op. cit. s. 534; *Sveriges krig*, s. 393.
172. Акты Моск. государства, I, стр. 82—83.
173. Там же, стр. 83.
174. Там же.
175. Там же, стр. 92—93.
176. Об этом походе см. там же. № 46, 55, 56; ср. Орлов, цит. соч., стр. 177—179.
177. Летоисец Соловецкий, стр. 53—54. — Логифей, цит. соч., I, стр. 116.
178. Акты Моск. государства, I, стр. 95. — Мюллер, цит. соч., стр. 95. — Н. Ардашев. Из истории XVII века. Поход черкас. Журнал Министерства Нар. Просвещ., 1898, июль, стр. 255.
179. Акты Моск. государства, I, стр. 95. — Мюллер, цит. соч., стр. 95—96.
180. Акты Моск. государства, I, стр. 95.
181. Там же.
182. Там же, стр. 96.
183. Там же, стр. 91.
184. Ардашев, цит. соч., стр. 259.
185. Акты Моск. государства, I, стр. 107.
186. Там же, стр. 106—107. — Widekind, op. cit., ss. 598—599. — *Sveriges krig*, s. 462.
187. Widekind, op. cit., ss. 606—607.
188. Там же; ср. *Sveriges krig*, s. 480.
189. *Sveriges krig*, s. 569.
190. Хрестоматия по истории Карелии, сост. А. Линеvский, В. Машезерский, В. Пегов, под ред. В. Н. Бернадского. Петрозаводск, 1939, стр. 132—133.
191. Там же, стр. 133—134. См. также: Орлов, цит. соч., стр. 182; Олон. губ. ведомости, 1849, № 7; 1856, № 17; 1857, № 17, 20—23; 1863, № 50; 1866, № 37; 1869, № 35.
192. Форстен, Балтийский вопрос, II, стр. 129—130. — Замятин, цит. соч., стр. 119—121, 123—129, 131—139. — Лилсеев, цит. соч., стр. 109. — В. Фигаровский. Партизанское движение в Московском государстве во время шведской интервенции начала XVII века. Новгород. историч. сборник, вып. 6, Новгород, 1939, стр. 40—50. — Его же — Отиор шведским интервентам в Новгороде. Новгород. историч. сборник, вып. 3—4, Новгород, 1938, стр. 69, 82—85. — В. Шунков. Народная борьба против польских и шведских оккупантов в нач. XVII в. Историч. журн., 1945, № 1—2, стр. 4—6. — И. Шепелев. Шведская интервенция в России в 1610—1611 гг. Сборн. трудов Пятиг. гос. пед. ин-та, вып. IV, Пятигорск, 1949, стр. 183, 186.

193. Н. Лыжин. Столбовский договор и переговоры, ему предшествовавшие. СПб. 1857, стр. 51. — Widekind, op. cit., s. 693. — *Sveriges krig*, s. 542.

194. Лыжин, цит. соч., стр. 51—66. — Widekind, op. cit., ss. 693—708, 710—713, 754—755, 778—815. — *Sveriges krig*, ss. 543—546, 561—563.

195. Лыжин, цит. соч., стр. 54. — Сборник Русск. Историч. Общ., т. 24, стр. 273. Widekind, op. cit., s. 698. — *Sveriges krig*, s. 543.

196. Сборник Русск. Историч. Общ., т. 24, стр. 290—291, 311, 365, 379, 382. — Widekind, op. cit., s. 698 ff. — Лыжин, цит. соч., стр. 54.

197. К. Якубов. Россия и Швеция в первой половине XVII века. Чтения в Общ. Ист. и Древн., 1897, кн. 3, стр. 19—20.

198. Текст Столбовского мирного договора опубликован в Полном Собрании Законов Росс. Имп., т. I, СПб. 1830, на стр. 171—186. О передаче Корелы Швеции см. на стр. 177 (перепечатано нами в прилож. 10). Текст Столбовского договора опубликован также в приложении к цитированной книге Н. Лыжина на стр. 142—173.

199. Я. К. Грот. Известия о Петербургском крае до завоевания его Петром Великим. «Труды Я. К. Грота», т. IV, стр. 74. Ср. Лыжин, цит. соч., стр. 79—80.

200. Widekind, op. cit., ss. 923—926; ср. Лыжин, цит. соч., стр. 78—79.

201. Widekind, op. cit., s. 929. — Якубов, цит. соч., стр. 67 (и дальше, стр. 69—70).

202. Widekind, op. cit., стр. 940—941; стр. 935.

203. Там же, стр. 930 ff.

204. Там же, стр. 940—941.

205. Там же, стр. 942—943. Текст пограничного соглашения 1621 г. опубликован в Полном Собр. Законов Росс. Имп., т. I, стр. 197—209. Во II издании «*Karjalan kirja*» (Helsinki, 1932) на стр. 208 опубликована старинная карта пограничной линии, установленной в 1621 г.; карта, скорее всего, была начерчена тогда же (сразу после переговоров) видным шведским географом А. Буреусом, входившим в состав шведской пограничной делегации.

206. Juvelius, op. cit., ss. 681—682. — Aminoff, op. cit., s. 248 etc.

207. Juvelius, op. cit., ss. 681—682. — «*Karjalan historia*», Porvoo, 1938, s. 73. — Jaakkola, Suomen idän kysymys, s. 22. — Aminoff, op. cit., s. 264 etc.

ОСНОВНЫЕ ИЗДАНИЯ ИСТОЧНИКОВ

1. Акты Исторические, т. II и III.
2. Акты Археографической Экспедиции, т. II и III.
3. Собрание Государственных Грамот и Договоров, т. II.
4. Акты Московского государства, под ред. Н. А. Попова, I, СПб, 1890.
5. «Карелия в XVII веке». Сборник документов, сост. Р. Б. Мюллер, под ред. А. И. Андреева, Петрозаводск, 1948 (или первое издание той же книги: «Карельская деревня в XVII веке». Сборник документов, сост. Р. Б. Мюллер, под ред. А. И. Андреева, Петрозаводск, 1941).
6. Хрестоматия по истории Карелии. Составители А. Линевский, В. Маньезерский, В. Пегов; под ред. В. Н. Бернадского. Петрозаводск, 1939.
7. J. Waaranen. Samling af urkunder rörande Finlands historia. Bd. II—IV. Helsingfors. 1866—74.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	стр.
От автора	3
Предисловие	5
I. Карелия к началу XVII века	16
II. Начало польской и шведской интервенции в России	40
III. Борьба за город Корелу и Корельский уезд	52
IV. Шведская интервенция в северной Карелии	80
V. Действия польско-литовских отрядов, выполнявших задания шведского командования в Карелии в 1613—1616 гг.	106
VI Столбовский мир	114
Заключение	121
Приложение: документы о шведской интервенции в Карелии	124
Примечания к тексту	158
Основные издания источников	166

Редактор *З. П. Васильева*
Технический редактор *Р. С. Сучкова*
Корректор *Л. В. Ераскова*

Сдано в набор 25/II-50 г. Подписано к
печати 26/IV—50. Е—09346. 43.344 знаков в
печ. л. 10,5 уч.-издат. л. + . вкл. Госиздат
№ 46. Тираж 3000 экз. Бумага $8\frac{1}{2} \times 108\frac{1}{32}$
 $= 3\frac{1}{4}$ бумажных—11,7 п. л. Заказ № 167
Цена 5 руб.

Книжная типография Полиграфиздата
при Совете Министров КФССР,
г. Сортавала, Карельская, 32